

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. К. МУЛЛАГАЛИЕВ

В.Н. ХИСАМОВА

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ
НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК**

Сопоставительное изучение модальности английского и татарского
языков на базе переводных произведений англо-американских
авторов на татарский язык

**КАЗАНЬ
2024**

УДК 811
ББК 81.2
М90

*Печатается по рекомендации заседания Ученого совета
Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета
(протокол № 9 от 26 июня 2024 г.)*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета **Н.Н. Фаттахова**;
доктор филологических наук, профессор Академии наук Республики Татарстан **Г.Х. Гилязетдинова**

Муллагалиев Н.К.

М90 **Англо-американские произведения в переводе на татарский язык / Н.К. Муллагалиев, В.Н. Хисамова.** – Казань: Издательство Казанского университета; Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского, 2024. – 178 с.

ISBN 978-5-00130-825-6

Монография посвящена особенностям проявления функционально-семантической категории модальности в процессе перевода англо-американских художественных произведений с английского на татарский язык.

В первой главе дается общая характеристика категории модальности с точки зрения английского и татарского языков, описывается историческая последовательность развития учений о данной категории и рассматриваются основные средства выражения модальности в рамках художественного произведения.

Во второй главе раскрывается вопрос о реальной, ирреальной и императивной модальности, приводятся примеры их проявления в переводных произведениях, делаются выводы по основным формам переноса модальных отношений с английского на татарский язык.

Рекомендуется преподавателям, научным работникам, аспирантам, а также всем интересующимся вопросами художественного перевода и функционально-семантической категорией модальности.

ISBN 978-5-00130-825-6

УДК 811
ББК 81.2

© Муллагалиев Н.К., Хисамова В.Н., 2024

© Издательство Казанского федерального университета, 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
Глава 1. МОДАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ	
1.1 Модальность. История возникновения и развития категории модальности.....	11
1.2 Модальные отношения в русском языке.....	21
1.3 Выражение модальности в татарском языке.....	39
1.4 Функционально-семантические средства выражения модальности в английском языке.....	55
Глава 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК	
2.1 Межъязыковая интеграция в современном мире.....	73
2.2 Средства выражения реальной модальности в англо-американских художественных произведениях и их переводах на татарский язык.....	77
2.3 Проявление ирреальной модальности в англо-американских художественных произведениях и их переводах на татарский язык.....	100
2.4 Выражение императивной модальности в англо-американских художественных произведениях в процессе перевода на татарский язык.....	119
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	140
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	145
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	173

ВВЕДЕНИЕ

В современном миропонимании человечество все больше и больше стремится к комплексному и структурному описанию многих явлений и факторов, которые его окружают. В связи с этим возникает потребность иного, совершенно нового взгляда на многие привычные вещи. Современная наука начинает развиваться в ключе сотрудничества различных направлений – основных и прикладных областей исследования, ставит перед собой глобальные задачи и ищет пути их решения. При таком подходе большую актуальность приобретают вопросы перехода с одного языка на другой, так как объединение знаний и накопленного опыта возможно только при комплексном подходе и подразумевает поликультурные и многоязычные отношения. В свою очередь, любые взаимоотношения между людьми, а в данном случае и между культурами, подразумевают общение. Будучи сложным процессом, общение представляет собой многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми (межличностное общение) и группами (межгрупповое общение), порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя, как минимум, три различных процесса: коммуникацию (обмен информацией), интеракцию (обмен действиями) и социальную перцепцию (восприятие и понимание партнера) [250; с. 69].

Одним из ключевых моментов общения выступает восприятие и понимание партнера, которое происходит на высоком уровне передачи информации – при обмене жестами, мимикой, интонацией, состоянием души, и определяется, обычно, отношением говорящего или слушающего к высказываемому, высказывания к реальности, влиянием речи на собеседника и факторами, которые мы изучаем как категорию модальности. Возникая на грани коммуникации и восприятия, модус речи, или категория модальности, представляет собой интересное поле для исследования. При этом языковая категория модальности требует комплексного подхода на стыке таких наук, как лингвистика, типология и сравнительно-сопоставительное языкознание, теория и практика перевода, психология и культурология, философия и т. д. В данной работе мы рассматривали категорию модальности с совершенно нового ракурса, на фоне взаимопроникновения сопоставительного языкознания, теории перевода и лингвистики. Сложность подхода обусловлена тем, что в работе будет рассмотрен процесс пере-

вода художественных произведений англо-американских авторов XIX–XX веков с оригинального языка на татарский. Исследование направлено на выявление функционально-семантических особенностей передачи идеи в разноструктурных и генетически неродственных языках при переводе художественного произведения, где достоверность конечного текста напрямую зависит не только от языковых умений, но и от понимания культуры, быта, истории целого народа и духа самого произведения, созданного автором. При этом теория перевода будет определять процесс в целом, его цели и задачи, называть эталон переведенного текста.

Сопоставительное языкознание поможет осуществить непосредственный перевод разноструктурных языков. Посредством глубокого сравнительно-сопоставительного анализа можно обнаружить связь оригинального произведения с его переводом, основанную на языковом чутье переводчика. Под «языковым чутьем» надо понимать неоспоримые знания в области лингвистики, типологии и большой переводческой опыт, которые позволяют переводчику работать художественно, избегая машинального перевода. Типология при этом помогает выйти за рамки генетического родства и рассматривать совершенно разные языки, коими являются английский и татарский.

В свою очередь, лингвистический элемент «модальность» выступает как средство передачи мыслей, побуждений автора, атмосферы оригинального произведения на язык, на который делается перевод.

Проблема, затронутая в данной исследовательской работе, является актуальной в силу того, что на сегодняшний день практически не существует прямых переводов англо-американских художественных произведений на татарский язык. Переводы, доступные татарскому читателю, осуществлены не с оригинального произведения, а с русского варианта.

В современном мире, где информативная точность обязательна, для перевода англо-американских художественных произведений на татарский язык необходимо избегать опосредованности. При этом необходимо учитывать большую роль русского языка как языка посредника, так как именно через русский язык в татарское общество проникали элементы западных культур. Это было обусловлено тем, что и географически, и в культурно-бытовом плане татарский язык был отдален от англоязычного мира, тогда как многие русские деятели путешествовали в западные страны, привнося элементы западного

мира в русское общество. Было бы неправильно отрицать влияние отдельных деятелей на развитие отношений между западным миром и татарским обществом. Доказательством может служить деятельность ученых К. Фукса, Ф.Ф. Болленсена, И.А. Больцани, О.Ф. Готвальда, Ф.И. Фатера, Г.Л. Фогеля и др. И среди татар были просветители, которые отмечали благоприятное влияние западной культуры. Среди них можно назвать К. Насыри, Ш. Марджани, И. Гаспринского, А. и Г. Хусаиновых, Ш. и З. Рамиевых, В.В. Радлова, Х. Фаизханова, Р. Фахрутдинова и других. Тем не менее, это не повлияло на количество англо-американских художественных произведений, переведенных на татарский язык. В татарском мире в силу культурно-нравственной и религиозной близости были популярны арабский и персидский языки, с которых и происходило большинство переводов. Переводились учебники, сказки, научная литература, газеты и журналы. Латинским языком, близким к романо-германской группе, пользовались биологи, врачи, ученые разных категорий. А вот английский, французский, испанский, немецкий языки не были восприняты, хотя российское дворянство серьёзно осваивало французский язык и разговаривало на нем даже в кругу семьи.

Русский мир был всецело интегрирован в международную культуру, тогда как до татарского мира доходили лишь отдаленные отголоски европейской культуры. Имело место такое явление, как «перевод перевода», что естественно отдаляло перевод от оригинального текста, стирало авторскую атмосферу, его живой стиль и острое перо, которое передавало идеи и раздумья автора, его внутренние переживания. Речь шла о двойном переводе, который настолько отдалял произведение от оригинала, что появлялись некоторые моменты, совершенно непонятные читателю. До читателя доходила только малая часть информации автора. А иногда переводы получались сухими, то есть пропадала оригинальность, терялась временная связь в предложениях, менялась суть предложения. Происходила потеря уникальной информации в силу того, что грамматические конструкции, временные формы и фразеологические единицы многих языков были отличны друг от друга. Среди переводов англо-американских произведений на татарский язык встречаются и такие, которые, на наш взгляд, больше напоминают пересказ оригинального произведения.

Изучение феномена проявления модальных отношений в художественном произведении в процессе перехода с английского языка на

татарский поможет значительно углубить существующие теоретические знания в сопоставительном изучении неродственных языков и создать практическую базу для дальнейших работ в области перевода.

В данном исследовании рассматриваются труды учёных, работающих как над вопросами общего языкознания, так и занимающихся проблемами теории и практики перевода, сравнительно-сопоставительного языкознания. При этом отдельные учёные обращают большее внимание на систематизацию фундаментальных знаний о языке и мышлении, рассматривают как философские аспекты языка (К. Насыри, И. Гиганов, Ф. Брюно, О. Есперсен, З. Клеменевич, Г.О. Винокур, В.Н. Хангильдин, Н.К. Дмитриев, К.З. Ахмеров, А.В. Бондарко, В.В. Виноградов, В.З. Панфилов, Г.В. Колшанский, М.Р. Федотов, А.А. Пальмбах, Г.А. Золотова, М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, Ф. Ю. Юсупов, Д.Г. Тумашева, С.С. Ваулина, Т.В. Шмелева, К.З. Зиннатуллина, Ф.С. Сафиуллина, Н.Н. Фаттахова, М.А. Сагитов), сравнительно-сопоставительного языкознания (Ш. Балли, А. Казембек, Н.Ф. Яковлев, Ф. Палмер, А. Вежбицка, А.Н. Кононов, О.В. Трунова, Т.И. Дешериева, Ф.Г. Исханов, К.М. Мусаев, А.М. Ахунзянов, З.М. Валиуллина, В.Н. Хисамова, А.Г. Садыкова, Р.Г. Миннихметов, В.Г. Фатхутдинова), так и вопросы теории и практики перевода (В.Г. Адмони, В.С. Виноградов).

Основными в данном списке можно считать работы Ш. Балли, учёных А. Арно и К. Лансло, которые задали начальное определение категории модальности в области языкознания и отделили термин от более ранних философских и логических подходов, выраженных, например, Аристотелем, который говорил об истинности и ложности суждений в зависимости от модуса высказывания; В.В. Виноградова, утверждавшего, что модальность является неотъемлемой частью каждого высказывания; В.З. Панфилова, А.В. Бондарко, Г.В. Колшанского, которые писали о различной степени модальности предложений в зависимости от типа предложения; В.Н. Хангильдина, М.З. Закиева, Ф.А. Ганиева, Д.Г. Тумашевой, исследовавших модальные отношения в татарском языкознании.

На сегодняшний день изучением категории модальности занимаются такие учёные, как Г.А. Золотова, С.С. Ваулина, Р.Г. Миннихметов, О.В. Трунова и др., также ряд учёных обращаются к категории модальности в ходе различных исследований в области языка:

М.Н. Закамуллина, В.Н. Хисамова, Н.М. Хабирова, А.Р. Шамсутдинова, Р.Р. Ахунзянова и др.

Среди зарубежных учёных, вплотную занимающихся вопросом модальности, можно назвать Р. Палмера, М. Бреала, О.Д. Легшоу, Р. Карнапа, О. Джулиана, Л. Дж. Андерсона, Б. Дугласа, Д. Байби, Д. Коутс, П. Коллинза, Р. Фачинетти, Д. Джерон, Д. Хьюз, М. Круга, К. Леви, Д. Лайонза, Д. Мелиа, П. Портнера, Р. Салки и др. Также вопросом модальности интересуются такие учёные, как С. Пинкер, В.В. Орман, Д.И. Саид и др.

Таким образом, в своем исследовании мы рассматриваем средства выражения категории модальности в англо-американских художественных произведениях и их переводах на татарский язык.

В данном труде мы выявляем функционально-семантические средства сохранения оттенков реальной, ирреальной и императивной модальности в процессе перевода англо-американских художественных произведений XIX–XX веков на татарский язык.

Сбор языкового материала для анализа осуществлялся методом сплошной выборки. Фактическим материалом для исследования послужили оригиналы и переводы на русский и татарский языки таких произведений, как «Старик и море» (The old man and the sea) Э. Хемингуэя в переводе Я. Шамсутдинова (Карт белэн дингез); «Овод» (The Cadfly) Э. Л. Войнич в переводе К. Минлебаева (Кигэвен); «Мартин Иден» (Martin Eden) Джека Лондона в переводе Ф. Миннуллина (Мартин Иден); «Собака Баскервилей» (The hound of the Baskervilles) А.К. Дойля в переводе Р. Валиева (Баскервильлэр эте); «Путешествия Гулливера» (Gulliver's travels) Д. Свифта в переводе С. Адгамова (Гулливер Лилипутлар илендэ); «Всадник без головы» (The Headless Horseman) М. Рида в переводе Я. Халитова (Башсыз Жайдак); «Человек-невидимка» (The invisible man) и «Война миров» (The War of the Worlds) Г. Уэллса в переводе Ф. Миннуллина (Күренмэс кеше, Галэмнэр сугышы); «Робинзон Крузо» (Robinson Crusoe) Д. Дефо в переводе С. Адгамова (Робинзон Крузо); «Маленький оборвыш» (The true history of a little ragamuffin) Д. Гринвуда в переводе К. Янгулова (Бэлэкэй сукбай); «Приключения Тома Сойера» (The Adventures of Tom Sawyer) и «Приключения Гекльберри Финна» (Adventures of Huckleberry Finn) М. Твена в переводе Г. Губая (Том Сойер мажаралары, Гекльберри Финн мажаралары); «Последний из моги-кан» (The last of the Mohicans) Д. Ф. Купера в переводе Р. Даутова

(Соңгы могикан); «Хижина дяди Тома» (Uncle Tom's Cabin) Г. Бичер-Стоу в переводе Г. Губая (Том агай алачыгы).

Выбор данных англо-американских художественных произведений обуславливает тот факт, что все они были переведены на татарский язык. Этот небольшой список в основном включает в себя переводы не оригинальных художественных произведений, а русской версии произведения, поэтому в рамках нашего исследования, наряду с английским и татарским языками, мы рассматриваем средства передачи модальности и в русском языке. При этом русский язык, не являясь объектом исследования, носит характер языка-посредника.

В данной работе впервые анализируются средства выражения реальной, ирреальной и императивной модальности современного английского и татарского языков в рамках англо-американских художественных произведений и их переводов на татарский язык. В ходе сопоставления языкового материала делаются выводы о принципах и нормах сохранения модальности художественного текста при переходе с одного языка на другой, выявляются неточности в переводах на татарский язык и предлагаются альтернативные варианты переводов, основанные на результатах исследования.

Результаты сопоставительного исследования англо-американских художественных произведений и их переводов на татарский язык вносят весомый вклад в научно-теоретическую базу, обогащают существующий теоретический материал по сопоставительному изучению неродственных (английского и татарского) языков; по категории модальности как английского и татарского языков в целом, так и по отдельным вопросам сохранения реальной, ирреальной и императивной модальности в процессе перевода художественного текста с английского языка на татарский. Отдельные выводы по работе могут служить теоретической базой для исследователей, изучающих вопросы теории и практики перевода.

В английском и татарском языках функционально-семантическая категория модальности имеет сложную структуру, опирающуюся на различные уровни языкового материала, которая в процессе перевода художественного произведения может выражаться через фонетические, грамматические, морфологические, функционально-семантические элементы языка или их сочетанием.

Независимо от различного понятийного аппарата каждого языка и в английском, и в татарском языках можно выявить реальные, ирреальные и императивные формы выражения модальности.

И в английском, и в татарском языках реальная модальность, в основном, представлена временными формами глагола: 16-ти временным формам английского глагола соответствуют девять форм татарского глагола. Кроме того, при переводе художественного произведения могут наблюдаться переходы между настоящим, прошедшим и будущим временами, то есть временные рамки одного и того же предложения в английском и татарском языках могут не совпадать.

Ирреальная модальность в английском языке в основном представлена сослагательным наклонением, различными типами условных предложений и лексическими элементами *should + infinitive, would rather, it's time, suppose, what if, think, wish* и др. При переходе на татарский язык может быть использован широкий спектр средств языка, начиная с форм на *-ган булып иде, -ыр иде + -арга булып иде*, продолжая сочетанием *вакыт житте* + глагол настоящего времени на *-ый*. Сослагательное наклонение может передаваться через использование вопросительной формы с применением слова *эгәр* и аффикса условности *-са/-сә + булып икән*. Также возможна форма *-ә/-а булып иде*. Условные предложения в татарском языке можно представить при помощи слова *эгәр дә ... -сә/-са*. Компонент условности часто передается аффиксом на *-са* + ирреального аффикса на *-ыр иде*. Лексически может отображаться словами *уйлавымча, киңәш итәм* и иными лексическими аналогами татарского словарного запаса.

Императивная модальность как английского, так и татарского языков опирается на глагольные формы повелительного наклонения, которые, в свою очередь, могут сочетаться и с функционально-семантическими проявлениями языка. Отрицательная форма в английском языке образуется прибавлением частицы *not*, за отрицание в повелительном наклонении в татарском языке отвечают аффиксы *-ма, -мә*, к которым могут быть прибавлены окончания, указывающие на лица: *-сын, -йк, -гыз, -сыннар*. Ситуативно императивная модальность татарского языка может быть направлена и на самого говорящего: *-мыйм*.

Глава 1. МОДАЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЯЗЫКОЗНАНИИ

1.1. Модальность. История возникновения и развития категории модальности

О понятии «модальность» впервые заговорили уже в Античном мире. Аристотель в своих сочинениях, рассматривая сущность, бытие, стараясь найти ответы на свои вопросы о материи и формах, затрагивает вопрос модальности высказывания. Он пытается истолковать сущность человеческого языка, его связь с бытием. Аристотель говорит о «выражениях», «высказываниях» и «суждениях». Сначала он рассматривает отдельные слова: «Сократ», «человек», «сидит», «бежит» и т.д. Затем он переходит к сложным выражениям, которые, по его мнению, «истинны» или «выражают ложь»: «Сократ сидит», «Человек бежит», «Сократ есть человек» и т. д. Основываясь на своих знаниях, Аристотель предлагает классификацию высказываний. Основными критериями деления высказываний на категории он берет количество (общие и частные) и качество (утвердительные и отрицательные). Таким образом, получается четыре вида высказываний: общеутвердительные, частноутвердительные, общеотрицательные и частноотрицательные. Данная трактовка позволяет Аристотелю вплотную приблизиться к проблеме модальности высказываний, о которой ранее никто не говорил. Модальность, по мнению ученого, может выражать возможность и невозможность, случайность и необходимость. К этому он приходит, «прослеживая совместимость и несовместимость умозаключений». В суждении и умозаключении понятия или термины и суждения или высказывания не должны противоречить друг другу. На основе данных знаний он строит свое учение о «силлогизме», определение которого он дает как «речь, в которой если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто, отличное от положенного в силу того, что положенное есть» [12; с. 120]. На основе учений Аристотеля в классических философских системах появилось следующее определение модальности: «способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления (онтологическая модальность) или же способ понимания, сужде-

ния об объекте, явлении или событии (гносеологическая, или логическая модальность)» [249].

Накопление знаний и опыта привело к появлению новых исследований учёных, что в свою очередь повлекло за собой возникновение различных точек зрения по данному вопросу. Сегодня говорят о модальности, которая относится к логике (как раз ее и рассматривал Аристотель), и о модальности лингвистической. Таким образом, появились следующие определения термина «модальность»:

1. Категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания и отношение высказывания к действительности (в логике) [249; с. 881].

2. Грамматическая категория, выражающая отношение содержания речи к действительности и выражающаяся формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т. п. (в лингвистике) [249; с. 881].

При этом надо правильно понимать тот факт, что это далеко не последние инстанции раскрытия сущности слова «модальность» в современном мире. Существует огромное количество определений, которые затрагивают те или иные характеристики и функциональные параметры термина. Также определение разнится в зависимости от источника и автора, области применения. Например, модальность как метод психотерапии и психологии (качественность ощущений); модальность как принцип музыкального лада и т. д.

Цель, которую мы поставили перед собой, предполагает выделение лингвистической концепции термина «модальность». Но и здесь мы сталкиваемся с неоднозначностью термина «модальность»: она объединяет в себе различные определения и толкования. В современном мире сосуществуют самые разнообразные исследования: от традиционного изучения модального значения различных единиц языка до содержательной разработки модальности текста. Рассмотрим отношение различных учёных к категории модальности в языке. Одними из основных, ключевыми учёными в области языкознания мы можем назвать: В.В. Виноградова, Ш. Балли, О. Есперсена, Г.В. Колшанского, В.Г. Адмони, А.В. Бондарко, А. Вежбицку, Т.И. Дешериеву, Ф. Палмера, В.З. Панфилова, С.С. Ваулину, О.В. Трунову и др. Поэтому остановимся на тех определениях термина «модальность», которых придерживались названные учёные. Изучая вопросы языкознания, В.В. Виноградов часто описывает катего-

рию модальности как особую, но при этом всепроникающую. «Каждое предложение включает в себя, как существенный конструктивный признак, модальное значение, т. е. содержит в себе указание на отношение к действительности. Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложения и выражает одно из синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности», – пишет он в одной из своих работ [35, с. 41].

Таким образом, В.В. Виноградов одним из первых предлагает принять абсолютность модальности. По его мнению, модальность – это проявление индивидуальности, поэтому она характерна для каждого высказывания, для каждого проявления мысли в устной или письменной форме. В своих взглядах Виноградов близок к лингвисту Ш. Балли, который также говорит о «модальности «как о неотъемлемой части предложения или высказывания». С его точки зрения, высказывание выступает в роли живого организма, у которого есть «тело» (диктум), или логика предложения, и его «душа» (модальность), или «модус», которая «образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта». Для него существуют «сухие высказывания», которые не обладают «душой», и поэтому мы их не можем называть полноценным предложением [20, с. 44]. Шарль Балли, таким образом, видит предложение как прочную связь диктума и модуса, разорвав которую мы получаем лишь отдельное суждение или даже сочетание слов и настроение говорящего, которое никак не связано с его суждением. Соответственно, так как существование последнего в природе не является возможным, можно заключить, что все суждения, предложения и высказывания модальны. Некоторые же предложения модальны вдвойне по природе грамматического происхождения.

Например, Ш. Балли говорит о глагольных выражениях, которые обнаруживают взаимопроникновение нескольких форм мысли. Он приводит в пример французский глагол «esperer» – «надеяться», который одновременно предполагает и веру, и желание [20; с. 44].

Датский лингвист Й.О. Есперсен характеризует модальность, как «известные отношения говорящего к содержанию предложения», тем самым показывая тесную связь высказанной информации и самого говорящего. Увлечённый изучением вопроса соотношения фило-

софии и языкознания, канадский философ Я. Хокинг, высказывает интересную идею о происхождении модальности, или экспрессии, в речи говорящего. Он, изучив сам процесс мышления, говорит, что уже на уровне мысли мы можем увидеть проявление уникальности или разности. Например, у людей, которые наблюдают за одним и тем же объектом, в голове возникают совершенно разные мысли, и, если спросить: «Что вы видите?», их ответы, построенные при помощи речевых конструкций, будут столь же разнообразны. «Это и делает наш мир интереснее для восприятия», – заканчивает свою мысль учёный. Это и есть проявление модальности речи, которое просто рассмотрено через призму философии. Опираясь на данное суждение, можно предположить, что модальность изначально вездесуща и проникает во все уровни языка [225; с. 45].

В.З. Панфилов, изучая вопрос модальности, останавливается на видении данной категории В.Г. Адмони: «Однако предложения, как и всякий акт мысли, выражением которого является предложение, не только отражает объективную действительность, но и содержит определенное отношение к отраженным в ней объективным связям. Во всех типах предложения, во всех формах выявления предикативности утверждается связь между двумя предложениями и явлениями, и признаками объективной действительности и выражается определенная оценка реальности этой связи» [127; с. 180].

Таким образом, модальность по Адмони – это проявление отношения говорящего к реальности или ирреальности высказываемого им суждения. При этом оценка данного отношения может быть «положительной» или «отрицательной» [127; с. 180].

Г.В. Колшанский, занимаясь данной проблемой, видит в модальности «мысль как отражение действительности». По его мнению, предложение существует не из-за категории модальности, наоборот, модальность сосуществует с предложением, «входя в состав самого предложения, но, не накладывая при этом каких-либо структурных изменений» [83; с. 97]. В целом, Г.В. Колшанский видит в модальности что-то побочное, никак не влияющее на грамматику готового предложения, не видоизменяющее его. Модальность наполняет предложение чем-то особенным, делает отличным от аналогичного предложения, высказанным при других обстоятельствах. В качестве примера можно привести простое предложение, которое мы очень часто употребляем в повседневной жизни: «Не хотели бы вы выпить со

мной чашку чая?». Это предложение изначально содержит в себе призыв к уединению или к изменению обстановки, который содержится в грамматической структуре «не хотели бы вы». Понять смысл предложения можно только учитывая обстоятельства, в которых оно было высказано; он также зависит от говорящего, его настроения и от адресата, его настроения. Предложение может быть высказано молодым человеком девушке, которая ему понравилась, и содержать в себе возбуждение и романтизм. Также это может быть обращением подчиненного к своему начальнику; предложение может быть адресовано проверяющему, чтобы отвлечь его от прямых обязанностей и тем самым разрядить обстановку; чашку чая могут предложить отчаявшемуся человеку, чтобы отвлечь его от жизненных проблем, и так до бесконечности.

Может существовать очень много примеров такого рода предложений. В каждом случае у предложения будет свой внутренний мотив, даже если содержание остается неизменным. Это говорит о том, что Г.В. Колшанский отнюдь не унижает роль категории модальности, а абстрагируется от ее вездесущности, чтобы больше внимания уделить другим качествам языка.

Интересен взгляд Г.О. Винокура на категорию модальности, в которой он видит «зеркало» души человека, и отмечает, что в любом проявлении субъекта выявляется та или иная черта, то есть мы не можем высказать свою мысль или даже назвать свой адрес без выражения какого-либо чувства. Учёный-языковед сформулировал высказывание о модальности следующим образом: «Как бы ни пытался субъект добраться до объекта при помощи сигнификации, он никогда не может избежать того, чтобы не обнаружить часть самого себя». Получается, что даже если совершенно незнакомый вам человек, который проходил мимо, спросит у вас, сколько времени, вы не сможете назвать время машинально, сходу. Вам потребуется определенное несколько секунд или минут, чтобы проявить самого себя. И только потом вы будете в состоянии сообщить объективную информацию, которая будет звучать примерно, как 10:15, или десять часов пятнадцать минут и т. д. Само действие займет у вас секунды три или пять. А все остальное время вы будете заняты проявлением самого себя: вы замешкаетесь, удивитесь, достанете с важностью ваши часы или телефон, по привычке переспросите, извинитесь за то, что у вас неправильные часы или их вовсе нет, сделаете что-то, что сообщит о вас

немало информации. Тем самым вы проявите свою индивидуальность и человечность. Получается, что каждый из нас каждую минуту и в каждой фразе проявляет самого себя. Теренций (древнегреческий комедиограф) через своего главного героя высказывал ту же самую идею: «Я – человек! Не чуждо человеческое мне ничто» [278; с. 91].

А. Арно и К. Лансло в труде «Грамматика общая и рациональная» описывают модальность, как явление чисто грамматическое, которое передается через наклонение в языке. Они говорят о «форме» и «способе» мысли, то есть о «модусе», тем самым отмечая, что они близки с рационализмом и логикой в своих взглядах. При этом акцент делается на субъект высказывания. Основой исследования данной категории они называют глагол, так как «глагол принадлежит к тому разряду слов, который обозначает способ протекания и форму нашей мысли» [13; с. 164]. При этом они вводят и употребляют такие термины, как «*la maniere and la forme*», которые довольно сложно перевести на русский язык. По мнению учёных, «направленность нашей воли также может рассматриваться как способ формирования мысли, ибо люди всегда испытывают потребность в том, чтобы сообщить другим не только то, что они думают, но и то, чего они желают. Наше желание может проявляться в различных модусах, или способах глаголов» [13; с. 164]. В целом, можно говорить о том, что Арно и Лансло одними из первых затронули модальность как особую категорию, приводя в пример умозаключения Аристотеля, Р.Д. и Б. Паскаля, тем самым обновив вопрос системной грамматики. В их труде появилась глава, посвященная модусам, или «манерам» [13; с. 164]. Они подняли вопрос разумности, логичности и душевности предложения, связывая грамматику с внутренним миром человека.

Проанализировав работы, посвященные категории модальности или каким-либо образом затрагивающие данный вопрос, можно заключить, что со времен возникновения в эпоху Аристотеля, развития в эпоху А. Арно и К. Лансло, возрождения через труды Ш. Балли и В.В. Виноградова в новую эпоху категория «модальности» имеет огромное количество трактовок и определений, рассматривается со многих точек зрения (философии, психологии, психотерапии, лингвистики, эзотерики и т. д.) и подразумевает обширный круг информации.

Проблему модальности предложения рассматривают не только языковеды и лингвисты. Например, Б. Пастернак в романе «Доктор Живаго» писал: «Фактов нет, пока человек не внес в них чего-то своего,

какой-то доли вольничавшего человеческого гения, какой-то сказки» (Пастернак Б. Доктор Живаго, с. 276), тем самым доказывая «модальность», или «душевность», всего, с чем человек имеет дело. Из этого следует, что категория модальности вездесуща, и нам необходимо абстрагироваться от многого, чтобы дать или отыскать именно то определение, которое соответствует нашим изысканиям. Мы можем изначально поделить «модальность» или даже область применения данной категории на две большие части: модальность в философии и модальность в языкознании. При этом они взаимосвязаны и взаимопроникнуты, но немного отличны по тем параметрам, которые подразумевают. Еще раз повторимся, что в логике модальность подразумевает «отношение говорящего к содержанию высказывания и высказывания к действительности», а в лингвистике «отношение содержания речи к действительности». Небольшую ясность может внести толкование модальности в лингвистическом энциклопедическом словаре: модальность (от лат. *modalis* – модальный; лат. *modus* – мера, способ) – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [250; с. 303]. Данное определение называет категорию модальности функционально-семантической и говорит о субъективной квалификации сообщаемого. «Субъективность» модальности определяет его сложность и индивидуальность в речи.

Рассмотрев разные труды по категории модальности, мы видим множество трактовок, где фундаментальным остается видение В.В. Виноградова, который, поддерживая идею Ш. Балли, говорил о модальности как о категории «универсальной» [32]. Из этого следует, что необходимо выделить несколько основных подходов к обозначению категории модальности. На первое место выходит видение модальности как выражения логики: модальность в данном случае выступает как «отношение содержания высказывания к действительности». При этом мы говорим о возможности, действительности, необходимости, достоверности и вероятности [4; с. 13]. Данный подход отождествляет модальность с компьютерной программой, которая отбирает высказывания по категории истинности и ложности. Следующий подход рассматривает модальность как отношение содержания действительности в рамках реальности и нереальности [4; с. 13].

Третий подход рассматривает модальность как субъективно-оценочное отношение говорящего к высказываемому [4; с. 13].

В силу того, что сами термины «реальность», «нереальность» или «ирреальность», «истинность», «ложность» и так далее трактуются в современной лингвистике по-разному, положение изучаемой категории еще более усугубляется. Это делает модальность ещё более ёмкой категорией, чем подразумевает её первичное определение. Например, говоря о лингвистической реальности, мы не говорим о реальности последней инстанции, она может сильно отличаться от реального положения вещей. Особенно если речь идет о художественном произведении, где мы прежде всего имеем дело с «лингвистической реальностью», а не с «онтологической» [45]. Но «лингвистическая» и «живая» реальности могут особо сильно не отличаться, а могут выражать и совершенно разные идеи. Таким образом, связь между высказываемой и объективной реальностью опосредована говорящим, то есть субъектом высказывания. Соответственно, мы приходим к тому, что категория модальности двойственна и содержит в себе саму суть высказывания и способ ее передачи. Мы можем охарактеризовать модальность как «единство содержания и выражения», что позволяет нам в дальнейшем рассматривать модальность как синтаксическую, семантическую, морфологическую и просодическую категорию [94; с. 230].

Большую работу по организации и описанию категории модальности провела Г.А. Золотова. Она предложила выделить три аспекта модальных отношений:

1) отношение содержания высказывания к действительности в плане его реальности/ ирреальности с точки зрения говорящего – объективная модальность;

2) отношение говорящего к содержанию высказывания в плане его достоверности/ недостоверности – субъективная модальность;

3) отношение между субъектом действия (носителем признака) и действием (предикативным признаком) – внутрисинтаксическая модальность [66; с. 65].

При такой классификации категория модальности приобретает чёткую структуру.

Одной из основных проблем модальности можно назвать модальность предложения. Многие из учёных считают, что только вопросительные, повелительные, отрицательные предложения могут

быть модально окрашены. Предложение в изъявительном наклонении, которое выражает объективную реальность (например: Снег тает при нулевой температуре по Цельсию), не содержит в себе ничего субъективного и не может быть модально окрашено. Такой подход мы можем обнаружить в исследованиях Г.В. Колшанского, В.З. Панфилова, В.Н. Бондаренко [25]. Из зарубежных учёных, занимающихся проблемой «душевности предложения», мы можем назвать Ф. Брюно, который применял термин «вне модальностей», описывая предложения – истины, которые никак не могут в себе содержать модального контекста [31; с. 57]. В современном языкознании модальность предложения больше рассматривается вместе с целями высказывания, контекстом, если речь идёт о художественном произведении.

Таким образом, модальность в качестве функционально-семантической категории может существовать как объективная, субъективная и внутрисинтаксическая. При этом мы можем говорить о реальной/ ирреальной, объективной модальности. Данная категория может встречаться в любом высказывании и предложении, носить добавочный смысл, являясь при этом важной частью высказывания. Модальность выражается в разных языках по-разному. В основном синтаксико-семантическим и морфологическим способами.

Стремление современных грамматистов к структуризации языка породило целый ряд классификаций категории модальности. Одним из первых обратился к вопросу модальности В.В. Виноградов в работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке». Здесь учёный говорит о таких средствах выражения модальности, как интонация, и называет её особой, отличительной формой выражения категории модальности. Наряду с интонацией Виноградов также указывает и на служебные слова, которые еще более усиливают модальность предложения. Основными, вернее, морфологическими, средствами выражения категории модальности автор называет глагольное наклонение, формы времен глагола, непосредственно модальные слова, частицы, союзы и устойчивые сочетания слов. Учёный, исследуя труды других авторов по данному вопросу, соглашается с мнением, что способы выражения категории модальности в разных языках могут быть абсолютно разными. Например, труды Н.Ф. Яковлева и доцента Д. Ашхамафа по «Грамматике адыгейского литературного языка» раскрывают роль «особого порядка слов в предложении» в выражении модальности [31, с. 56]. Особый порядок слов он называет

«шинами предложений», которые выражают «основные категории мышления» грамматическим способом [31, с. 56]. В своих исследованиях В.В. Виноградов указывает на тот факт, что многие учёные, в том числе и зарубежные (З. Клеменевич, Фердинанд Брюно [213]), рассматривают данную категорию изолированно от других языковых явлений, и в итоге упускают историческую изменчивость и смешанный функционально-семантический характер данной категории. В целом, категория модальности в данных трудах предстает в форме необязательного или факультативного значения, соответственно – второстепенной частью цельного предложения или высказывания. Таким образом, некоторые значения могут передаваться посредством взаимодействия единиц различного языкового уровня, выступая при этом в роли усиления, уточнения или конкретизации той или иной идеи предложения [54, с. 57].

Исходя из изложенного, можно утверждать, что грамматика, изначально представлявшая собой набор идей, разнообразных точек зрения, естественным образом объединяется в единое учение. Точно так же универсальными становятся и знания о категории модальности.

Учения В.В. Виноградова показывают, что в русском языке категория модальности выражается:

- интонацией;
- глагольным наклонением;
- формами времени глагола;
- модальными словами;
- частицами;
- союзами;
- устойчивыми сочетаниями слов [31, с. 59].

Мы видим, что модальность как дополнительная окраска предложения или высказывания в русском языке – явление очень сложное, требующее детального подхода и изучения.

Практически то же самое мы наблюдаем и в английском языке. Например, главное в модальности – интонация – полноценно встречается и в английском языке. Под интонацией предложения можно понимать ударение, паузы, ритм, тембр, темп речи и т. д. Они все направлены на проявление душевного состояния, или модальности. После интонации можно назвать такие средства, как модальные слова, модальные глаголы, различные словосочетания и грамматические конструкции, глаголы мыслительной деятельности, знания/незнания и т. д.

Определение категории средств выражения модальности в английском языкознании также зависит от подхода конкретного автора и зачастую может существенно отличаться от приведенного выше изложения. Так, некоторые учёные говорят о лексико-грамматических средствах выражения модальности [58, с. 24], а другие называют те же самые средства просто лексическими [31, с. 49].

В татарском языкознании категория модальности тоже занимает особое положение. Будучи впервые упомянутыми В.Н. Хангильдиным [181], модальные слова занимают особое положение и употребляются в большинстве случаев при проявлении модальности предложения или высказывания. В татарском языке для выражения модальности также используются частицы, междометия, синтаксические фразеологизмы, редупликация и, конечно же, интонация, которая точно так же, как и в русском языке, широко применяется для художественной окраски предложения.

Итак, модальность в татарском, русском и английском языках является сложной и многогранной структурой, направленной на выражение модальности предложения, что говорит о сложности данной категории.

Также мы видим необходимость более детального рассмотрения данной категории в каждом из названных языков, и только детальное изучение может дать нам возможность сопоставления данной категории в разноструктурных языках.

1.2. Модальные отношения в русском языке

В русском языкознании категория модальности является основным объектом исследований и представлена такими учёными, как В.В. Виноградов, В.З. Панфилов, Г.В. Колшанский, Т.В.Шмелева, Г.А. Золотова и др.

Они в своих работах охватывают весь спектр проявления модальности в современном русском языке. При этом работы В.В. Виноградова являются фундаментальными и во многом определяют ключевые моменты модальности как функционально-семантической категории языка. Говоря о модальности в русском языке, Виноградов первым делом отметил важность данной категории при анализе и уяснении структуры предложения. Таким образом, будучи одним из ключевых элементов современного русского языка, категория мо-

дальности может быть выражена разными средствами, «при этом различия в способах выражения этой категории отчасти связаны с внутренними различиями в самом её синтаксико-семантическом существе» [31, с. 58]. Одним из самых распространённых типов выражения данной категории остаётся интонация, которая ярко выражает модальные, другими словами, «настроенческие», отношения говорящего к высказываемому. При этом многообразии интонации в высказываниях и её прямой зависимости от ситуации, при которой протекает проявление модальности (диалог, монолог и т. д.), делает категорию модальности своеобразной в проявлении. Рассматривая простой пример со словом «Да», мы можем охарактеризовать всю живость речи русского языка. И именно интонация будет определять модальные отношения в речи, если речь идет о кратких ответах, вопросах, приказах или удивлениях. Целый ряд примеров может служить непоколебимым доказательством «модальности речи», которая проявляется всего лишь интонационно:

– *Мы сами приедем?*

– *Да.* – простой ответ. Слово «да» практически «нейтрально», не зависит от интонации.

– *Она знает о тебе все!*

– *Да?!* – здесь может проявляться ирония, удивление, отрицание; все зависит от контекста.

– *Ты точно сможешь приехать?*

– *Да!* – уверенность в себе или в том, что собирается сделать.

– *Ты знаешь, что она курит.*

– *Да?* – чрезмерное удивление от услышанного, вызванное сложившимся о человеке мнением, и т. д.

Проявление модальности интонационно происходит в живой речи говорящего или же в литературно-художественном произведении, нежели в деловых документах и письмах иного типа.

Свое восхищение талантом одна из героинь повести «Лесовичка» Л.А. Чарской проявляет с помощью таких стилистических приемов, как восклицание и повторение, усиливающих оттенок высказанного мнения. Выражение в письменном тексте сопровождается восклицательным знаком, который и подчеркивает неимоверное ликование и восхищение. «*Ах, какой у вас талант, Корали, какой талант! Боже, какой талант! – чуть ли не прорыдала она*» [283, с. 375]. Другой же герой того же самого автора убивается: «- *Надя! Наденька! Да*

куда же вы? Вот так прыткость! Едва догнал... Что с вами? Да вы, кажется, серьезно расстроены, Надя? Вздор какой! Неужели же из-за Софи?» [там же, с. 493]. Многие из модальных выражений в художественном тексте встречаются в речи героев, что является абсолютно естественным процессом. Модальность проявляется также и во внутренней речи героев для высвобождения их переживаний и замыслов. «Еще не понимал он всей глубины Рафаэля, но уже увлекался быстрой, широкой кистью Гвида, останавливался перед портретами Тициана, восхищался фламандцами» [256, с. 66]. Здесь автор добился модальности всего отрывка, лишь подобрав удачные, подходящие для данного описания, определённые слова. Тем не менее, автор сумел показать двойственность отношения своего героя к искусству, его неоднозначность и стремление ко всему новому. Герой предстаёт перед нами как человек, который очень хорошо знает свое дело, но при этом, оставаясь натурой особенной, живёт от эпизода к эпизоду, не задерживаясь долго на чем-нибудь определенном.

Интонационное проявление модальности в художественном произведении ведёт к тому, что, только дотронувшись до книги и прочитав первую страницу, вы уже выбираете интонацию (хоть и мысленно), с которой будете читать всё произведение.

Еще один широко распространенный способ проявления модальности в тексте – это лексический способ, при котором отдельные лексемы выражают отношение говорящего. В своих трудах учёные отмечают и смешанные типы проявления категории модальности, при котором в равной степени участвуют как лексическая, так и интонационные составляющие языка. Например, А.А. Шахматов предлагает следующие категории для описания всех модальных типов в предложениях, перечисленные ниже.

На первое место он ставит восклицательные предложения, которые содержат в себе множество модальных оттенков. Например, в переводе произведения «Над пропастью во ржи» есть предложение «Тоже сравнили! Хорошая игра! Попадешь в ту партию, где классные игроки, – тогда ладно, куда ни шло, тут действительно игра» [276, с.7]. При этом высказывание автора направлено на высмеивание фразы «жизнь – это игра». Первое восклицание «Тоже сравнили!» можно воспринимать отдельно как сарказм, а вторую часть – «Хорошая игра!» – как реальное восхищение. Но в целом, в контексте значение меняется с перевесом в сторону сарказма. Здесь мы также

наглядно видим модальность текста, о которой не раз говорили учёные, когда предложения, собранные воедино, имеют модальный окрас, хотя в отдельности могут его и не содержать.

На втором месте у учёного предложения, выражающие пожелание и приказание: *«Нет, только не эту! Спой что-нибудь другое!»* [288, с. 275]. Здесь мы видим ярко выраженное пожелание, которое даже больше похоже на приказ, нежели на просьбу.

Третий тип – вопросительные предложения: *«Ты ли это мальчик мой? Хорошо ли ты спал? Не беспокоило ли тебя что-нибудь во сне?»* [там же, с. 25].

И четвёртый тип – описательные предложения: *«Вот такой обманщик был этот великан»* [там же, с. 19].

Здесь автор говорит о так называемых «односоставных бескауземо подлежащих» и приводит такие примеры:

1. *Позор! Поношение!*
2. *Терпение и терпение!*
3. *Дождь? – Никак гроза?*
4. *Осень. Вечер. Месяц.*

При этом мы бы могли спроецировать данные типы и на простые предложения, тем самым заключив, что существуют такие типы модальности, как пожелание, приказ, вопрос, просьба, описание. Данное суждение помогает нам выявить тот факт, что модальный окрас предложения возможен даже без применения какого-либо лексического или грамматического состава в структуре предложения. Соответственно, мы можем говорить о том, что особую роль в выражении модальности в русском языке играет интонация говорящего, его психологический настрой, а не только грамматические или морфологические элементы языка. Например: *«Бедная я, несчастная, что мне делать? – рыдала она. – Скоро придет твой папа, голубчик Джимми! Он скоро придет домой! Я не могу приготовить ему ужин, и он до смерти изобьет меня! Несчастливая я, бедная женщина!»* [258, с.7] – говорит один из героев Д. Гринвуда. С грамматической точки зрения, здесь есть модальное слово или глагол «мочь», который нам показывает состояние автора высказывания – «она не может приготовить ужин». Но если мы рассмотрим только первое предложение *«Бедная я, несчастная, что мне делать? – рыдала она»*, то мы не сможем говорить ни о какой грамматике. В то же самое время мы видим сильный модальный компонент переживания. Следовательно, с категорией

модальности соприкасаются и даже частично сплетаются разные виды и типы эмоциональных проявлений (восхищения, возмущения, угрозы и т.д.) [31, с. 62]. Интонационно (паузами, изменением темпа и тембра голоса) модальность может выражаться в совершенно разных ситуациях и совершенно разными способами. Это и выделяет модальность не как часть речи, а как отдельную категорию среди всех языковых средств.

Морфологически же модальные отношения в русском языке в первую очередь передаются формами времён и наклонов глагола. Это, прежде всего, приводит к небольшому смещению функций между «изъявительным наклоном» и «вопросительным и отрицательным наклоном» русского языка. Следовательно, предложение в изъявительном наклоне может и «отрицать что-либо», и спрашивать что-либо в зависимости от добавочного эффекта интонации. С формами изъявительного наклона русского глагола также связаны оттенки предположительности, потенциальности действия, субъективной готовности к действию. В то же время формы 1-го лица настоящего и будущего времени в сочетании с особой волевой интонацией служат для категорического желания, требования, намерения и приглашения. Формы 2-го лица единственного и множественного числа будущего времени наряду с интонацией употребляются для выражения приказа, не допускающего ни возражений, ни отказа [31, с. 63]. Например: «Я рисую» – простое предложение в настоящем времени, которое изначально не носит модального оттенка, модального значения. Стоит его модально окрасить или контекстом, или интонацией предложение приобретает совершенно иной характер. «Я рисую» интонационно может выразить идею: «Разве ты не видишь, я занят, я занимаюсь рисованием» или «Я рисую, это именно рисунок, а не “мазня”, как ты думаешь» и т. д. И если изменить время глагола на будущее, мы получим еще более широкий круг вариаций данного выражения. Например: «Я нарисую» – «не сомневайся, я в состоянии это сделать». Второе лицо будущего времени в единственном и множественном числе также представляет собой интересную форму: «Ты напишешь», то есть «ты это сделаешь». При этом очень сложно вычленить какую-нибудь определённую, жёсткую интонацию. То ли говорящий давит на того, к кому обращается, то ли полностью уверен в его возможностях или же просто морально поддерживает – не совсем понятно. Но очевиден тот факт, что предложения модально окраше-

ны. Если в предложениях присутствуют частицы и наречия, круг модальных значений расширяется еще больше. «Ты же напишешь» – это добавляет в предложение или «надежду», или большее усилие говорящего по отношению к адресату. Очень многое зависит и от контекста, от социального уровня и ситуации употребления модальных проявлений в предложении.

В.В. Виноградов, придерживаясь мнения А.А. Шахматова, говорит и об особых глаголах типа «взял да». Например, «Он взял да и прыгнул в ледяную воду, только брызги полетели». Учёный также ссылается на конструкции с модальными частицами «чуть ли», «едва ли»: «Она чуть не упала в лужу, когда поскользнулась»; и модальными словами «кажется», «вероятно», «может быть», «чуть ли не» и т. д. [31, с. 64].

Таким образом, в современном русском языке, когда речь заходит о модальности, особое место занимают различные формы глагола, которые также могут употребляться вместе с различными частицами и модальными словами для достижения большего эффекта или же изменения смысла всего высказывания.

В своем труде по русскому языку В.П. Сухотин говорит о модальности «как об особой категории». Он на первое место ставит инфинитив как самую модально окрашенную часть. По его мнению, первое место по модальной окраске занимают соединения инфинитива с глаголами *мочь, сметь, уметь*, которые выражают возможность какого-либо действия вообще [31, с. 65]. Например: «Надо **уметь** работать в такой обстановке, слушать сразу четверых, писать и отвечать пятому» [269, с. 303]. «Бодаев. Ну, отчего же не **сметь**? Никому не закажешь; на это цензуры нет» [270, с. 5].

На второе место учёный выдвигает безличные глаголы, которые в основном употребляются для выражения необходимости и должностования: *приходится, остается, следует, стоит, предстоит, суждено, случается* и т. д. Например, описывая тонкости охотничьего дела, С.Т. Аксаков часто использует слова: «Это может показаться невероятным, но я приглашаю всякого неверующего сделать, осенью или зимой, сравнительный опыт над домашним петухом, которого **следует** положить в тридцати шагах на землю, завернуть голову под крыло и выстрелить в его зоб утиною дробью». [251, с. 364]. «С пыжами из хлопков, весьма удобными в местах безопасных, надобно быть очень осторожну: они вспыхивают, вылетя из

ствола, и могут произвести пожар; изрубленные же лен и конопля разлетаются врозь и, следовательно, не могут воспламеняться; очевидно, что для предупреждения опасности **следует** рубить и хлопки» [там же, с.151]. Модальную окрашенность глагола «приходится» видно и из следующего побудительного предложения, в котором практически каждое слово содержит определённое отношение: «*Не надо слез, товарищи! Плачьте здесь, чтобы не плакать там. Нечего собак кровавых радовать. Все равно нам пощады не будет, все равно погибать приходится, так давайте умирать по-хорошему. Пусть никто из нас не ползет на коленях. Товарищи, помните, умирать надо хорошо*» [269, с.165].

Далее идут сочетания инфинитива с глаголами в значении желания, намерения, стремления к действию: *хочется, желать, намереваться, пытаться, собираться, готовиться, предполагать, думать, задумать, вздумать, вздуматься, стараться, затеять, рваться* и др. Например: «*Гурмыжская. Вздор! Ты глупа, а он умен, хорош, образован. Скажите, скажите! Это ты нарочно. Ты не слепая. Тебе только хочется меня раздражить*» [270, с. 10]. «*Провожал меня до шлюпки угрюмый матрос, который, как будто догадавшись, о чем мне хочется спросить его, вздохнул и сказал: – По доброй воле сюда не заедешь!*» [284, с. 36].

Изыявление воли к осуществлению какого-нибудь действия, просьбу, повеление и приказание в русском языке часто передают сочетания глагола с такими инфинитивами, как *решиться, взяться, постановить, обещать, отказаться, вызваться, положить, приказать, заставить, просить, позволить, дать, разрешить* и т. д. Например: «*Здесь один только нашелся, потому что он бедняк, сирота. Обойдемся и без вас, – яростно накинулся он на собрание, – **просить** не будем, на черта сдались нам такие! Таких только пулеметом прошить!*» [269, с. 139]. «*Всех разослал, а сам остался, гусь лапчатый, или еще пообиднее что-нибудь. Прошу тебя **разрешить** мне выехать*» [там же, с. 234]. «*Поговорите со стариком – вон идет по перрону. Это начстройки. Он может **приказать** подвезти к паровозу на санях дрова. Они их вместо шпал кладут, – посоветовал начальник станции кондукторам. Те пошли навстречу Токареву*» [там же, с. 236].

Особое место при обозначении категории модальности занимают глаголы, близкие к модальным: *любить, опасаться, бояться,*

ненавидеть, которые изначально выражают эмоциональность отношения субъекта к выполняемому действию [31, с. 65]. Пример: «К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего – ибо и крестьянки **любить** умеют! – день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать» [263, с. 48]. «На месте Кабановой они бы, например, не стали предъявлять уродливых и унижительных требований земных поклонов и оскорбительных "наказов" от мужа жене, а озаботились бы только о сохранении общей идеи, – что жена должна **бояться** своего мужа и покорствовать свекрови. Невестка не испытывала бы таких тяжелых сцен, хотя и была бы точно так же в полной зависимости от старухи» [261, с. 85].

В.В. Виноградов в особую группу относит предикативные выражения, где сочетаются отыменные слова с инфинитивом.

1. Слова с модальным значением возможности, долженствования, необходимости: *след, неслед* (обычно употребляется в просторечии). Например: Общее недоумение. «А дело было просто. В 3 месяца пути птица ничего другого не слышала, как только известный понудительный крик хозяина, стоявшего на корме расшивы, своим бурлакам, ну и обмолвилась. Пожалуй, и кстати, ибо **неслед** неразумную тварь Божью учить серьезным песнопениям. Проездом были в Угличе» [253, с. 101]. Также сюда относятся такие глаголы, как *нельзя, пора, время* (их можно встретить как в литературе, так и в повседневной речи), *можно, должно, надобно, надо, нужно, нельзя, важно* и т. п.: «Г-жа Простакова. Так разве необходимо **надобно** быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!» [281, с. 5].

2. Слова, выражающие эмоциональную характеристику действия, эмоциональное отношение к действию или объекту: *жаль, жалко, стыдно, совестно, тошно, завидно, больно, страшно, грустно, боязно*. Например: «Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне **жаль** матушки; она плачет и говорит, что я не хочу ее спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж, Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!» [263, с. 69]. «Да, он вырос за эти три года не только физически. Она знала, что ему сейчас **больно**, – об этом говорили его глаза, – но он сказал без жеста, правдиво: – Все же у меня остается несравненно больше, чем я только что потерял» [269, с. 156].

«Грустно мне было расставаться с страждущим братом моим и отпускать его в край, разоренный и обитаемый поляками, чуждыми сожаления ко всякому, кто носит имя русское!» [259, с. 261].

3. Слова, которые выражают морально-этическую квалификацию действия: *грех, стыд, срам, досада, смех, каторга, жизнь, страх, ужас, мука, позор* и т. д. После данных слов обычно идет инфинитив: *«Ваша светлость! Пока продолжалась Отечественная война, я считал за грех думать об ином чем, как об истреблении врагов отечества. Ныне я за границей, то покорнейше прошу вашу светлость прислать мне Владимира 3-й степени и Георгия 4-го класса» [259, с. 289]. «Я напряженно всматриваюсь в лицо сырой, неуклюжей старухи, ищу в ней свою Варю, но от прошлого у ней уцелел только страх за мое здоровье, да еще манера мое жалованье называть нашим жалованьем, мою шапку – нашей шапкой» [286, с. 93].*

4. Слова, обозначающие эмоционально-волевою квалификацию действия: *лень, охота, неохота, недосуг* и многие другие: *«Те, кому некогда или лень добывать ресурсы самостоятельно, могут купить их у других игроков» [267, с. 14]. «Скотинин: И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего моя смертная охота» [281, с. 4].*

Такое четкое обозначение и группировка слов по категориям не говорит о том, что никакие другие слова и части речи не способны выражать модальный окрас речи. Например, учёные часто относят к модально окрашенным словам такие отрицания, как *негде, не с кем, не о чем*; краткие прилагательные, которые обычно образуют связь с инфинитивом: *готов, рад, должен, обязан, намерен, способен* и так далее и выражают в предложении возможность и необходимость действия: *«Рита, утомленная, задремала, положив голову на сумку. Павел сидел на краю полки, свесив ноги, и курил. Он тоже устал, но негде было прилечь» [269, с. 193]; «Он совершает рейсы между Николаевском, Владивостоком и японскими портами, возит почту, солдат, арестантов, пассажиров и грузы, главным образом казенные; по контракту, заключенному с казной, которая платит ему солидную субсидию, он **обязан** несколько раз в течение лета заходить на Сахалин: в Александровский пост и в южный Корсаковский» [285, с. 29].*

Дальнейшее исследование категории модальности в русском языке возможно лишь в том случае, если рассматривать модальность как универсальную категорию, которая может быть выражена не

только глагольными формами, модальными частицами и словами, но и целыми предложениями в различной форме, словосочетаниями и сложноподчиненными структурами, причастными и деепричастными оборотами.

В первую очередь в этом случае мы рассмотрим вводные синтагмы, или же вводные слова, сочетания слов и предложения, которые, по мнению И.И. Мещанинова, представляют собой одну из ветвей выражения категории модальности. Сюда также можно отнести и вставные синтагмы типа «к общему восхищению» [32].

Целесообразно было бы также рассмотреть разделение синтагм по В.В. Виноградову, так как они отчетливо показывают яркость и уместность вставок в предложениях, где их основная функция – это модальная окраска передаваемой мысли.

Во-первых, учёный говорит о «вводных синтагмах из предлога *к* с дательным падежом имени существительного, прилагательного или глагольной формы: *к сожалению, к изумлению, к общему восхищению, к чьему-нибудь неудовольствию, к общему удовольствию, к счастью, к несчастью, к смущению всех присутствующих, к стыду моему, к великому моему огорчению, к прескорбию* и многие другие». Например: «*К сожалению, далеко не все, обращавшиеся к барону А.Н. Корфу, просили того, что нужно. Тут, как и в России в подобных случаях, сказалась досадная мужицкая темнота: просили не школ, не правосудия, не заработков, а разных пустяков: кто казенного довольствия, кто усыновления ребенка, – одним словом, подавали прошения, которые могли быть удовлетворены и местным начальством*» [285, с. 47]. «*Она носила имя Мордухая Анилевича – этого имени, к стыду моему, я тогда не знал, но стало ясно, что я иду верной дорогой*» [287, с. 11].

Во-вторых, в работе «О категории модальности и модальных словах» Виноградов говорит об оборотах с предлогом «на» и формой винительного падежа: *на счастье, на беду, на грех, на мой взгляд, на радость* и т. д. «*Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то о великом я говел, а тут нелёгкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришёл, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги кланялся, право так*» [270, с. 173]. Также с предлогом «без»: *без сомнения, без лишних слов, без преувеличения,*

без прикрас, без обиняков тому подобные «(Он снова понюхал табак, крякнул и хлебнул глоток чаю.) Скажу вам **без обиняков**, больная моя... как бы это того... ну, полюбила, что ли, меня... или нет, не то чтобы полюбила... а, впрочем... право, как это, того-с... (Лекарь потупился и покраснел.) – Нет, – продолжал он с живостью, – какое полюбила! Надо себе, наконец, цену знать» [279, с. 28].

В следующую категорию он определяет вводные синтагмы, состоящие из предлога «по» и имени существительного в дательном или родительном падеже: *по свидетельству такого-то, по мнению, по словам, по описанию, по достоверным источникам, по указанию*, которые, по мнению автора, также модально окрашивают предложение: «Мало-помалу, по мере того как Митраша продвигался вперёд **по указанию** стрелки и тропы, кочки под его ногами становились не просто мягкими, как раньше, а полужидкими. Ступит ногой как будто на твёрдое, а нога уходит и становится страшно: не совсем ли в пропасть уходит нога? Попадаются какие-то вертлявые кочки, приходится выбирать место, куда ногу поставить» [272, с. 48].

В один ряд с данными вводными словами учёный ставит и краткие формы среднего рода имён прилагательных: *несомненно, бесспорно, понятно, очевидно, верно, видно, слышно, возможно, неоспоримо* и т. д. В особую категорию Виноградов выделяет слово «подлинно» и приводит очень много примеров из басен И.А. Крылова, в которых полностью раскрывается значение слова со стороны модальной окраски: «*И подлинно, чего, казалось, лучше было Царевичу царя в учителя сыскать*» («Воспитание льва») [264].

В.В. Виноградов, исследуя проблему модальности в русском языке, выявил, что модальность может еще выражаться и более объемными оборотами, нежели словами и сочетаниями слов. А именно деепричастными оборотами: *судя по чему-нибудь, собственно говоря, откровенно говоря, говоря вообще, выражаясь свободно* и т.д. «*Она сказала: – Делай, как хочешь, но говорю тебе, что этот человек производит на меня впечатление отталкивающее. Я рассмеялся. Да, но чем, собственно говоря, он меня привлёк?*» [254, с. 133]. Он также отмечает, что само деепричастие зачастую просто игнорируется, а на его место приходит обстоятельство слово: *коротко, короче, просто, попросту, проще, собственно, откровенно* и т.п. «*Мне говорили, что мой отец был сириец... – Где ты живёшь постоянно? – У меня нет постоянного жилища, – застенчиво ответил арестант, – я пу-*

тешествую из города в город. – Это можно выразить короче, одним словом – бродяга, – сказал прокуратор и спросил: – Родные есть? – Нет никого. Я один в мире. – Знаешь ли грамоту?» [там же, с. 17]. «– Вы застали квартиру открытой, и Павла не было? – спросила она смотревшего на нее Артема. – А вы что, собственно, имеете к Павлу?» [269, с. 99].

В целом, вводные синтагмы значительно расширяют функции категории модальности. У говорящего, который их использует, появляется возможность более детально выражать свое отношение, эмоциональную оценку, квалификацию происходящего явления. Одним словом, вводные синтагмы усиливают модальность речи и способствуют дополнительной окраске русского языка.

Иногда целые предложения переходят в категорию вводных синтагм, или, другими словами, «редуцируются в разряд вводного слова». Например: *признаюсь, я признаюсь: «Здравствуй, Павлуша. Я, признаюсь, не ожидала увидеть тебя таким. Неужели ты у власти ничего не заслужил лучшего, чем рыться в земле? Я думала, что ты давно уже комиссар или что-нибудь в этом роде» [там же, с. 238]; не знаю, я воображаю, я знаю, я думаю, я вижу: «Ты очень разумный, я вижу. Упустил с-под носу! Кто же его знал, что та стервятница на меня кинется, як скажenna!» [там же, с. 92]; веришь ли, посмотришь, знаешь, говоришь, положим, знаете, знаете ли, как знаете, видите, верите ли, поверите ли: «Он здесь главный лесничий. Она знакома с моей сестрой Лизой. Я как-то письмецо ей подкатил в таком, знаешь, возвышенном духе. Влюблен, дескать, безумно и с трепетом ожидаю вашего ответа. И даже из Надсона выскреб стихотвореньице подходящее» [там же, с.42]; говорят, сказали, прости, сделай милость, извините, кажется, казалось, казалось бы, разумеется, значит, помнится, знать, благодари бога, доложить вам, признаться, словом сказать, нечего сказать, делать нечего: «Я вру! За кого же ты тогда меня считаешь? Я не таких обламывал. Надо только уметь. Каждая требует особого подхода. Одна сдается на другой день, но это, **признаться**, барахло» [там же, с. 341].*

Вышеизложенное наглядно демонстрирует, что в силу редуцирования предложений семантическая сфера модальных оценок и квалификаций еще более расширяется. Тем не менее учёные включают в категорию модальных отношений еще одну форму – ряд бранных выражений и заклинаний, потерявших свое первоначальное значение и

употребляющихся, как простые восклицания, не имеющие определенного значения [199, с. 272]. Следовательно, модальностью обладают и следующие выражения «*черт его побери*», «*чтоб ему пусто было*», «*чтоб ему ни дна не покрывши*», и в предложении выполняют ту же роль, что и вводные синтагмы – придают речи модальные характеристики. «*Да я плюю на него! Велика важность надворный советник! вывесил золотую цепочку к часам, заказывает сапоги по тридцати рублей – да **чёрт его побери!** я разве из каких-нибудь разночинцев, из портных или из унтер-офицерских детей? Я дворянин. Что ж, и я могу дослужиться*» [256, с. 152].

В то же время, по мнению А.А. Шахматова и В.В. Виноградова, нельзя относить к модальным словам все части речи, которые могут в том или ином случае содержать в себе эмоциональный окрас, отношение к действительности или к высказываемому. Надо изучать данные части речи отдельно, но учитывать при этом их близость с модальными словами и в дальнейшем их правильно употреблять в процессе речи, не забывая об их происхождении. Учёные предлагают называть их «частями речи с модальными оттенками» [4, с. 595]. Сюда они, в основном, относят наречия:

1. **Вопросительные:** *разве, неужели, ужели.* «**Неужели** ты можешь подумать, Аким, что жизнь загонит меня в угол и раздавит в лепешку? Пока у меня здесь стучит сердце, – и он с силой притянул руку Акима к своей груди, и Аким отчетливо почувствовал глухие быстрые удары, – пока стучит, меня от партии не оторвать. Из строя меня выведет только смерть. Запомни это, братишка» [269, с. 367].

2. **Утвердительные:** *подлинно, истинно, в самом деле, действительно:* «Тоня, когда закончится заваруха, я обязательно буду монтером. Если ты от меня не откажешься, если ты **действительно** серьезно, а не для игрушки, тогда я буду для тебя хорошим мужем. Никогда бить не буду, душа с меня вон, если я тебя чем обижусь» [там же, с. 57].

3. **Предположительные:** *авось, может быть, никак, едва ли, чуть ли, вряд ли:* «Все трое в мучительной надежде прислушивались: **авось** проедут мимо, может, они ошиблись, может, те остановились не у их дома, может, это просто показалось. Но, как бы опровергая эти надежды, глухо ударили в дверь магазина» [там же, с. 77].

4. Отрицательные: *не, ни*: «*Ни отец, ни мать не трогались. Паляница шагнул вперед и медленно потянул из ножжен саблю*» [там же, с. 78].

5. Ограничительные: *токмо, только, единственно, лишь* [41, с. 139]. «*Еремеевна (заплавав). Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота не жалеешь... а все не угодно*». [281, с. 84].

Оттенок модальности многие учёные видят и в союзах: *видите ли, так сказать*, и в особой форме «*гыш, мол, с*». «*Только однажды сбежали из производственной зоны трое на автомашине и такой чемодан хлеба прихватили. Опомнились тогда начальнички и все чемоданы на вахте порубали. Носи, мол, опять всяк себе. Ещё проверить утром надо, не одет ли костюм гражданский под зэковский? Так ведь вещи гражданские давно начисто у всех отменены и до конца срока не отдадут, сказали*» [275, с. 351].

В целом, мы можем заключить, что модальность в русском языке передается в основном модальными частицами, модальными словами и модальными словосочетаниями, которые иногда могут разрастаться и до предложений. Далее подробнее остановимся на каждой из категорий.

В своих исследованиях В.В. Виноградов четко формулирует распространение и использование модальных слов, частиц и словосочетаний. Рассматривая модальные частицы, он выделяет девять видов, исходя с этимологической точки зрения [4, с. 600].

1. Различные части речи, несущие модальную функцию («*гриш*», «*гыш*» от слова говорить, «*дескать*», образованный от «*де*» и «*сказать*»): «*Я как-то письмецо ей подкатил в таком, знаешь, возвышенном духе. Влюблен, дескать, безумно и с трепетом ожидаю вашего ответа. И даже из Надсона выскреб стихотвореньице подходящее*» [269, с.42].

2. Модальные частицы, произошедшие от глагольных форм, выражавших субъективную оценку или эмоциональное отношение. Например, «*чай*» из «*чаю*» (предполагаю); «*Вы! Дайте парнишке ложку! – строго заметил Пантелей. – Чай, небось, тоже есть хочет!*» [286, с.51].

3. Модальные частицы, образованные из глагольных форм, представляющих собой призыв к собеседнику: «*вишь*», «*пожалуй*», «*небось*»: «*Какая красивая, – без зависти, но с грустью и с каким-то тихим умилением проговорил Иван, – вишь ты, как у вас все хорошо*

вышло. А вот у меня не так, – тут он подумал и задумчиво прибавил: – А впрочем, может быть, и так...» [254, 348 с.]. «Если двое охотников идут по обоим берегам и своим приближением спугивают зуйка, то он будет повторять этот маневр, то есть перелет с одного берега на другой, противоположный, всегда с обычным криком, пожалуй сто раз сряду, точно переправляется или перевозится с одной стороны на другую» [251, с. 208].

4. Формы вспомогательного глагола в сочетании с местоимениями, перешедшие в разряд модальных частиц: *будто*. «Покрытые испариной лица как **будто** засветились, показалось, что ожили на потолке нарисованные лошади, в лампах как будто прибавили свету, и вдруг, как бы сорвавшись с цепи, заплясали оба зала, а за ними заплясала и веранда» [254, с. 53]. «Бекас, небольшая серая птичка с носом длинным, как сплюснутая иголка, раскатывается в воздухе диким барабашком. Вроде как бы "жив, жив!" кричит кулик кроншнеп. Тетерев там где-то бормочет и чуфыркает, белая куропатка, как будто ведьма, хохочет» [272, с. 19].

5. Модальные частицы местоименного происхождения, похожие на современные союзы и наречия: *авось, что ли, никак, как-то*: «Он более не дает!» – «Если так, то я иду и с этим числом; **авось** либо открою путь большим отрядам!» [259, с. 188]. «В комнате стало холодно и сыро, было, вероятно, не больше шести-семи градусов. Бедный Ф., секретарь полицейского управления, молодой человек, никак не мог уснуть от насморка и кашля» [284, с. 161].

6. Частицы, произошедшие из наречий: *просто, прямо, словно, точно* и т. д.: «Пролетная птица торопится без памяти, спешит без оглядки к своей цели, к местам обетованным, где надобно ей приняться за дело: вить гнезда и выводить детей; а прилетная летит ниже, медленнее, высматривает привольные места, как-будто переговаривается между собою на своем языке, и вдруг, **словно** по общему согласию, опускается на землю» [251, с. 164]. «Я **точно** не знаю, – живо ответил арестованный, – я не помню моих родителей. Мне говорили, что мой отец был сириец...» [254, 17 с.].

7. Частицы союзно-наречного типа: *напротив, наоборот, впрочем*: «Я этого от тебя и ожидал, – сказал князь, – **впрочем**, между нами, чего светлейший так опасается?» [259, с. 188]. «Дальше Бошняк пишет, что, часто находясь в обществе г-жи Невельской, он с товарищами не слыхал ни одной жалобы или упрека, – **напротив**, всегда

замечалось в ней спокойное и гордое сознание того горького, но высокого положения, которое предназначило ей провидение» [284, с. 34].

8. Модальные частицы однородные с междометиями: ну, нда: «**Ну**, что такое случилось? сказывай...» (Тургенев И. С. Записки охотника, 65 с.). «**Ну**, хорошо. Если хочешь это держать в тайне, держи. К делу это прямого отношения не имеет. Так ты утверждаешь, что не призывал разрушить... или поджечь, или каким-либо иным способом уничтожить храм?» [254, 21 с.].

9. Модальные частицы, произошедшие вследствие сращения разных сочетаний слов с частицами: *может быть, то-то и есть, и есть*: «Я отвечал ему, что, судя по нравственности, я полагаю, что у моголевского архиерея еще более жен, которые, **может быть**, еще красивее жены Попова, но я желал бы, чтоб попалась мне в руки сия священная особа; я бы с нею по-светски рассчитался» [259, с. 274]. «Варенуха понял, что это-то **и есть** самое страшное из всего, что приключилось с ним, и, застонав, отпрянул к стене» [254, 104 с.].

В данной структуре, с точки зрения происхождения модальных частиц, мы видим их многообразие и разнородность, которые проявляются в текстах различных категорий.

Особое внимание учёный уделяет и модальным словам. Среди них он выделяет пять групп, перечисленных ниже.

1. Наречного происхождения: *действительно, буквально, нормально, решительно, собственно, верно, безусловно, подлинно*: «Пока я взбирался на гору и подходил к избе, меня окружали тучи комаров, **буквально** тучи, было темно от них, лицо и руки мои жгло, и не было возможности защищаться» [284, с. 35].

2. Модальные слова, однотипные со словами категории состояния: *видно, слышно, полно, должно, очевидно, вероятно, понятно*: «Подсолнечное масло здесь вот при чем, – вдруг заговорил Бездомный, **очевидно**, решив объявить незванному собеседнику войну, – вам не приходилось, гражданин, бывать когда-нибудь в лечебнице для душевнобольных?» [254, 12 с.].

3. Отглагольные слова, которые в свою очередь делятся на:

а) модальные слова, однородные с личными формами глагола, иногда с частицей «ли»: *признаюсь, видишь, верить ли, видите, знаете, извините* и т. д.; «Я, **признаюсь**, так и обомлел. Доложу вам, я такой человек: ничто меня так не оскорбляет, смею сказать, так сильно не оскорбляет, как неблагодарность...» [279, 18 с.];

б) модальные слова, однородные с безличными формами глагола: *разумеется, кажется, говорится, что называется, значит; «Надзиратель пожаловался смотрителю, что вот-де такой-то не хочет работать, этот приказал дать 30 розог, и палач, разумеется, постарался»* [284, с. 116];

в) модальные слова инфинитивного типа: *признаться, видеть, знать. «Видать, мороз "пана" пронял до печенки. Хоть и буржуйский солдатишка, а жизнь у него дырявая»* [269, с. 282].

4. Модальные слова как изолированные формы имени существительного: *словом, кстати, в частности* и т. п. *«Погоня продолжалась до полудня; кололи, рубили, стреляли и тащили в плен офицеров, солдат и лошадей; **словом**, победа была совершенная. Я кипел радостью! Мы остановились»* [259, с. 218].

5. Модальные слова, образованные от членных прилагательных с пропуском слова «дело»: *главное. «Опытная тревога, Вайя. Сейчас поедем к вам в район. Сбор по тревоге в пятой пехотной школе. Прямо с ячеековых собраний ребята двигаются туда. **Главное** – это проделать незаметно, – рассказывала Рита Жаркому»* [269, с. 206].

В дальнейшем В.В. Виноградов рассматривает модальные словосочетания, или фразеологические единицы [4, с. 602]. Здесь он выделяет «глагольный» и «именной» типы, и в дальнейшем детально рассматривает каждый из этих типов. Глагольные типы модальных словосочетаний по В.В. Виноградову:

1) деепричастные словосочетания: *собственно говоря, коротко говоря, откровенно говоря, вообще говоря, иначе говоря. «**Собственно говоря**, дело стало ясно уже со вчерашнего дня, пятницы, когда пришлось закрыть Варьете вследствие исчезновения его администрации и всяких безобразий, происшедших накануне во время знаменитого сеанса черной магии»* [254, 308 с.];

2) инфинитивные словосочетания: *так сказать, признаться сказать. «Вы, сколько я могу заметить, милостивый государь, – заговорил он презрительно-небрежно, – состояли у почтенного Феодора Феодорыча в должности потешного, **так сказать**, прислужника?»* [279, 199 с.];

3) лично-глагольные словосочетания: *бог знает, кто его знает. «Будь с нами несколько рот конной артиллерии и вся регулярная кавалерия, **бог знает** для чего при армии влачившаяся, то как передо-*

вая, так и следующие за нею в сей день колонны вряд ли отошли бы с столь малым уроном, каковой они в сей день потерпели» [259, с. 250];

4) безлично-глагольные словосочетания: *стало быть, должно быть*. «Так я, **стало быть**, могу попросить об одной вещи?» [254, 262 с.].

Модальные словосочетания именного типа в основном представляются словами двух разрядов:

1) выражения, состоящие из дательного падежа имени существительного с предлогом «к» и иногда с формой прилагательного: *к изумлению, к всеобщему восхищению, к прискорбию*. «Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, **к изумлению** своему, может быть, даже попал бы в статские советники; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу да нажил геморрой в поясницу» [256, с. 112];

2) словосочетания, состоящие из дательного падежа имени существительного с предлогом «по», обычно с присоединением определения: *по мнению, по словам, по выражению такого-то, по слухам, по преданию, по всей вероятности, по крайней мере*. «Для меня было особенно важно получать верные ответы от тех, которые пришли сюда в шестидесятых и семидесятых годах; мне хотелось не пропустить ни одного из них, что, **по всей вероятности**, не удалось мне» [284, с. 53].

Сюда же относятся и некоторые неделимые фразовые единицы:

1) словосочетания, состоящие из беспредложной формы имени существительного и определяющего слова: *одним словом*. «Паскудный воробушек припадал на левую лапку, явно кривлялся, волоча ее, работал синкопами, одним словом, – приплясывал фокстрот под звуки патефона, как пьяный у стойки» [254, 199 с.];

2) обособленное: *в самом деле*. «В конечном счете, ну его в болото! Кто я, в самом деле, кум ему или сват?» [там же, 106 с.];

3) изолированное: *в конце концов*. «Всех дербинцев, в том числе и самих Емельянов Самохваловых, забавляет эта странная и очень сложная комбинация обстоятельств, которая двух человек, живших в разных концах России и схожих по имени и фамилии, **в конце концов** привела сюда, в Дербинское» [284, с. 128];

4) словосочетания из местоимения и прилагательного: *чего доброго*; «Какая нелегкая затянула сюда Артема? Теперь ему до смерти не выбратся. Будет Стеша рожать каждый год. Закопается, как

жук в навозе. Еще, **чего доброго**, депо бросит, – размышлял удрученный Павел, шагая по безлюдной улице городка» [269, с. 247];

5) словосочетания местоименного характера: *как-никак, всего-навсего*. «Следствие по его делу продолжалось долго. Ведь **как-никак**, а дело это было чудовищно!» [254, 358 с.];

б) словосочетания междометного характера: *ну, бог даст, черт возьми* и т.д. «Но ведь уходить отсюда совсем ее хочется, **черт возьми!** Как интересно было читать о герое Гарибальди! Как он ему завидовал, а ведь жизнь у этого Гарибальди была тяжелая, его гоняли по всему свету. Вот он, Павел, всего только семь дней прожил в ужасных муках, а кажется, будто год прошёл» [269, с.123].

В работе Л.А. Щербы «О частях речи в русском языке» говорится также и о модальном характере вопросительных слов и частиц. Практически все вопросительные слова способны выражать сильную эмоцию (*разве, ужели, неужели*). Например, «**Неужели** вы скажете, что это он сам собою управил так? Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? – и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком» [254, с. 10].

Будучи очень сложной категорией, модальность очень широко проявляется в русском языке. Более яркое проявление модальности мы наблюдаем в живой разговорной речи, но это не говорит о том, что письменная речь менее модальна. В русском языке очень много функционально-семантических средств выражения модальности, которыми очень активно пользуются мастера художественного слова.

1.3. Выражение модальности в татарском языке

Изучение вопроса модальности в тюркском языкознании чуть запаздывает, так как до 50-х годов XX века в работах тюркологов и татароведов модальные слова или частицы не выделялись в отдельную категорию, а только рассматривались в составе других частей речи. Такой подход мы можем наблюдать в работах А. Казембека, А. Троянского, К. Насыйри, И. Гиганова и др. [106, с. 6].

Одним из первых модальности предложения в целом и модальным словам в частности особое внимание уделяет Н.К. Дмитриев в своем труде «Грамматика башкирского языка», где он определяет модальные слова как «нечто среднее между отдельными словами и частицей». К модальным словам он относит:

- 1) *бар* – есть, имеется;
- 2) *юк* – нет, не имеется;
- 3) *түгел* – не есть;
- 4) *кирәк, тиеш* – надо, должно;
- 5) *икән* – кажется, оказывается;
- 6) *бугай* – должно быть.

Автор определяет модальные слова как переходный разряд, но не как самостоятельную часть речи [106, с. 602].

Данные исследования являются предпосылкой к углубленному изучению вопроса модальности. Среди таких учёных мы можем назвать А.Н. Кононова, Ф.Г. Исханова, А.А. Пальмбаха, С. Саидова, М.Р. Федотова, К.М. Мусаева, К.З. Ахмерова и др. Они делают интересные заключения по возникновению и употреблению модальных слов в речи, дают определение модальных слов. Например, А. Н. Кононов называет модальные слова «отдельными словами, функционально соответствующими частицам, выражающим волеизлияние говорящего или отношение к действительности, к сообщениям о каких-либо фактах, устанавливаемые самим говорящим» [86, с. 60].

Следует отметить, что эти учёные занимались изучением таких тюркских языков, как узбекский, турецкий, уйгурский, башкирский. В то же время они сделали большой вклад в развитие татарского языкознания, обозначив основные направления исследований в области модальности речи, модальных слов и частиц.

Модальность в татарском языке имеет очень разветвлённые формы, которые по-разному рассматриваются различными учёными. К изучению категории модальности обращались такие ученые, как В.Н. Хангильдин, М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, Д.Г. Тумашева, К.З. Зинатуллина, Ф.С. Сафиуллина, М.А. Сагитов, З.М. Валиуллина, А.М. Ахунзянов, В.Н. Хисамова и многие другие. Ряд учёных описывают и раскрывают модальность как особую категорию языка, отдавая должное выражению отношения говорящего к высказыванию, другие так или иначе затрагивают модальность в процессе изучения основных языковых явлений.

Одним из первых в татарском языкознании выражению категории модальности в предложении особое внимание уделяет В.Н. Хангильдин [181, с. 23]. Изучая слова и их типы, он выделяет три вида:

- 1) Мөстәкыйль сүз – самостоятельное слово;
- 2) Ярдәмлек сүз – вспомогательное слово;

3) Ымлык сүз – междометное слово или междометие.

В рамках изучения слов он выдвигает следующую идею: «Существуют основные или самостоятельные слова, которые несут в себе объективную истину, сообщают нам какую-либо информацию; далее идут вспомогательные слова и междометия, которые обозначают добавочное отношение к высказыванию или украшают его для более точного и легкого восприятия». По мнению ученого, полноценное предложение состоит из композиции или правильного использования трех категорий слов [181, с. 23]. Конечно, еще отмечается тот факт, что некоторые из слов могут «перепрыгивать» из одной категории в другую. Например, в одном предложении слово может выступать как самостоятельная единица, а в другом случае нести в себе добавочное значение. Для сравнения приведём два предложения: *«Көн жылы булганлыктан ул өстенә киеп тә тормады»*. – «Так как день был тёплый, он ничего сверху не одел»; *«Соңга калу өстенә, ул эле укытучыга каршы да әйтергә өлгергән»*. – «Вдобавок к тому, что опоздал, он еще и учителю нагрубил». В первом случае «өстенә» – это «сверху» или «верхняя одежда», во втором – слово переходит в разряд вспомогательных слов и передается сочетанием «вдобавок к тому, что», которое несёт в себе значение укора со стороны говорящего тому, кто опоздал и нагрубил. Таких примеров в татарском языке очень много, что доказывает неоднозначность данной категории в татарском языке. В.Н. Хангильдин, хотя и отмечает, что отношение к высказываемому может проявляться по-разному, все же отдельно выделяет так называемые «слова, выражающие отношение» [181, с. 302], которые изначально, по своему основному смыслу, несут в себе отношение говорящего к высказыванию, к реальности или к собеседнику. Это и не удивительно, так как таких модальных слов в татарском языке очень много и они достойны отдельного рассмотрения. Среди модальных слов учёный называет такие, как *«башлыча, гүя, мәсәлән, хәер, бәс, ичмасам, ягъни, өстәвенә»* и т. д. Он не может отнести такого рода слова к названным ранее трём категориям слов: самостоятельные слова, вспомогательные слова и междометия. Он называет их новым течением для татарской грамматики и утверждает, что «изучением этих слов еще никто в татарской грамматике не занимался» [181, с. 302]. Здесь он также отмечает, что русские грамматисты определили эти слова в отдельную категорию, которую называли «модальные слова» [181, с. 302]. В.Н. Хангильдин называет слова, отно-

сящиеся к данной категории, татарским термином «мөнәсәбәтлек», который на русский язык может быть переведен как «означающий отношение к чему-либо, несущий в себе дополнительный смысл». Данные слова автор делит на восемь категорий.

1. Слова заключительные или подводящие итог (йомгаклау яки нәтижә мөнәсәбәтлекләре) – *бәс, димәк*, которые в основном идут в начале предложения и означают подведение итогов, заключение или выводы по тому или иному вопросу. «*Димәк, Нурсөя – әҗәлдән дару, яшәү, мәхәббәт символы...*» [297; 211 б.] «*Димәк, бу – үзбез сайлаган язмы* [там же, 154 б.]. «*Ул врач булып эшләгәч, димәк, мәңге фатир алалмаячак*» [там же, 82 б.]

2. Ограничительные слова (чикләну мөнәсәбәтлекләре) – *башлыча, ниһаять, ахры, ичмаса*, которые в предложении обозначают ограничение или высказывание следствия какого-либо процесса, происходившего в течение долгого времени, и говорящий видит целесообразность подведения итогов, высказав свое отношение. «*Менә, ниһаять, бер күл янында туктаттылар да, “команда” булганчы ял итәргә куштылар*» [300, 64 б.] «*Балакайлар аны аңладылар, ахры, озак кына кымшанмый утырдылар*» [300, 135 б.]

3. Слова, выражающие сомнение (шикләну мөнәсәбәтлекләре) – *ахрысы, ахры*, которые обозначают сомнения со стороны говорящего или неуверенность в объективности высказываемой идеи. «*Ахры мәңге оныта алмамын, Тамбов урманнары уртасында усак яфраклары шаулавын...(“Мокамай”)*» [295, 121 б.]. «*Бәлки аның хәзер үк шиге бардыр. “Кызым” дип бик өзәлеп тормады бит. Аһ, барысына да үзем гаепле*» [299, 258 б.]

4. Слова, выражающие тождественность, схожесть (охшашу-тиңләшү мөнәсәбәтлекләре), – *гүя, янәсе*. Это слова, которые в речи призваны требовать какое-либо доказательство высказывания и зачастую связывают предложение с каким-либо другим предложением. «*Ул, гүя, минем кулларымда үлеп китәр өчен генә тырышып, аптекадан кайтканымны көткән иде*» [297, 92 б.] «*Хатын-кызлар бәйрәме белән котларга дип чыксам, кухняда Заһидәбануым элгечләргә элгән бер дистә күлмәк тотып тора: үзеңә кирәкне сайла, янәсе*» [288; 149 б.]

5. Приписывающие слова (япсару мөнәсәбәтлеге) – *ди, дигән, диләр*, которые показывают, что автор кого-то цитирует и передает не свои мысли и идеи, а ранее услышанные. Таким образом говорящий

восстанавливает в речи ранее услышанные факты из чужой речи. Зачастую это делается для придания речи больше уверенности и насыщения ее фактами. «*Иртә уңмаган кич уңмас, кич уңмаган һич уңмас, диләр*» [294, 149 б.]. «*Сугыш, имеш, яңа елга бетәчәк, ди*» [там же, 152 б.]. «*Акыллы кеше – атын, ахмак үзен мактый, үтә дә ахмак хатынын мактый*», – *диләр халыкта*» [297, 152 б.]

6. Слова, несущие в себе смысл утешения (тынычлану – юану мөнәсәбәтлеге), – *хәер*. Такого рода слова показывают стремление автора утешить себя, успокоить свою душу из-за какого-либо события или из-за высказываемой им идеи. «*Хәер, яраткан кешең белән бергә булу гөнаһ микән? Гөнаһ белән бозыклыкның чиге кайда? Уф!*» [300, 371 б.]. «*Андый көчкә ия булсам, мәңгелеккә үземә берәрсен сихерләп куяр идем әле, – диде Жәүһәр. – Хәер, сихерләп каратырдай егетләре бармыни соң?*» [там же, 267 б.]

7. Слова, уточняющие и передающие основную идею (тәржемәләү мөнәсәбәтлеге), – *ягъни, димәк*. Они используются для дополнения ранее высказанной идеи, уточнения или выделения особых элементов в высказывании. *Хәер, хәзер пенсионерлар да оста язалар. Күбесе югары белемле. Тәмәкене күп тарта икән. Димәк, пенсионер әби дигән версия юкка чыга* [300, 167 б.]

8. Слова, обозначающие доказательство (дәлилләү мөнәсәбәтлеге), – *мәсәлән*, которые, по мнению автора, используются часто для доказательства или дополнения фактами высказанной ранее идеи. «*Мин, мәсәлән, 30 ел эшләп тә алалмадым, врачларга тиеш түгел, күрәсең*» [297, 82 б.]. «*Мәсәлән, Влад Листьев үтерелгәч, аның дуствы Андрей Разбаш тол хатын (үзебезнең милләт кешесе) белән тора башлады*» [там же, 107 б.]

Таким образом, В.Н. Хангильдин одним из первых среди татарских учёных обратил внимание на слова, которые, будучи второстепенными, не несли основного смысла, но активно выражали отношение говорящего к высказыванию. В «Грамматике татарского языка» учёный выделил их в особую группу слов, которые в тексте призваны выражать модальность предложения, нести модальную нагрузку высказывания. Данные слова, как отмечал В.Н. Хангильдин, в большинстве случаев встречаются в художественных произведениях.

На особые характеристики проявления категории модальности в татарском языке обращает внимание М.З. Закиев. У него прослеживается более глубокий, системный и обновленный взгляд на вопрос мо-

дальности татарского предложения. Татарские лингвисты неохотно используют слово «модальность». Слово латинского происхождения в татарском языкознании несколько уступает слову «мөнәсәбәтле», а в отдельных случаях «тойгылы». Первое слово имеет перевод «модальное слово», так как, действительно, может быть переведено как «выражающее отношение», а вот слово «тойгылы» можно перевести как «эмоциональное, чувственное слово». М.З. Закиев пользуется обоими терминами, но, когда он делит предложения по цели высказывания, он отдаёт предпочтение термину «тойгылы» – предложение, насыщенное мыслями, внутренним миром, взглядами на жизнь, с какими-либо оценочными характеристиками. М.З. Закиев одним из первых пишет о том, что все предложения, независимо от их функциональной или целевой направленности, несут в себе модальное значение в любом его проявлении: например, в предложении “*Снег растаял*” предикативное слово должно быть передано с изъяснительной интонацией. Иначе предложение потеряет весь свой смысл и перестанет выражать изъяснительное наклонение» [60, с. 10].

Важно также отметить, что М.З. Закиев говорит только о модальности предложения. По его мнению, категория модальности имеет отношение только к предложению и ни к чему другому [60, с. 10]. При этом, всесторонне пользуясь словом «модальность», автор указывает на всевозможные пути ее проявления в речи говорящего. (Хотя он и не связывает свой труд всецело с категорией модальности.) М.З. Закиев очень полно описывает все уровни языка, где может проявляться модальность: изучение интонации и ее видов (идет рассмотрение ударений: фразового, логического, модального); видов предложений по цели высказывания; при изучении глаголов (рассматриваются особые словосочетания глагола и имени существительного), при рассмотрении сказуемого как особого элемента. Модальность автор предполагает и при изучении обстоятельств и частиц (обращение и вводные слова).

Д.Г. Тумашева, изучая вопросы морфологии татарского языка, отмечает правильность выделения модальных слов в отдельную языковую группу и признает их самостоятельными частями речи. Она говорит об объективности и субъективности модальных слов и делит их по данному параметру на две большие группы [169, с. 276]:

– модальные слова, употребляемые в составе сказуемого и выражающие объективное отношение высказывания к действительности: *бар, юк, тиеш, кирэк, мөмкин, ярый, ихтимал, имеш, икән*;

– модальные слова, используемые в качестве вводного слова в предложении и выражающие субъективное отношение говорящего: *ахры, имеш, бугай, балки, шаять, ичмасам, албәттә*.

Ф.Ю. Юсупов также признает модальные слова самостоятельной частью речи и отмечает, что они в основном употребляются для выражения отношения говорящего к действительности. Он выделяет их в две группы:

– модальные слова в роли или в составе сказуемого: *бар, юк, мөмкин, икән, ярый, тиеш, инде, соң, кирэк* и т. д.;

– модальные слова в роли вводных слов: *албәттә, дәрес, чынлап та, ичмасам, шаять, имеш* и т. д. [207; с. 12].

М.А. Сагитов, Р.Г. Сибгаатов, М.В. Зайнуллин предлагают распределение модальных слов по их функциональной классификации, так как они отмечают главную характеристику модальных слов – их вариативность и зависимость от контекста. Другими словами, модальные слова не могут быть однозначными и в разном контексте их следует понимать по-разному. Но между татарскими лингвистами возникают разногласия при идентификации некоторых слов: союз или модальное слово, или частица [207; с. 13].

Труды учёных получают дальнейшее развитие в работах по татарской грамматике, морфологии, стилистике, всесторонне изучаются и углубляются Д.Г. Тумашевой, Ф. Ю. Юсуповым, Р.Г. Миннихметовым, В. Н. Хисамовой и др. Накопленный материал по изучению модальности как особой категории дает основу для дальнейших исследований в данном направлении: статья И. Ф. Исламовой «Теоретические вопросы категории модальности» [74, с. 195]; труд Л.Б. Волковой «Сравнительная типология категории модальности немецкого и татарского языков» [39; с. 48]; статья Г. У. Калимуллиной «Выражение модальности в трансформированных эллиптических предложениях в татарском языке» [76, с. 120]; статья Р. Т. Гильфанова «Лексико-грамматические средства выражения модальности в неродственных языках (на материале немецкого и татарского языков)» [51, с. 140]. Некоторые учёные особенно детально подходят к лексической стороне проявления категории модальности: например, труд Р. Г. Миннихметова «Модальные слова в татарском языке», где учё-

ный детально рассматривал модальность татарских слов, сочетаний слов и выражений, приводя при этом многочисленные примеры [102]. Чуть позже появилась еще одна интересная работа В. Н. Хисамовой «Глагольная система татарского и английского языков», где автор приводит интереснейшие примеры употребления и перевода модальных элементов при сопоставительном изучении таких неродственных языков, как татарский и английский [187]. Данные труды послужили основой для ряда исследований по рассмотрению категории модальности в живом языке общения. Например, диссертация Р.Р. Ахунзяновой «Эпистимическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках» [15]. Исследуя труды по категории модальности в татарском языке, мы видим четкую направленность к рассмотрению и углублению общих знаний путем детального разбора отдельно взятых, вычлененных вопросов по данной категории.

Следует отметить, что категория модальности очень многогранна в татарском языке. Здесь не существует четкого разграничения модальных слов. Это вызвано тем, что взгляды татарских филологов разнообразны: одни признают универсальность категории модальности, другие говорят о модальности только тех предложений, в которых присутствуют модальные слова. Другой особенностью признания категории модальности в татарском языке можно назвать ее непосредственную привязанность к модальным словам. То же самое наблюдаем и в грамматике английского языка, но современные англоязычные лингвисты все больше говорят о различных уровнях проявления модальности. В то же время в татарском языке структурно не обозначены все средства выражения модальности, а существующие категории привязаны к распределению модальных слов и модальных фраз. Тем не менее просодические и грамматические средства представления модальности в татарском тексте существуют. Многочисленность лексических средств, скорее, является особенностью татарского языка. Из этого следует, что категория модальности всецело относится и к татарскому языку.

Устанавливаясь говорящим лицом, модальность выражает волеизлияние, желание, выражает сожаление и ставит условия. Также категория модальности сообщает о возможности или необходимости какого-либо действия [184, с. 92]. Таким образом, проявление категории модальности в татарском языке несет в себе практически все те же функциональные качества, что и категория модальности русского

языка. Во многом совпадают и внешние проявления модальности в татарском и русском языках. Если изучать категорию модальности с точки зрения сопоставления русского и татарского языков, то можно убедиться, что они имеют ряд общих черт. Это вызвано определенными причинами, основная из которых, несомненно, география распространения языка: носители татарского языка, как правило, жили по соседству с русскоязычным населением, вследствие чего переживали одни и те же чувства, о чем в дальнейшем будут свидетельствовать схожие элементы волеизъявления, выражения отношения к высказыванию и т. д. Например, когда кто-то не хочет что-либо говорить или выражать свое отношение к чему-либо, про него говорят: *«как будто в рот воды набрал»*. Здесь, несомненно, выражается модальное отношение говорящего, которое базируется на сравнение момента речи с каким-либо жизненным обстоятельством, опытом из прошлой жизни. Задействована модальная частица *«будто»*, которая обозначает схожесть или эквивалентность выполняемого в момент речи действия раннему опыту наблюдения. В татарском языке то же можно передать словами *«авызына су капкан сыман»*, что в принципе является практически равноценным переводом русской фразы и не несет в себе какого-либо лишнего элемента, лишнего смысла. Выражается модальность теми же самыми путями, что и в русском языке: морфологически (аффиксом *-мыни*) и лексически (частицей или модальным словом *«сыман»*). Таких параллельных фраз в русском и татарском языках довольно много. Но прежде чем перейти к сопоставлению сложных языковых категорий, было бы правильно рассмотреть все формы и способы выражения модальности в татарском языке.

Анализируя процесс передачи модальности в татарском языке, следует отметить отношение говорящего к высказываемому, которое передается при помощи интонации. Это основной момент передачи идеи, переживаний автора высказывания своему собеседнику. *«Булдырабыз бит дуслар!»* [291, 527 б.] При этом интонация может быть самостоятельной формой или же выражать модальность наряду с какими-либо другими средствами языка (например, лексическими или морфологическими). *«Фронтвик семьясы аз гына да мохтажлык, бик аз гына да ятимлек сизмәскә тиеш!»* [там же, 584 б.]

В татарском языкознании интонация занимает особое место. Она может быть выражена несколькими элементами или частями [60, с. 11].

1. Фраза басымы – фразовое ударение, ударение, которое связывает несколько слов или синтагм вместе, тем самым меняя смысл предложения. «*Аңа укырга, укырга кирәк! Һәм ул укытучының сөйләгәннәрен йотылып тыңларга кереште*» [там же, 396 б.]

2. Пауза – выделяет в предложении отдельные синтагмы или же сами предложения в целом тексте. Также благоприятно влияет на понимание текста, общего смысла и модальности высказываемого суждения. «*Кичен чәчәк аткан булдың, Ә таңында... Ә таңында инде коелдың...*» [295, 133 б.]

3. Логик басым – логическое ударение, служит для особого выделения того или иного слова в предложении или же целого предложения в тексте. В зависимости от логического ударения в предложении могут наблюдаться естественные перестроения его составных частей. Главным при этом в предложении остается то слово, на которое падает логическое ударение. Логическое ударение также широко используется для построения отрицательных и вопросительных предложений татарского языка. «*Үзе матур, Үзе сөйкемле, Үзе усал, Үзе болай бер дә Усал түгел кебек шикелле...* [там же, 144 б.]

4. Тойгы басымы – на русский язык можно перевести как «эмотивное ударение», то есть целенаправленное выделение той или иной части предложения для создания более правильной атмосферы речи или же выделения какого-либо важного элемента высказывания. Обычно при эмотивном ударении слово в татарском языке удлиняется в силу того, что гласные (обычно первого или последнего слога) произносятся чуть дольше обычного. «*Кабан, һай, Кабан! Нинди матур, сихри күл иде бит ул*» [289, 133 б.]

5. Сөйләм көе – один из особых показателей речи, который можно перевести как «мелодия речи». Неразрывно связан с паузой, логическим и эмотивным ударением и представляет собой конечный продукт их взаимного использования, но продукт более качественный, чем простое их сочетание. «*Кичер мине, әти!.. Сора минем өчен халыктан!..*» [291, 506 б.]

В зависимости от типа интонация в татарском языке может быть полной, восходящей, нисходящей и смешанной. В зависимости от мелодики мы можем различать изъявительную, противительную, интонацию счета и ожидания.

Следующим и не менее важным способом выражения отношения или модальности в татарском предложении являются модальные

слова. О них говорил В.Н. Хангильдин в упомянутом труде «Грамматика татарского языка» и выделил несколько групп модальных слов [190, с. 302]. Далее рассмотрим расширенные и детальные подходы современных учёных. Они все построены на научных взглядах теоретиков татарской грамматики, но отличаются детальностью анализа и обильностью примеров. Так, в работе Р.Г. Миннихметова мы видим несколько примеров деления модальных слов на различные классы в зависимости от их семантических качеств, то есть функции в предложении или живой речи говорящего; в зависимости от происхождения, структурной характеристики модальных слов и т.д. Основываясь на ранних трудах А.Н. Кононова, Н.Е. Петрова, М.З. Закиева, автор выделяет несколько аналитических групп модальных слов [102, с. 25].

1. Модальные слова и словосочетания, выражающие утверждение или отрицание: *эйе* – да, *бар* – есть, *имеется*, *юк* – нет, *не имеется*, *шулай* – так, *шул-шул* – именно так, *эһә* – да. Автор отмечает, что ранее данные слова относились к другим частям речи. Например, «*юк*, *бар*» ранее были классифицированы как глаголы, а теперь их правильнее было бы отнести к разряду модальных слов. В зависимости от контекста или ситуации употребления модальные слова данного класса могут выражать различные степени и формы отношений: отрицание, возражение, согласие, несогласие или неспособность лица к какому-либо действию и т. д. Иногда модальные слова могут выступать как полноценные предложения.

2. Модальные слова, выражающие проблематическую достоверность, которые обозначают различную степень вероятности, сомнения, неуверенности, предположения, допущения. Сюда можно отнести такие слова: *ихтимал* – возможно, вероятно; *мөгаен* – наверное, пожалуй, возможно, может быть; *шаять (шәт)* – возможно, пожалуй, наверно; *бугай* – кажется, вроде; *күрәсең (күрәмсең)* – видимо, очевидно; *булса кирәк*, *булырга кирәк* – может быть, должно быть, по-видимому, кажется; *башлыча* – главным образом, по большей части. Сюда же можно отнести такие единицы (послелогии), как *кебек* – как будто; *сыман*, *сымак* – как будто, кажется; *шикелле* – как, вроде; *төсле* – как будто, кажется.

Данные модальные слова очень широко употребляются в татарском языке и охватывают практически всю ткань речи.

Р.Г. Миннихметов, опираясь на существующие труды в данном направлении, предложил самую расширенную классификацию мо-

дальных слов и сочетаний татарского языка. При этом он обнаружил несколько подходов к классификации: по функции модальных слов, по структуре и по значению [102]. Наиболее полной и основательной можно признать его классификацию, которая опирается на различные оттенки проявления категории модальности. Автор выделяет следующие типы модальных слов и сочетаний.

1. Модальные слова, выражающие утверждение и отрицание: *әйе, әйедер, әйеме, әйе инде, бар, бардыр, бармы, бар инде, юк, юктыр, юкмы, юк инде, юк түгел, шулай, шулайдыр, шулаймы, шулай инде, шул-шул, әһә, мөмкин, мөмкиндер, мөмкинме, мөмкин түгел, кирәк, кирәктер, кирәкме, кирәк түгел.* «**Юк**, улым, – ди әнкәсе, – болай гына ачтым...» [300, 180 б.]. «**Әйе**, минем кебекләр юктыр. Үз әти-әнисе өеннән куган кызлар күп булмас» [299, 343 б.].

2. Модальные слова, выражающие проблематическую достоверность: *бәлки, шаять, бугай, имеш, ихтимал, ахрысы, бәлки, мөгаен, янасе, икән, күрәсең, булса кирәк, сыман, кебек, төсле, әйтерсең, гүя.* «Без, **бәлки**, күрешә алмабыз; без, **бәлки**, мәңгегә аерылганбыздыр...» [292, 499 б.]. «Ул мине һөҗүмнән курка дип уйлаган, **ахры**, - аяк басуын йомшарта төшеп, яныма ук килде дә, мөмкин кадәр йомшак, ихлас чыгарырга тырышылган бер тавыш белән сүз башлап...» [там же, 200 б.].

3. Модальные слова, выражающие категорическую достоверность: *әлбәттә, билгеле, дөрөс, чыннан да, чынлап та, һичшиксез, баксаң-торсаң, һичсүзсез, хак, рас, баксаң, асылда, гадәттә, табиғый, дөрөсә, нигездә.* «Ул бит мужик малае түгел – ул мэхмүд, ул шәкерт. Аңа андый азгыннар җыенына бару, **әлбәттә, әлбәттә**, килешми» [там же, 277 б.]. «Юк, ихтимал гына түгел, булачак та. **Шөбһәсез** булачак...» [там же, 245 б.]. «**Шөбһә юк**, аның аты барын да узачак, шул сылу кара айгыр һәм аның иясе быел бөтен тирә якларга дан чәчеп, барын да аста калдырачак!» [там же, 252 б.]

4. Модальные слова, выражающие значения долженствования и необходимости: *кирәк, тиеш, зарур, зарури, лазем, фарыз, мөмкин, имеш, ихтимал.* «Боларның бере дә яңа түгел, шуңа күрә берсе дә аңарда хәйрат тудырмаска **тиеш** иде...» [там же, 434 б.] «**Аннары, билгеле, тимер көрәк, сәнәк һәм башкалар кирәк.** Аларын инде болай да беләсез булыр» [296, 343 б.]

5. Модальные слова, выражающие значение возможности и невозможности: *мөмкин, ярый, мөмкин лә, мөмкин ләбаса, мөмкин*

бугай, ахры, күрәсең, мөмкин түгел, ярамый. «Моннан күчәсе иде, күчәсе иде! – дип уйлана, аз гына кәефсезләнгән саен: – ... Жан бирәм, күрәсең, инде, ходаем, – дип авыр кайгыга төшә иде. Яшен аны коткарды» [291, 159 б.] «Иген сугылса, атасы да бирер, анасы да актык бер тиеннәрен аямас иде. Болар белән генә эңитмәсә, өсәктән арткы юл белән кибетчегә илткәләргә дә булыр иде. Ә хәзер берсе дә **мөмкин түгел**: сукмаган көлтәне сатып булмый; келәткә керсәң, өсәкләрдә тычкан башы ярылыр» [там же, 402 б.]

6. Модальные слова и словосочетания, выражающие квалификацию отношения содержания какого-нибудь отрезка речи к общей последовательности мысли: *гомумән, кыскасы, ниһаять, мәсәлән, ягыни, алайса, диген, болай, ахыр килеп, азак килеп, соң килеп, инде килеп, хәер, югыйсә, эңитмәсә, ичмасам, һич булмаса, булмаса, димәк, беренчедән, икенчедән, өченчедән, монысы бер, монысы ике, әйттик, аның каравы, тузга язмаганны, килешмәгәнне, булмаганны, һич югы, юкны, ни пычагыма. «Ихсан һаман үзенекен тукый. **Ичмасам**, башкалар кебек акырып кереп әтисенә әләкләсен иде» [300, 205 б.] «**Беренчедән**, берничә көн инде бензин булмады, **икенчедән**, бүген шимбә көн: бакчачылар үз бакчаларына машиналарында элдертә» [там же, 211 б.] «Атаң өчен бер тамчы да калдырмагач, **ни пычагыма кирәк син!**» [296, 94 б.]*

7. Модальные слова, выражающие внезапность припоминания, догадки, присоединения по ассоциации: *әйткәндәй, дигәннән, димәктән, әйтәм аны, әйтәм эңирле, әйтәм, минәйтәм, кем әйтмешли, тиле кеше әйтмешли. «**Ни гаҗәп**, мин артык карышмадым. Күңелемдә аңлатып бирмәслек каршылыклы уйлар туды» [300, 347 б.]. «“**Димәк, сөяркәсе?**” – диде ул үз-үзенә, мондый нәрсәгә һич тә ышанасы килмичә. **Димәк**, чынга чыкты, моңа кадәр колакка чалынгалап калган төрле имеш-мимешләр дә, бүген көндөз кибеттәге очрашудан соң туган сизенүләр дә – барысы да чынга чыкты?» [296, 326 б.].*

9. Модальные слова, означающие, что высказывание приписывается говорящим другому лицу: *имеш, янәсе, ди, диләр, диген. «Сине ул өеңә дә китереп куя, алып та китә. Ә ул белми, **имеш**». [300, 221 б.] «**Пәйгамбәр!** – диде Илгиз, үзенә-үзе каршы килеп. – **Нинди пәйгамбәр булсын ул. Ислам-иблис диген!**» [296, 80 б.].*

10. Модальные слова и словосочетания, применяемые для привлечения внимания, обращения или побуждения. Они представляют

собой призыв, просьбу или желание: *зинһар, гафу, гафу ит, гафу итегез, рәхим ит, рәхим итегез, беләсеңме, беләсезме, аңлыйсыңмы, аңлыйсызмы, кара, карагыз, күр, күрегез, берүк, куй, кугеыз, җитте, җитәр, карале, әйдәле, я. «Иә, ярый, кабат очрашканга кадәр. Ә бусын әниңә бирерсең»* [299, 219 б.]. *«Гафу, гөлкәем, – диде Альфред, кинәт юашиланып. – Мондый матурлыктан башым әйләнәп китте»* [там же, 329 б.] *«Зинһар, кызым, үзеңне тыныч тотарга тырыш»* [290, 243 б.]

11. Модальные слова и сочетания, выражающие эмоциональное отношение к действительности: *бәхеткә каршы, бәхеткә күрә, бәхеткә, кызганычка каршы, кызганыч, кызганычка, миңа дисә, миңа димәгәе, кирәгем исә, ачуым килмәгәе, гаҗсәпкә каршы, гаҗсәпкә, бәхетсезлеккә каршы, бигайбә, агай, кодагый, абзый, малай, туган, апаем. «Минемчә, иптәшләр... ике тәгъдим булды... – диде ул, авыз эчендә ботка кайнатып»* [296, 166 б.] *«Кесәсеннән, үч иткәндәй, баягы кебектагын гел иллелекләр генә чыкты»* [там же, 14 б.] *«Карале, Барый туган, баи белән уйлап караганда... – диде Галимулла, бригадирга якынрак килеп»* [там же, 340 б.]

Пространство модальных слов татарского языка представляет собой различные структуры, которые могут быть образованы совершенно разными способами. По классификации современных учёных, занятых изучением проявления категории модальности в татарском языке, модальные слова могут быть представлены следующими частями речи:

- имена существительные: *ихтимал, шайтан, пычагым, раббым* и т. д.;
- глаголы: *күрәсең, әйтәм, куй, кугеыз, язмаганны, булмаса* и т. д.;
- имена числительные: *бердән, икенчедән, өченчедән* и т. д.;
- местоимения: *миңа, аннан* и т. д.;
- имена прилагательные: *дәрес, билгеле* и т. д.;
- наречия: *һичшиксез, һичсүзсез, шөбһәсез* и т. д.;
- послелогии: *кебек, шикелле, сыман, төсле, бәлки* и т. д. [149, 52 б.]

Изучая татарский язык, его проявления в различных жизненных ситуациях, исследователи отмечают тот факт, что слова в татарском языке могут переходить из разряда нейтральных в разряд экспрессивных, иначе говоря, могут стать модальными [149, с. 117].

Данный факт отмечали и татарские поэты. Г. Тукай в своих сочинениях также говорил о том, что слова в зависимости от контекста, от факта употребления могут приобретать множество различных смысловых оттенков [290].

Ф.С. Сафиуллина при анализе категории модальности внутри контекста рассматривает различные оттенки синонимического ряда слова «киреләнү», которое может быть переведено как «сопротивление», «нежелание выполнять что-либо» и т. д. В основном глагол употребляется по отношению к детям, которые «отказываются что-либо выполнять». Употребляя же в тексте синонимы данного слова «үжәтләнү, чыгымчылау, үзсүзләнү, кәжәләнү», мы лишь меняем модальный окрас предложения. При этом само объективное значение глагола не меняется. Например, «үжәтләнү» это тоже отказ, но в татарском языке, в зависимости от контекста, употребляется в позитивном значении (имеет значение «не сдаваться, достигать цели, преодолевать трудности»). Вся полнота смысла может проявиться лишь в предложении, то есть в контексте: *«Һаман яманлап торуларына карамастан, ул тагы да үжәтләнебрәк эшләде, алга барудан туктамады»*. – «Несмотря на то, что все пытались выставить его в нехорошем свете, он не сдавался, наоборот, твердо стоял на своем, двигался дальше». Здесь татарское слово «үжәтләнебрәк» переводится как «не сдаваться», то есть «настоять на своем», и раскрывает личность, о которой говорится в предложении. Следующий синоним – «кәжәләнү» – больше просторечный и обозначает «бессмысленное сопротивление», «сопротивление или отказ, ничем не обоснованный». *«Әнисе нәрсә генә әйтеп карамады, ә кыз бала тик кәжәләнә бирде, бер сүзен генә дә тыңламады»*. – «Все усилия матери успокоить дочь были тщетны, она ничего не хотела слышать и продолжала хныкать». Здесь мы для перевода употребили слово «хныкать» вместо татарского «кәжәләнү», так как маленькие дети, которые не слушаются или сопротивляются, обычно «хнычут» и противятся. Иногда, чтобы передать весь смысл модально окрашенных слов татарского текста в русском языке, нам необходимо описать слово, подбирая самые близкие по значению эквиваленты.

Порой даже замена слов в татарском предложении ведёт к появлению модального значения всего отрывка. Это подробно описывает Ф.С. Сафиуллина, на основе материала, приведенного С.М. Ибрагимовым в буклете «Газета теле» («Язык газеты»). Автор газетной ста-

ты при попытке написать интересный и юмористический текст, в котором содержится описание деятельности проверяющего из района, заранее подменяет привычные нам слова странными синонимами. Например, вместо слова «котлета» пишет «мясное изделие», вместо слова «лошадь» – «сила тяги» и т. д., тем самым добиваясь модальности всего отрывка. Автор пишет: *«Агымдагы жәйнең гадәттәге бер иртәсе иде. Сәхипҗамал ана үзенең мул һәм югары сыйфатлы сәт бирә торган мөгезле эре терлеген саварга да өлгермәгән иде эле, Галәү агай җигелмә инвентарьга җирән йонлы тарту көчен җигеп, астына тупас терлек азыгы белән яшел масса салып, халык яшәү пунктына чыгып китте. Вақытны тыгызлау максатларында, ул җигелмә инвентаржның тәгәрмәчләренә майлау материалы да сөртеп тормады.*

Безнең юлчы, район үзәгенә килеп туктау белән, тарту көчен дәвалау учреждениесе янына бәйләп куйды да үзенә йөкләнгән эшләренә тиз рәвештә үти башлады. Башта ул сәүдә челтәренә кереп чыкты. Аннан соң культура-агарту йортына барды. Соңгысында үзешчән түгәрәк әгъзаларының чираттагы репетициясе җәелдерелгән иде. Өстенә тегелгән киём кигән, эшләпә һәм галстуктагы бер үзешчән мөдирнең ниндидер киңәшмәдә икәннен астына сызып әйткәч, Галәү агай, тоткарлыксыз, бу объектны калдырып чыгып китте. Ул башка бик күп аппаратларда, әллә нинди точкаларда булды... Эш арасында гына район капкалап алу пунктына кереп, өч йөз грамм он изделиесе белән бер порция ит изделиесе, ике данә яшелчә, өч данә фрукт ашап алды. Азактан бер бутылка алкогольсез эчемлек эчте» [149, с. 122].

Простые слова заменены простыми сочетаниями, которые в обычном контексте ничего собой не представляют. Однако, будучи в одной логической цепи, создают юмористический отрывок, модально окрашенный текст для достижения самых различных целей.

В татарском языкознании известно широкое употребление слов в переносном значении. Например, слово «сугу» можно перевести как «бить, избивать, ударять». Также это слово описывает ситуацию, когда кто-либо что-то быстро съедает. Например, *«Сугып кына кара миңа, күрмәгәнеңне күрсәтәм мин синең»*. – *«Только попробуй меня ударить, я тебе покажу»*. Здесь значение прямое, а вот другое предложение с тем же словом: *«Суга гына бу кыз бала йөзем җимешен, чәйнәп тә өлгерә алмый кала бит»*. – *«Ну и уплетает эта девочка*

изюм, аж не успеваает прожевывать». Слово «сугу» в русском языке передаётся словом «уплетать».

Особую роль в формировании модальности татарской речи играет целенаправленное сравнение людей с различными животными по поведению или внешнему виду. При этом высмеиваются какие-либо черты человека либо указываются какие-либо уникальные стороны предмета речи. *«Бигрәк елан инде үзең, бер дә кешега яхшылык булсын димисең»*. – *«Ну и змея же ты, однако, нет чтоб человеку добра пожелать»*. *«Кырмыска белән бер бу малай, һич тик тора белми»*. – *«Этот малый прям как муравей, никак на месте не устоит»*.

Итак, в татарском языке, помимо модальных слов, частиц, интонации, есть большое количество языковых средств выражения модальности или дополнительной окраски текста.

1.4. Функционально-семантические средства выражения модальности в английском языке

Изучение категории модальности в английском языке является приоритетным направлением языкознания. Учёные по-разному подходят к вопросу изучения данной категории и предлагают совершенно новые пути исследования модальности. Проблема модальности была затронута в англоязычном мире довольно давно и обсуждается очень бурно. Многие учёные обращаются к категории модальности и освещают связанные с данной категорией вопросы в разделах, а иногда и в целых главах книг по языкознанию. Иностранные языки, в частности и английский язык, также являются объектом изучения русскоязычных учёных. Появляются новые труды на русском языке, которые освещают особенности английской речи, сложные грамматические категории и т. д. Встречаются работы целиком посвящённые изучению особенностей категории модальности в английском языке и различных аспектов, ситуаций выражения модальности.

Детально изучая подход к вопросу модальности в западном мире, можно заметить, что в английском языке изначально отделены такие термины, как «модус», «модальность» и «экспрессия». К этому, конечно, стремились и некоторые татарские учёные, которые, так или иначе, делили значения понятий «модальность», «чувственность предложения», «экспрессия предложения», что схоже с взглядами их

западных коллег. В целом надо признать, что вопрос модальности на уровне слова, предложения лучше описан в разработках зарубежных учёных, так как они пришли к обсуждению данной проблемы намного раньше, чем русские и татарские языковеды.

При этом нельзя говорить, что само языкознание как научный аспект во многом отставало и уступало разработкам зарубежных лингвистов. Русские лингвисты внесли большой вклад в развитие самой лингвистической науки в целом.

Среди иностранных учёных, занимающихся проблемами модальности, можно назвать многих лингвистов англоязычного мира. В частности, среди современных наиболее известен Ф.Р. Палмер, который уделяет особое внимание смысловой стороне слова, словосочетаний, и самого предложения. Он, в свою очередь, опирается на труды таких учёных, как М. Бреаль, О. Д. Легшоу, Р. Карнап, О. Джулиан, Л. Дж. Андерсон и др. Вопросом модальности вплотную интересуется С. Пинкер, который больше внимания уделяет инстинктивной стороне языка. В своих работах при изучении проблемы соотношенности слова и объекта к вопросу модальности обращался и В.В. Орман. Он довольно детально останавливается на модальности текста. Учёный Д.И. Саид, более известный как оратор и журналист, но имеющий серьезные работы и в области языкознания, останавливается на проблеме модальности простого предложения, приводя многочисленные примеры изменения смысла одного и того же предложения в различном контексте живой речи.

Понятие «модальность» англоязычными учёными очень часто ставится в один ряд с наклоном, что, конечно, закономерно для английского языка: английский язык, будучи аналитическим, очень сильно зависит от грамматики, и любое предложение английского текста грамматически подковано, так как именно грамматические законы управляют самим языком [231; с. 72].

Палмер, поддерживая идею большинства учёных, говорит о различных оттенках времени английского глагола, тем самым возлагая на английский глагол модальные функции [237; с. 168]. Он, сравнивая многие языки, делает универсальный для всех языков вывод о том, что во многих из рассмотренных языков настоящее время выражает истинность действия. Автор называет это латинским словом «realis», этим термином в дальнейшем ученые стали обозначать «реальность» явления или действия. Известно, что данным термином оперирует и

Шарль Балли в своих трудах. Но из зарубежных учёных именно Ф.Р. Палмер особенно тщательно рассматривает вопрос наклонения и модальности. Второй термин «*irrealis*» автор относит к будущему времени, которое «скорее ирреально, чем выражает реальное действие». Автор также употребляет слово «*intention*», на этот раз английское слово, которое описывает замысел, стремление или намерение. По суждениям учёного также можно заключить, что прошедшее время может содержать в себе и «*realis*» и «*irrealis*», то есть может быть и реальным, тем самым выражая в основном удовлетворение, и ирреальным, привнося модальность сожаления. Тем не менее вне контекста очень сложно говорить о конкретных нагрузках каждого из времён, так как полноценно они проявляются только в живой речи. Очень похожим подходом к изучению категории модальности английского языка пользуется и В.Н. Хисамова, которая детально рассматривает глагольные формы. Она приводит много случаев проявления модальности через различные формы глагола в разных контекстах [187]. Данные исследования позволяют нам увидеть взаимосвязь модальности и наклонения, которую берут за основу многие зарубежные исследователи. Например, Д. Лайонз, исследуя значения предложений, также говорит о «правдивых» и «ложных» предложениях, которые напрямую зависят от того, к какой временной категории они относятся [231; с. 146]. На основе анализа он показал возможность выражения мысли различными средствами языка: «*John Smith is unmarried*»; далее доказал, что ту же самую идею можно передать и грамматически, а не только при помощи морфемных средств языка, как в первом случае: «*John Smith is not married*»; и, наконец, лексически: «*John Smith is a bachelor*».

Изучению категории модальности английского языка отведено значительное место во многих работах русскоязычных учёных. Говоря о модальности текста, они приводят многочисленные примеры из англоязычной художественной литературы. Таким образом, вопрос модальности текста остается вопросом интернациональным и одновременно изучается учеными с различных точек зрения.

Категория модальности в английском языке в основном вбирает в себя те же самые качества, которые мы присудили русскому языку. Так, в английской речи мы можем говорить о «реальности» и «ирреальности» английского высказывания:

– в зависимости от его соотношения с существующей действительностью («субъективная» и «объективная» модальность);

– в зависимости от отношения говорящего к высказываемому.

В настоящий момент в английском языке наблюдается стремление многих зарубежных учёных к описанию категории модальности как «абсолютной». Другими словами, они утверждают, что речь в любом ее проявлении модально окрашена и не может быть «амодальной». В живой речи одно из основных мест занимает интонация, которая включает в себя ударение (фразовое и логическое), паузы, ритм, тембр, темп, повышение и понижение тона. Она и определяет уровень модальности предложения и саму цель высказывания с использованием модального оттенка. В английской речи функцию выражения модальности на себя берут ударение, повышение и понижение тона – они наиболее часто употребляются в речи. При этом нисходящий и восходящий тоны делятся на несколько подтипов, меняя при этом смысл и форму высказывания. Например, используя нисходящий тон, мы скорее говорим определенно и категорично, часто утвердительными предложениями; используя восходящий тон, наоборот, выражаем неуверенность и сомнение. Например, в предложении «The book is on the desk» с нисходящим тоном мы сообщаем, что книга действительно находится на парте и не где-нибудь ещё. Восходящий тон в том же самом предложении выражает вопрос или неуверенность, письменно выражается вопросительным знаком «The book is on the desk?». Восходящий тон также может говорить и о возмущении, неуверенности, о попытке избежать ответственности за местонахождение книги и т. д. В любом случае интонация меняет грамматическую оболочку предложения, делая его вопросительным, не внося при этом каких-либо структурных изменений. Конечно, данная игра тона не всегда может быть передана письменно, поэтому в текстах для передачи модальности мы прибегаем к грамматическому способу её обозначения. Сюда мы можем отнести и систему наклонений, и временные формы глагола, и т. д. “*What a turn them bandages did give me, to be sure!*” [320, p. 21].

Кроме интонации и грамматики в английском языке модальность проявляется и лексически, то есть через использование отдельных слов и словосочетаний, а иногда и целых фраз. “*May be you're wanting to get over? –anybody sick? Ye seem mighty anxious?*” [311, p. 40]. “*Padre, you asked me if I could trust you. Can you not trust me, too?*”

[316, p. 28]. К лексическим формам выражения модальности некоторые учёные относят и вводные слова английского языка, что часто является предметом споров учёных-языковедов. Одни учёные утверждают, что практически все слои языка могут выступать в качестве модальных и применяться в предложении для выражения отношений. Другие учёные не хотят соглашаться с тем, что даже вводные слова относят к модальной плоскости языка, и утверждают, что это всего лишь слова, которые иногда могут быть вовлечены в модальные отношения. Но, тем не менее, полностью отрицать отношение вводных слов, союзных слов, слов типа «*maybe*» к модальному слою языка было бы неправильно.

Еще одна особенность языка, а именно тот факт, что английский язык является языком аналитическим, с чётким порядком слов в предложении, делает возможным использование инверсии, то есть изменения порядка слов в предложении, в качестве инструмента передачи модальности текста. Например, простое предложение «*I am writing a composition*» может быть подвержено инверсии и изменению приоритетов в высказывании. Таким образом, представляя предложение следующим образом: «*A composition I am writing*», – мы меняем приоритеты слов. Теперь слово «*a composition*» выходит на первый план, и высказывание приобретает оправдательный характер: «*Мы действительно пишем сочинение, а не что-либо другое!*». Инверсия очень часто употребляется в англоязычной художественной литературе и является одним из самых сильных стилистических приемов. При обширном подходе к вопросу модальности английского предложения мы можем назвать модальными и стилистические средства языка, которые создают не только стиль, но и атмосферу художественного произведения, что можно назвать проявлением категории модальности.

К лексическим средствам выражения модальности некоторые учёные относят и модальные глаголы, в то время как их коллеги не считают необходимостью выделять модальные глаголы в отдельную категорию. Но, тем не менее, они не отрицают, что в английском языке существуют глаголы, которые могут выражать различные отношения; авторы художественного жанра очень широко используют эти глаголы и в прозе, и в поэзии.

Рассмотрев различные подходы к вопросу модальности в английском языке, мы можем сказать, что многие зарубежные лингви-

сты придерживаются обширного видения категории модальности, что во многом совпадает с подходом к изучению данной проблемы Ш. Балли и В.В. Виноградова. Итак, можно назвать следующие средства выражения модальности в английском языке:

1) *просодические*: интонация, которая включает в себя такие элементы, как фразовое и логическое ударение, паузу, ритм, тебр, темп и тон;

2) *грамматические*: включают в себя наклонение и временные формы английского глагола;

3) *лексические*: включают в себя слова с модальным значением, глаголы мыслительной деятельности, модальные глаголы, вводные слова, союзы и различные модальные словосочетания и фразы;

4) *стилистические*: включают в себя различные стилистические приемы и средства, которые употребляются для выражения отношений, оценки и т. д.

В то же время следует отметить, что все изложенное – это скорее искусственно созданный список наблюдений за изучаемым языком, который направлен на облегчение самого процесса изучения категории модальности. Данная систематизация не может полностью раскрыть проблему модальных отношений в разговорной и письменной речи, но она дает возможность хоть как-то упростить сложную языковую среду. Иногда просто необходимо понять отдельно взятую конструкцию вне текста, чтобы в дальнейшем при чтении художественного произведения интуитивно использовать теоретические знания для его практического понимания. Например, выделяя так называемые просодические средства выражения модальности, можно описать язык автора или атмосферу самого произведения. Многие авторы очень умело используют интонацию даже в письменной речи. Через определенные знаки они передают все свои чувства и переживания, которые испытывали при создании самого произведения: прозы, стихотворения, поэмы и т.д. *“I'm thinking... Uh. Jean Gallagher.” Boy, I nearly dropped dead when he said that. “Jane Gallagher,” I said. I even got up from the washbowl when he said that. I damn near dropped dead. “You're damn right I know her. She practically lived right next door to me, the summer before last. She had this big damn Doberman pinscher. That's how I met her. Her dog used to keep coming over in our—” “You're right in my light, Holden, for Chrissake,” Stradlater said. “Ya have to stand right there?” Boy, was I excited, though. I really was. “Where is*

she?" I asked him. "I oughta go down and say hello to her or something. Where is she? In the Annex?" "Yeah." "How'd she happen to mention me? Does she go to B. M. now? She said she might go there. She said she might go to Shipley, too. I thought she went to Shipley. How'd she happen to mention me?" I was pretty excited. I really was [310, p. 17].

Далее более детально остановимся на каждом из средств выражения модальности. В первую очередь рассмотрим грамматические средства, так как именно грамматика определяет первооснову любого языка. По мнению Д. Лайонза (так думают и многие другие учёные), грамматика представляет собой так называемый «свод правил», которые диктуют условия организации предложения, универсальные для всех языков. Любой язык мира, как говорит исследователь, опирается на грамматику при создании письменного текста или речи [231; с. 72]. Это, несомненно, приводит нас к суждению, что самой основой организации модальности как категории является грамматика того языка, о котором идёт речь. В то же время учёный утверждает, что некоторые предложения могут быть модальными, даже не опираясь на грамматические правила, и, наоборот, мы можем сломать грамматическую целостность предложения, чтобы добиться большей модальности, чем та, которая представлена с соблюдением правил грамматики («грамматические предложения», или «grammatical sentences») [231; с. 73]. Данное суждение делает возможным существование грамматических средств выражения модальности.

В английском языке, действительно, большая часть предложений опирается на временные формы, а если учесть, что наклонение также имеет отношение к проявлению модальности, то и весь язык можно рассматривать через призму модальности текста. Это также доказывает универсальность суждений Ш. Балли, Г.В. Колшанского, В.В. Виноградова о пронизанном категорией модальности предложении. Также верны суждения Б.Л. Пастернака и Г.О. Винокура, которые говорят о том, что человек не может скрыть свою человечность, разговаривая даже на самые незначительные темы. Некоторые учёные, в том числе Ф. Палмер [237], Д. Остин [210], Д. Лайонз [231] упоминают в своих работах термины «locution» и «illocution», которые могут быть переведены как «локутивность» и «илокутивность» (термины широко употребляются в русской лингвистике), тем самым подчеркивая отношение модальности к высказыванию («локутивности»). По их мнению, само высказывание относится к одному из трех

«илокутивных» или же «побудительных», типов, и то, что многие учёные называют амодальностью, они называют «нулевой илокутивностью» [232; с. 240].

Данный подход в рассмотрении модальности позволяет нам объяснять очень многие непонятные моменты и делает возможным существование языковых единиц, обладающих «нулевой илокутивностью» вне контекста и становящихся модальными, как только их помещают в полноценную языковую среду. При таком подходе возникает необходимость чёткого разграничивания объективной и субъективной модальности, так как илокутивной модальностью, по мнению учёных, обладают только объективные модальные высказывания. Субъективная же модальность может по факту присутствовать или просто отсутствовать в предложении. Например, «Прискорбно одно, он не смог прийти». В этом предложении автор выражает сожаление, которое, конечно же, субъективно. И если в дальнейшем мы просто уберём субъективную часть предложения, а именно, «Прискорбно одно», то предложение потеряет весь свой модальный потенциал и станет голым фактом «Он не смог прийти», который сообщает нам лишь об отсутствии определенного человека, и ничего более. “*What a pity Saint Pathrick hadn't paid Tixas a visit before goin' to grace!*” [309, p. 36].

Сюда же, в ряд грамматических средств выражения модальности, можно включить и различные формы предложений. Например, «вопрос с хвостиком» или «разделительный вопрос» (tag questions or interrogative questions), которые также содержат в себе модальное значение. Например, «*She is coming tomorrow, is not she?*». В этом предложении, которое может быть переведено как «Она завтра придёт, не так ли?» или «Она же завтра придёт, не так ли?», или «Она ведь завтра придёт?» мы видим отношение говорящего к самому высказыванию. Вне контекста мы не можем точно сказать, как автор относится к приезду определенного человека, не можем знать «хорошо или плохо» он его встретит, но мы чётко видим, что говорящий ожидает его приезда. Если мы поместим предложение в контекст, мы сразу же увидим субъективное в предложении и выберем один из предложенных ранее вариантов перевода. Это позволяет нам увидеть, какие могут быть значения, присуждаемые разделительному вопросу, точнее же, второй части разделительного вопроса «*is not she*». Если мы ждём с нетерпением, то можем показать это через слово «правда», если же хотим лишь уточнить какой-либо факт, то употребим слу-

жебную форму перевода «не так ли», не добавляя ничего лишнего. Дальнейшее развитие предложение может получить, только перейдя в разговорный язык с дополнительным использованием просодических средств выражения модальности, которые схематически можно показать следующим образом: «↑ is not she?» – при ожидании события, и «↓ is not she?» – при разговоре с тоном грусти в речи, когда мы особо не рады ожидаемому приезду. «*"Hey-dey! The black cuss!" said Legree. "He'll have to get a breakin' in, won't he, boys? [311, p. 257]. "I say, George, it's almost a pity, isn't it," she said, as she held up some of it, playfully, – "pity it's all got to come off? "*» [там же, p. 288].

К грамматическим средствам модальности, на наш взгляд, правильно было бы отнести и систему условных предложений (Conditionals), которые даже по своей структуре «модально» или другими словами выражают отношение между обстоятельством, говорящим и явлением. Имея свои подтипы, сослагательное наклонение еще более уточняет категорию модальности. Оно может выражать различные отношения. Например, в предложении «*If it's summer it is usually warm*» мы констатируем свои наблюдения, тем самым доказывая модальность объективной истины. Иначе говоря, используя «нулевое условное предложение» (Zero conditional), мы констатируем свои общие наблюдения: «*When I study I pass my exams*» и сообщаем то, что является всеобщей истиной: «*When it rains we get wet*». *If I'm not mistaken, I believe you also had some difficulty at the Whooton School and at Elkton Hills [310, p. 7].*

В отличие от «нулевого условного предложения», «условное предложение первого типа» эмоционально сильнее и выражает или подбадривание или уверенность, или ситуацию постановки условия, то есть наказа с чьей-то стороны: «*If you are late today, I'll take you to school*» или «*If you study, you'll pass your exams*» и т.д. *If you get into trouble over this, if you – die, you will break my heart. [316, p. 16].*

Следующий тип сослагательного наклонения выражает еще большую модальность и уже содержит в себе гипотетичность, то есть невозможность какого-либо действия в силу какого-то другого действия или условия. Но при этом данный тип сослагательного наклонения не стремится к выражению сожаления, а, наоборот, остается позитивным: «*If I were rich, I would buy many things*», – сообщает автор своему собеседнику, не теряя при этом надежду на то, что это еще может произойти в следующем отрезке времени. Он предвосхи-

щает действие или просто мечтает о том, что может случиться. В таких типах предложений больше выражается сомнение. Предложение не категорично, человек может разбогатеть, и, соответственно, купить все, что пожелает. Данные модели предложений чаще употребляются для описания самого героя, его переживаний и характера как человека нерешительного, который живёт влиянием извне и ставит условия не себе, а просто живёт в самой среде различных условий. Тем самым говорящий оказывается неактивным. *I mean if a boy's mother was sort of fat or corny-looking or something, and if somebody's father was one of those guys that wear those suits with very big shoulders and corny black-and-white shoes, then old Hans would just shake hands with them and give them a phony smile and then he'd go talk, for maybe a half an hour, with somebody else's parents* [310, p. 12].

Третий тип сослагательного наклонения больше позиционируется как «ирреальный» и употребляется, как правило, для выражения гипотетического действия в прошлом, которое могло бы произойти, но какие-то обстоятельства этому помешали. Он может выражать определенные типы сожаления, скорби, раскаяния, печали или же, наоборот, в зависимости от ситуации, может позиционироваться и как позитивный элемент, показывая невероятную радость и восхищение произошедшим или самим отсутствием действия. Например, в предложении «*If I had studied, then I have passed my exam*» мы видим сожаление. Человек винит себя в том, что не смог сдать экзамен, потому что не выучил материал. А вот в другом примере «*If I had not caught the cat, he would have broken all the vases in the house*» нам сообщают о том, что человек поймал кота, который бегал по дому, и, если бы не он, то кот разбил бы все вазы. Мы видим восхищение своим поступком.

В английском языке также используются и смешанные типы сослагательного наклонения, тем самым предоставляя нам возможность тоньше выражать наши чувства или же точнее понимать автора произведения, видеть настроение героев и атмосферу произведения. Например, «*If I were you, I would have never refused that idea*», что можно перевести как «*На твоём месте я бы не отказался от этой идеи*». Здесь первая часть предложения в Past Simple для того, чтобы выразить общий характер высказывания, потому что, если бы автор употребил Past Perfect, то предложение потеряло бы весь смысл. Вторая часть предложения, будучи в форме Future in the Past Perfect, вы-

ражает отношение действия к прошедшему времени, показывая при этом невозвратимость, упрёк и сожаление со стороны говорящего. *If you could have seen his face after I struck him, Cesare, you would not think that.* [316, p. 132]. *If you knew Stradlater, you'd have been worried, too* [310, p. 15].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в английском языке сослагательное наклонение выражает модальное значение и включает при этом в себя различные формы английского глагола. Получается, что формы глагола английского языка также имеют особые оттенки, используя которые можно добиться необходимой модальности контекста. Применяя 16 времён, мы можем создать многочисленные комбинации, которые могут выражать призыв, желание, возможность, необходимость, сожаление, радость, убеждение и т. д. При этом надо заметить, что зачастую модальность контекста достигается и через использование отдельного пласта английского языка – модальных слов. Таким образом, если можно так выразиться, грамматическая модальность переходит в сопряжение с лексическими показателями модальных отношений. Некоторые учёные не зря говорят о модальности, как о сложном языковом явлении, которое не может существовать только внутри определенного уровня языка, и они зачастую употребляют для обозначения модальности совмещенные термины: например, вместо лексических и грамматических средств выражения модальности они говорят о лексико-грамматических средствах или описывают модальные отношения как функционально-семантические и т. д. Это вполне оправдано, и при правильном подходе играет только положительную роль при классификации средств выражения модальности.

Остановившись на лексических средствах выражения модальности, нужно сказать, что в английском языке их пласт просто огромен, но их можно объединить в несколько категорий, перечисленных ниже.

1. **Модальные слова** – представляют собой большой список слов, который включает в себя:

– имена существительные: *possibility, unwillingness, refusal* и т.д. «*This very sight he saw, beyond the possibility of disbelieving – saw the horse advancing along the level line in a slow but steady pace – without footfall – without sound of any kind--as if gliding rather than walking – like the shifting scene of a cosmorama!*» [316, p. 242];

– имена прилагательные: *clear, obvious, difficult, possible, probable, certain, sure, likely, unlikely, definite* и т.д. «*When it was clear to him that I meant to go alone – had reconciled myself to going alone – he suddenly roused himself to come*» [317, p. 48];

– наречия: *certainly, surely, carefully, possibly, probably, definitely, clearly* и т.д. «*Surely that must be the same Johnson whom I used to know,*» said Holmes to the porter. «*A lawyer, is he not, grayheaded, and walks with a limp?*»» [304, p. 41];

– глаголы, как самый большой пласт, выражающий модальность в английском языке, представленный следующими глаголами:

а) истинно модальные глаголы: *can, could, may, might, will, shall, would, should, must*: «*Hurry, men!*» he said, in a low voice; «*the moon might come out at any moment*» [315, p. 66];

б) полумодальные глаголы: *dare, need, ought to, used to*; *He needn't have repeated it; once was enough*: *Huck was making thirty or forty miles an hour before the repetition was uttered* [там же, p. 158];

в) глаголы с модальным значением: *have to, be going to, be able to*: «*I'm not trying to tell you,*» he said, «*that only educated and scholarly men are able to contribute something valuable to the world*» [310, p. 67];

г) глагол *to be*, который образует огромное количество модальных выражений: *be to, be able to, be about to, be allowed to, be bound to, be certain to, be due to, be forced to, be going to, be likely to, be meant to, be obliged to, be set to, be supposed to, be sure to* и т.д. «*If I am able to support myself it is largely due to the interest which he took in my unhappy situation*» [304, p. 111];

д) глаголы, которые выражают отношение к высказываемому или к говорящему: *appear, feel, know, reckon, suppose, believe, gather, look, seem, tend, expect, guess, promise, sound, think, allow, demand, forbid, force, involve, let, make, mean, oblige, permit, prohibit, require, want* и т.д. В основном это глаголы, которые выражают процесс перцепции или реакции, то есть восприятие человеком окружающего мира и его ответной реакции. Выступают эти глаголы не как отдельные модальные глаголы, а как обычные глаголы, которые семантически оказались близки к модальным глаголам. «*I wonder if he has ever suffered from any cruel jokes of that kind*» [316, p. 115].

Сюда же можно отнести и глаголы в повелительном наклонении, так как они представляют собой очень сильный эмоционально окрашенный слой языка и поэтому часто употребляются для создания

модальных предложений. Императив, как одно из наклонений, заключается в предложении в основном в одном-единственном глаголе, что и говорит о том, что глаголы в повелительном наклонении могут существовать именно в этом кластере языка. «*Take some whiskey, I said, pouring out a stiff dose*» [317, p. 21].

2. Модальные фразы – фразы, образованные с использованием модальных слов. Сюда можно было бы отнести фразовые глаголы типа *be going to*, но попытаемся перечислить именно полноценно фразовые элементы языка, которые в основном представляют именную группу:

– существительные, то есть фразы-существительные, которые вбирают в себя все структурные компоненты для получения конечного имени существительного. Зачастую в таких фразах заключено модальное значение, что позволяет нам определять их как модальную фразу: *a centuries-old puzzle, the male hyena, an approved training course, my earliest memory, your name, a snob dad, far side, this way, sixteen feet length* и т. д. Такие фразы распространены в английском языке и часто встречаются в художественных произведениях: «*What a shame!*» *he exclaimed, lifting his hands. "I'll knock that old fellow down – I will!"*» [311, p. 72].

– глагольные фразы, которые включают в себя различные проявления глагола, что позволяет добиться точности и модальности в речи или художественном произведении. Сами по себе фразовые глаголы являются сложными элементами, которые состоят из глаголов разных категорий. Чаще всего встречаются сочетания с модальными глаголами. Например, *should be, might have been, could be, may be doing* и т.д. В английском языке также существует большой пласт фразовых глаголов, которые и составляют большую часть языковой системы и очень активно используются носителями языка. Например: *take up, get up, put on, shut up, cry one's eyes out, keep one's hands in, keep one's shirt in* и т.д. Эти глаголы были образованы и продолжают образовываться в самом процессе организации речи [231; с. 246]. «*So screwing up my courage as I went, I kept up with Mouldy*» [319, p. 91]. Сюда же в модальные фразы или фразовые глаголы учёные относят и эпифатические структуры, образованные при помощи вспомогательных глаголов *do, does, did*. Добавляя их перед простыми глаголами, мы получаем усиление высказывания, происходит самовыражение автора [231; с. 250]. «*I never did see the beat of that boy!*» [315, p. 188].

– фразовые прилагательные тоже очень распространенная группа слов в английском языке. Они употребляются в основном для добавления какого-либо оттенка в уже существующие прилагательные, тем самым расширяя словарный запас языка: *more and more difficult, dark brown, lovely pink, extraordinarily ugly, very wide, rather tight, physically impossible, too hot to eat* и др. Таких прилагательных в языке немало, в предложениях они очень чётко показывают такие модальные характеристики, как реальность, ирреальность, объективность, субъективность и т.д. [231; с. 288] *As he was passing by the house where Jeff Thatcher lived, he saw a new girl in the garden – a lovely little blue-eyed creature with yellow hair plaited into two long-tails, white summer frock and embroidered pan-talettes* [315, p. 24].

– фразовые наречия несут практически такую же информативную нагрузку, что и фразовые прилагательные: *not necessarily nationally, physically healthy, more slowly, quite regularly, too close, oddly enough, around forty* и т. д. Фразовые наречия позволяют говорящему добавлять в высказывание свою оценку или свое отношение к происходящему [231; с. 295]. *T is like looking **too close** into the details of Dinah's kitchen;" and St. Clare lay back on the sofa, and busied himself with his paper* [311, p. 158].

К лексическим средствам выражения модальности в английском языке учёные относят вводные фразы и вводные предложения, которые, по нашему мнению, действительно имеют модальную окраску и заслуживают внимания при изучении вопроса модальности разговорной речи или письменного текста. Вводные синтагмы выполняют и другую функцию – они создают паузу, позволяя говорящему собраться с мыслями и продолжить разговор. Но, как мы говорили в начале нашей работы, человек не может высказаться, не показав своих эмоций и переживаний. Данное суждение применимо и для вводных фраз. Ведь каждая вводная синтагма выражает настроение, настрой, решение. Сомнение, сомнение говорящего настраивает слушателя на нужную волну. Вводных синтагм в языке много: *I wonder, in a nutshell, in fact, in my opinion, just for the record, look here, I dare say, deep down, at first, above all, in any event, to sum up* и т. д. Разобрав примеры их употребления в художественных произведениях и в живой речи, мы можем с уверенностью сказать, что они представляют большое количество смыслов и оттенков речи. Конечно, особую роль играет и контекст, и интонация произведения, но смысловая нагрузка самих

конструкций задает начальное значение, которое может или усиливаться, или ослабевать с использованием дополнительных форм выражения модальности:

– приведение примера: *for example, for instance, such as, specifically*: «*Your father, for example, settles in Vermont, in a town where all are, in fact, free and equal; becomes a regular church member and deacon, and in due time joins an Abolition society, and thinks us all little better than heathens*» [312, p. 163];

– следствие: *therefore, hence, thus, as a result, resulting in, so, consequently*: «*Therefore I could not make use of this contrivance, which requires at least a score of drivers*» [309, p. 80];

– противопоставление: *nevertheless, however, but, on the other hand, in contrast, on the contrary, despite, in spite of, still, at the same time*: «*On the contrary, the evidence is that he avoided the moor*» [304, p. 29];

– сходство: *likewise, similarly, just as, equally*: «*Just as true as I live!*» [315, p. 112];

– уступка: *although, even though, of course, granted, while*: «*But, then, Tom was a faithful, valuable servant; and, although Legree hated him the more for that, yet the consideration was still somewhat of a restraint to him*» [311, p. 72];

– дополнение: *in addition, additionally, moreover, also, furthermore*: «*Also learn, that for a higher service, in that he saved his sovereign stripes and shame, taking these upon himself, he is a peer of England, Earl of Kent, and shall have gold and lands meet for the dignity*» [314, p. 109];

– акцентирование: *more importantly, chiefly, indeed, in fact, primarily, no doubt*: «*He is much attached to her, no doubt, and would lead a lonely life without her, but it would seem the height of selfishness if he were to stand in the way of her making so brilliant a marriage*» [304, p. 78];

– повторение: *again, in other words, in effect, that is, in short*: «*In short, he seemed to consider himself an ill-used man, decidedly; but there was no help for it, as the woman had escaped into a state which never will give up a fugitive, - not even at the demand of the whole glorious Union*» [311, p. 95];

– указание времени: *last, at last, eventually, before, after, afterwards, finally, during, then, when, as*: «*At last nature broke down the barriers of etiquette: Tom lifted up an inward prayer for pardon if he was doing wrong, and brought relief to the burdened hearts of his court by scratching his nose himself*» [314, p. 21];

– указание места: *to the right, to the left, in the background, in the distance*: «*A censer was brought to him; and he raised his hand with the action of an automaton, and put the incense into the vessel, looking neither to the right nor to the left*» [316, p. 315];

– заключение: *thus, finally, in the end*: «*Finally they halted before him, holding each other's hands for protection, and took a good satisfying stare with their innocent eyes*» [314, p. 68]

Таким образом, мы можем заключить, что в английском языке довольно много различных фраз с модальным оттенком и они достаточно часто встречаются как в повседневной речи, так и в художественной литературе.

Следующий пласт модальности английского текста мы хотели бы рассмотреть через призму стилистического оформления. Ранее мы называли стилистические средства языка одной из форм выражения модальности, так как считаем, что стилистические приемы всецело направлены на выражение эмотивного фона в тексте, что обуславливает возможность рассмотрения текстовых стилей как модальных отрывков, которые в целом могут быть подвержены более детальному изучению. С точки зрения модальности высказывания мы рассмотрим ряд примеров, направленных на объяснение особой роли стилистики в развитии атмосферы и модальности художественного произведения. В следующем примере мы можем наблюдать употребление такого стилистического приема, как «повторение». В его основе лежит повторение лексических и грамматических конструкций для усиления модальности высказывания. В предложении «*Not a word had been spoken, and not a word was spoken for a long time*» [307, p. 199] происходит усиление реальности высказывания. Говорящий, констатируя факты, подчеркивает то, что уверен в своей правоте. Аналогичное усиление наблюдается нередко: «*He measured the narrowness of their minds by the minds of the thinkers in the books he read*» [там же, p. 275].

Анализ существующей теоретической литературы по темам «Модальность» и «Модальность художественного текста» позволил нам сделать следующие выводы. Первоначальное рассмотрение данной категории находит в работах по философии и логике, отправной точкой для которого послужили умозаключения и видения Аристотеля. Он одним из первых заговорил о модальности высказывания, когда пытался объяснить природу человеческого языка, «истинность» и «ложность» высказывания. Многие его суждения скорее характеризо-

вали математическое отношение к речи и выделяли онтологическую (способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления) и гносеологическую или логическую (способ понимания, суждения об объекте, явлении или событии) модальность.

Дальнейшие учения по категории модальности постепенно переносят понятие в область языкознания и определяют модальность языковой категорией, которая устанавливает отношения между говорящим и высказываемым или высказыванием и действительностью. Данная точка зрения позволяет выявить взаимосвязи различного уровня: *реальность и ирреальность*, которая устанавливает соответствие высказанного к реальности (истина/ложь); *объективность и субъективность* высказывания разграничивает уровень присутствия говорящего в самом высказывании (субъективно окрашенная речь/ субъективно нейтральная речь). Продолжая рассматривать категорию модальности в данном ключе, можно говорить и о вопросительной (илокутивная), побудительной (императивная) и утвердительной (асертивная) модальности, а также рассматривать отдельные элементы каждой из названных форм (например: побудительная модальность может выражать значение чистого императива, значение просьбы, мольбы и т. д.). Данный подход условно называется широким подходом к вопросу модальности. Существует также и узкий подход, который исключает в высказывании человеческий фактор, тем самым оставляя место только истинности или ложности высказывания. Данный подход предполагает только объективное высказывание, тем самым вынося субъективное за пределы области изучения категории модальности. При таком подходе интересным оказывается положение модально окрашенных предложений, которые зачастую составляют основу неакадемической речи. Тем самым исчезает необходимость изучать интонационные показатели речи: темп, тембр голоса, падение и подъем голоса и т. д.

Разность подходов обуславливает неоднозначность и самой категории, которая рассматривается и называется исследователями по-разному. Тем не менее, многие современные учёные все чаще называют модальность функционально-семантической категорией. Предпосылкой этому служит довольно большой объем разрозненных знаний, полагаясь на который нельзя однозначно охарактеризовать модальность ни синтаксической, ни грамматической, ни просто семантической категорией. Актуальным является решение рассматривать

модальность с различных позиций, выявляя содержание грамматического, фонетического, морфологического и семантического внутри микротекстов и уже потом объединяя полученные знания в единую теорию.

Изучив развитие категории модальности с точки зрения ученых разных стран, представляющих разные языки, необходимо отметить, что зарубежная лингвистическая литература рассматривает модальность как явление, развивающееся наряду с самим языком и сопровождающее язык во всем его проявлении. Изучение русскими грамматистами категории модальности английского языка, как известно, больше опирается на выявление модальных глаголов и слов, носящих модальный характер. В русском языкознании функционально-семантической категории модальности уделяется большое внимание, категория рассматривается через все слои языка: грамматику, фонетику, морфологию и семантику.

В татарском языке модальность зачастую рассматривается не как отдельное проявление языка, не как отдельная категория, а как побочный продукт живой речи, который естественен и неоспорим. Важно заметить, что современные лингвисты стремятся структурировать и выделить закономерности проявления категории модальности. Большее отражение модальность в татарской речи находит в интонации и морфологии.

Изучение категории модальности в рамках художественного текста предопределяет сам подход к вопросу исследования языковой категории модальности. Это связано с тем, что художественное произведение в любом своем проявлении является материалом сугубо субъективным и, в зависимости от предполагаемой аудитории, модально окрашенным, наполненным чувствами и переживаниями. Данный факт делает процесс изучения модальности интересным и своеобразным, так как внутри художественного произведения модальность может приобретать совершенно иные структуры и формы, которые в речи могли бы показаться странными и причудливыми.

Глава 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК

2.1. Межъязыковая интеграция в современном мире

Развитие категории модальности в английском, русском и татарском языках показывает, что каждый из языков имеет свой особый слой средств для организации модальности текста, но при этом мы видим схожие элементы, которые представлены во всех упомянутых языках и являются универсальными показателями отношения говорящего к действительности или высказанного к объективной истине. Данное суждение также приводит к тому, что полноценное изучение любой языковой категории непосредственно связано с процессом перехода с одного языка на другой, что иногда можно назвать и переводом, но больше оно может быть описано именно как переход, так как не всегда удастся дословный перевод, зачастую мы прибегаем к описательным методам для полноценной передачи информации. То же происходит и с категорией модальности, которая всецело проявляется только в художественном тексте и не может быть рассмотрена без полного понимания и анализа художественного текста. Получается, что категория модальности – это категория, которая изучается на стыке таких областей, как теория перевода, сопоставительное языкознание, типология и лингвистика, и в рамках художественного текста, что еще более усложняет процесс понимания и освоения. При этом каждая область направлена на решение определенных задач: например, лингвистика рассматривает саму категорию модальности как сложную языковую категорию; теория перевода определяет сам процесс, его цели и задачи, называет эталон переведенного текста; сопоставительное языкознание помогает осуществить неопосредованный перевод между разноструктурными языками.

Весь спектр направлен на рассмотрение категории модальности не как изолированного элемента языка, а в непосредственной среде существования, основываясь на всех особенностях его проявления в художественном тексте. При этом надо понимать, что оригинальное произведение на английском языке связано с его переводом посредством глубокого сравнительно-сопоставительного анализа и языко-

вым чутьем самого переводчика. Под «языковым чутьем» надо понимать неоспоримые знания в области лингвистики, типологии и большой переводческой опыт, которые позволяют переводчику работать художественно, а не производить машинальный перевод текста. Типология при этом помогает выйти за рамки генетического родства и рассматривать совершенно разные языки, какими являются английский и татарский.

С точки зрения лингвистики категория модальности выступает как средство передачи мыслей и побуждений автора, атмосферы оригинального произведения при переводе с английского языка на татарский.

Данный подход объясняется сложностью передачи идеи в разнотипных и генетически неродственных языках, которыми являются английский и татарский языки, при переводе художественного произведения, где достоверность конечного текста напрямую зависит не только от языковых умений, но и от понимания культуры, быта, истории целого народа и духа самого произведения, созданного автором. При этом каждая ветвь лингвистики выполняет свою роль.

В процессе изучения и сопоставления английского и татарского языков непременно надо учесть большую роль русского языка, так как русский язык исполнял роль языка-посредника и изначально англо-американские произведения были переведены на русский язык, а в процессе тесного культурного взаимоотношения проникли в татарскую литературу. Вследствие двойного перевода многие из произведений были несколько отдалены от авторского текста, а некоторые напоминали пересказ оригинального произведения. Например, «Gulliver's travels» Джонатана Свифта, переведённый на татарский язык С. Адгамовой, сильно сокращен и напоминает пересказ, адаптированный для юного читателя, где переводчик превращает довольно сложное произведение английской литературы в доступную для маленького татарского читателя сказку. В переводах мы часто видим несовпадение глав и параграфов, которые вызваны опусканием определенных отрывков. Но данные пропуски были сделаны уже переводчиками на русский язык, так как в художественных произведениях очень часто встречаются отступления авторов или повторения, вызванные определенными обстоятельствами (например: в произведении «The true history of a little Ragamuffin» («Маленький оборвыш») автор очень детально описывает отношения маленького мальчика с

родной матерью и уделяет особое внимание процессу увядания женщины, в переводе данный отрывок сокращен).

Большую проблему для переводчика на татарский язык представляет и тот факт, что татарский язык не относится к тому семейству, откуда происходят известнейшие европейские языки: немецкий, английский, французский, испанский и т. д. Английский язык противопоставляется восточному татарскому языку, который принадлежит к тюркским языкам. По этой причине переводчики на татарский язык делают «двойную работу», переводя с одного языка на другой не только информацию, предложенную писателем, но и культурные особенности, которые характерны для совершенно различных народов. Перевод происходит в той среде, где нет схожести ни в грамматической, ни в лексической структуре. Соответственно, можно говорить о том, что исследование вопроса модальности художественного текста всецело связано с переходом с одного языка на другой.

Таким образом, в иностранной литературе, переведенной на татарский язык, к тому же не напрямую с оригинала, определенный объем информации скрыт от читателя, потеряны связующие культурные элементы. Это не совсем актуально в современном мире, где от народа требуется предельная точность в понимании окружающей действительности и полноценная интеграция в мировое пространство. И было бы неправильно при рассмотрении языковой категории модальности остановиться только на самой лингвистической категории.

Конечно, при работе с переводным материалом возникают определенные проблемы, связанные с человеческим фактором, который непременно присутствует в любой переведенной работе. Под человеческим фактором мы подразумеваем не объективные знания и навыки переводчика, а его морально-психологическое состояние на момент выполнения перевода, которое может сыграть решающую роль при выполнении перевода художественного произведения с одного языка на другой. Эмоциональный фон переводчика может несколько изменить конечный продукт. Например, переживания или состояние подавленности может сильно исказить переводимый материал, так как художественное произведение – это, в частности, передача определенной информации языком литературы. Нужно отметить, что модальные изменения, способные разрушить целостность и достоверность художественного произведения, нежелательны. И основная задача переводчика – уменьшить субъективность конечного переведен-

ного произведения. Как справедливо отмечает русский поэт и переводчик Василий Андреевич Жуковский, «переводчик в прозе – раб, переводчик в стихах – соперник». Изменения при переводе художественного произведения в прозе должны быть сведены к минимуму. Это говорит о том, что к вопросу перевода надо подходить не только как к творчеству, но и опираться на языковые нормы и правила грамматики, чтобы предоставить читателю именно перевод оригинального произведения, а не его пересказ на определенном языке.

Данный подход к вопросу обусловил изучение категории модальности по таким параметрам, как реальная модальность (её проявление в художественном произведении, способы её передачи при переводе с английского языка на татарский); категория ирреальной и повелительной модальности в англо-американских произведениях. При этом необходимо учитывать собственные особенности выражения категории модальности внутри предложенных форм.

Для сопоставительного изучения категории модальности в рамках художественного произведения мы обратимся к тем произведениям, которые имеют полноценные переводы на татарский язык. Тем самым мы изучим формы перехода с одного языка на другой с сохранением реальной модальности произведения. Примеры из англо-американских произведений, переведенных на русский и татарский языки, помогут нам разобраться в способах передачи реальной модальности в рамках художественного текста. При этом мы будем использовать художественные произведения на английском языке, переведенные вначале на русский язык, а затем с русского на татарский такими писателями, как Я. Шамсутдинов (Һарри Морган, Карт белэн диңгез Э. Хэмингуэйа), Ф. Миннуллин (Галәмнәр сугышы, Күренмәс кеше Г. Уэллса, Мартин Иден Д. Лондона), Р. Даутов (Жан кыючылар, Илле мең, Рецепт бирегез, доктор!, Килиманджаро карлары Э. Хэмингуэя; Сонгы могикан Д. Купера), К. Минлебаев (Кигэвен Э. Л. Войнич), К. Янгулов (Бәләкәй сукбай Д. Гринвуда), Г. Губай (Том Сойер мажаралары М. Твена, Том агай алачыгы Г.Б. Стоу), Я. Халитов (Башсыз Жайдак М. Рида), С. Әдһәмова (Гулливёр Лилипутлар илендә Джонатана Свифта; Робинзон Крузо Д. Дефо), Р. Валиев (Баскервильләр эте А. К. Дойла) и др.

Сопоставление произведений позволило нам выявить наиболее характерные методы передачи категории модальности, и, в частности, реальной модальности, с одного языка на другой. Далее мы рассмот-

рим адекватность двойного перевода и возможные непосредованные варианты перевода оригинального англо-американского текста на татарский язык. Небольшое количество переведенной на татарский язык художественной литературы сужает круг наших исследований, но позволяет более глубоко изучить модальные отношения в англо-американских художественных произведениях и их эквиваленты в переводах на татарский язык. Это необходимо для чистоты исследования в том плане, что англо-американские произведения, которые когда-либо были переведены на татарский язык, скорее всего, переведены с русского языка, то есть являются результатом двойного перехода. Отсюда появляются и частые расхождения в передаче модальности текста, дополнительных свойств высказываемой идеи, меняется тон и информативность предложения.

Сопоставление данной категории в рамках художественного текста усложняет работу, но также и делает её интересной для изучения, сближая исследуемый язык с реальным литературным языком. Внутри художественной словоформы мы получаем возможность все-сторонне рассмотреть исследуемую категорию, а именно различные средства выражения категории модальности: просодические, грамматические, лексические и стилистические.

2.2. Средства выражения реальной модальности в англо-американских произведениях и их переводах на татарский язык

Термин «реальная модальность», или реальность высказываемой мысли, относит нас к видению данной категории самим Аристотелем, который говорил о логичности или нелогичности высказываемой идеи. Он видел в высказываниях либо логичность (которую далее учёные назовут «реальность» или «объективность»), либо нелогичность («ирреальность» или «субъективность») [12]. Конечно, такое рассмотрение данной категории неполное и не показывает существующую картину проблемы модальности, но позволяет нам понять суть исследуемой проблемы. Так как мы останавливались на общих вопросах модальности в первой главе данного исследования, мы не будем вдаваться в подробности развития учения о модальности, лишь скажем, что сами термины «реальность» и «ирреальность» были введены в обиход Ш. Балли именно в том понимании, в котором мы вос-

принимаем их сегодня [20; с. 44]. Исследователь татарского и английского языков В.Н. Хисамова в свою очередь тоже придерживается мнения, что временные формы глагола, выраженные в трех наклонениях английского языка, несут в себе модальность: ее реальную и ирреальную формы. При этом она опирается на систему наклонений, предложенную Б. А. Ильишем, и выделяет три наклонения:

- изъявительное;
- повелительное;
- сослагательное, которое включает в себя еще два вида (конъюнктив и кондиционалис) [184; с. 96].

Исходя из этого, следует отметить, что реальная модальность – это констатация, или, другими словами, прямое отражение фактов окружающей действительности. При этом объективная реальность или сама реальность может быть положительной или отрицательной и выражать полную уверенность говорящего в высказываемой мысли. Итак, основная нагрузка выражения реальной модальности в языке ложится на простое предложение, а с грамматической точки зрения – на изъявительное наклонение, которое и выражает фактическую правду в обоих рассматриваемых языках [184; с. 98]. Как уже было установлено ранее, многие ученые склонны отрицать такое видение категории модальности и зачастую утверждают, что изъявительное наклонение лишено всех форм модальности и никак не может выражать отношение к чему-либо. Они считают, что простое утвердительное или отрицательное предложение не что иное, как простое высказывание, которое направлено на предоставление определенной информации в речи и не несет в себе каких-либо дополнительных функций языка. Оно является только информативным элементом языка. Другими словами, такое предложение лишено модальности, или оно амодально [235; с. 320]. И.Б. Карлос подходит к вопросу модальности иначе, рассматривая его во всех возможных позициях, включая его присутствие и во временных формах английского языка. Его видение вопроса разделяют многие ученые, которые говорят о модальности простого предложения в прошедшем, настоящем и будущем времени. Заслуга учёного в том, что он объединяет различные точки зрения на вопрос модальности в Европе и приводит их в определенной последовательности. Используя схемы, ученый показывает отношение реальности и ирреальности в английской речи через призму временных форм.

Таким образом, получается, что главной формой выражения реальной модальности в английском языке является изъявительное наклонение, которое в основном используется для передачи реальной мысли, реального факта или реального действия в рамках трех времен глагола: прошедшего, настоящего и будущего. Разумеется, это противоречит мнениям многих лингвистов, которые не воспринимают изъявительное наклонение как средство выражения модального окраса, и считают, что изъявительное наклонение всего лишь используется для выражения идеи или мысли, или действия, которое имеет, имело или будет иметь место в реальном мире. Объективность такого действия они рассматривают как простую констатацию, в которой не может быть скрытой модальности. Другими словами, придерживаясь первой точки зрения, которая наиболее полно объясняет суть языка с позиции его восприятия и точнее характеризует функции предложения или высказывания в речи, мы можем утверждать, что изъявительное наклонение – основная форма передачи реальной модальности в английском языке. Оно приобретает исключительные права на выражение реальной модальности в английской речи.

При этом надо отметить тот факт, что многие европейские учёные ещё и говорят о различных уровнях и степенях реальности, демонстрируя при этом большое количество схематических изображений для объяснения уровня реальной модальности предложения в изъявительном наклонении. Так, по их мнению, абсолютная реальность встречается в основном в формах Past, Present и Future Indefinite. А все остальные временные формы ещё добавляют в предложение в изъявительном наклонении тот или иной оттенок, тем самым уменьшая его реальность в силу увеличения модальности высказываемой идеи. Прежде чем перейти к примерам из существующей литературы, необходимо отметить, что 16 временным формам английского глагола в татарском языке противопоставлены не менее сложные формы обозначения временного пространства протекающего действия; таких форм насчитывается девять. При этом, изучая особенности временных форм английского и татарского языков в сопоставительном плане, В.Н. Хисамова выделяет аналитические и синтетические формы. Например, к синтетическим формам английского глагола учёный относит только формы настоящего и прошедшего времени, тогда как все остальные формы по своему происхождению относятся к аналитической форме организации. В татарском языке

автор выделяет пять синтетических и четыре аналитические формы [184; с. 15]. Таким образом, если представить материал наглядно, то мы получаем картину, представленную в таблице 1.

Таблица 1

Формы	Временные формы английского глагола	Временные формы глагола в татарском языке
Синтетические	Present Indefinite (studies) Past Indefinite (studied)	Настоящее время (-а, -ә, -ый, -и) Прошедшее категорическое время (-ды, -де) Прошедшее результативное (-ган, -гән) Будущее неопределенное (-ыр, -ер, -р) Будущее категорическое (-ачак, -әчәк, -ячак, -ячәк)
Аналитические	Остальные 14 времен, которые образуют аналитические формы.	Прошедшее незаконченное время (-а иде, -ә иде, -ый иде, -и иде) Преждепрошедшее время (-ган иде, -гән иде) Прошедшее многократное время (-а торган иде) Прошедшее в будущем (-ачак иде)

Важно отметить, что очень сложно рассматривать простое предложение в изъявительном наклонении, так как переводчики часто комбинируют различные средства передачи реальной модальности для достижения адекватного отображения всей необходимой информации. Сначала рассмотрим несколько предложений в прошедшем времени. Прошедшее время в английском языке может быть выражено несколькими формами: Past Indefinite, Progressive, Perfect, Perfect Progressive. Практически любая форма прошедшего времени английского глагола сообщает нам о действии, которое произошло, то есть

завершилось в прошлом. Но тем не менее мы рассмотрим различные временные формы.

Изъявительное наклонение в прошедшем времени обычно используется в начале художественного произведения для передачи первичной информации, создания атмосферы произведения. Такое предложение обычно сообщает обстановку и знакомит читателя с местом, где происходит действие, показывает условия протекания тех или иных событий, сообщает фактическую информацию, полученную в прошлом: «*Arthur sat in the library of the theological seminary at Pisa, looking through a pile of manuscript sermons*» [316, p. 7]. Рассказчик сообщает нам, что некий Артур сидел в библиотеке духовной семинарии и просматривал стопку проповедей. Мы вновь видим описание места и непосредственного действия. Переводчик переводит предложение на русский язык без особых изменений: «*Артур сидел в библиотеке духовной семинарии в Пизе и просматривал стопку рукописных проповедей*» [255, с. 16]. В переводе на татарский язык К. Минлебаева предложение звучит как «*Артур дини семинариянең китапханәсендә язма вәгазьләрне караптырып утыра иде*» [321, 3 б.]

В силу простоты предложения перевод на татарский с русского языка не особо отделился от оригинального текста, так как и в оригинале, и в переводах на татарский и русский языки использованы глаголы прошедшего времени: «*sat*» – «сидел» – «*утыра иде*». Соответственно, мы можем утверждать, что прошедшее время английского глагола, а также реальная модальность, выраженная в Past Indefinite, переводится на татарский соответствующим глаголом с добавлением «*иде*», который указывает на продолжительность действия в татарском языке. В английском предложении на продолжительность указывает причастие «*looking through*». Отличие между оригиналом и переведенным текстом в том, что в первом употреблено простое прошедшее время, а в переводе – продолженное прошедшее время, мотивированное передачей значения деепричастного оборота английского предложения. Часто второстепенные члены английского предложения влияют на значение главного предложения и, в итоге, целого предложения и даже высказывания. Реальность выполняемого действия при переводе с английского языка на татарский передаётся посредством аналитической формы прошедшего незаконченного времени *-а иде*. При этом реальность действия основана на том, что сам автор высказывания является непосредственным очевидцем событий,

которые происходили в прошлом, так как глагол *иде* напрямую указывает на реальность действия.

«*They spent the afternoon drifting about in a little sailing boat*» [316, р. 19). Перевод звучит так: «*Весь день они катались на маленькой парусной лодке*» [255, с. 34]. Основной смысл здесь передается при помощи глагола прошедшего времени «катались», то есть совершали реальное действие, которое длилось весь день. Глагол «spent» в простом прошедшем времени под влиянием фразы, вводимой глаголом «drifting about», приобретает продолжительность. На татарском языке в переводе К. Минлебаева предложение звучит так: «*Көне буе кечерагрәк кенә бер әжилкәнле көймәдә йөрделәр*» [321, 21 б.]. И русский вариант текста, и татарский предлагают нам довольно простой перевод, который в татарском языке обозначается прошедшим категорическим временем. Прошедшее категорическое время татарского глагола и непосредственно аффикс *-де* говорят о том, что автор высказывания непосредственно видел действие.

Последующие примеры подтверждают наше суждение о способах передачи реальной модальности, выраженной временной формой Past Indefinite с английского языка на татарский. «*Katie ushered the visitor in with the cheerful friendliness of a true Devonshire girl*» [316, р. 98]. Н.А. Волжина переводит данное предложение на русский язык так: «*Кэтти встретила гостя с истинным девонширским радушием*» [255, с. 34]. При этом основная идея и манера высказывания также передается глаголом прошедшего времени «встретила». Английское слово «to usher» переводится как «проводить, сопровождать», но для данного контекста автор меняет значение слова. В данном случае из оригинального контекста мы видим, что гость движется по направлению гостиной для того, чтобы дождаться хозяйку, что делает возможным употребить слово «проводить» при переводе на русский язык. «*"Is the mistress in, Katie?" "Yes, sir; she is dressing. If you'll just step into the parlour she will be down in a few minutes." Katie ushered the visitor in with the cheerful friendliness of a true Devonshire girl*» [316, р. 98]. В трансляции на татарский язык переводчик также употребляет простое прошедшее время, выраженное при помощи аффикса *-ды*: «*Кунакны Кэтти Девоншир халкына хас булган ачык йөз белән каршылады*» [321, 86 б.]. Если учесть значение оригинального глагола «usher», то мы могли бы перевести предложение на татарский язык так: «*Девоншир халкына хас булган ачык йөз белән Кэтти*

кунакны залга үтәргә кыстады» (перевод наш). При этом необходимо заметить, что перевод, предложенный переводчиком, ни в чем не проигрывает, но, тем не менее, меняет представляемую читателем картину, что можно назвать небольшим искажением. Можно было бы осуществить и иной перевод предложения: *«Кэтти, миссис Болла өйдәме? – Өйдә, әфәндем, өйдә. Залга уза торыгыз, хәзер киенә дә төшә. Девоншир халкына хас булган ачык йөз белән Кэтти кунакны залга үтәргә кыстады»*. Интересно заметить, что в оригинальном тексте *«"Is the mistress in, Katie?"»* отсутствует упоминание о миссис Болла. В плане передачи информации это может быть и не очень важно, но если мы посмотрим на атмосферу разговора, то можем предположить, что разговор между молодым человеком и Кэтти более дружеский, чем нам его рисуют существующие переводы на русский и татарский языки. На реальность происшедшего действия указывает аффикс *-ды* глагола *«каршылады»*.

Из рассмотренных примеров видно, что изъявительное наклонение прошедшего времени в английском, русском и татарском языках в основном передаётся соответствующими глагольными формами и сообщает реальность действия, которое происходило в прошлом. Таким образом, форма Past Indefinite во всех трёх языках предполагает глагол, который по смыслу передаёт истинное явление или действие, в совершении которого говорящий полностью уверен, так как выступал непосредственным очевидцем событий.

Временная форма Past Progressive также сообщает нам о реальном действии или явлении в прошедшем времени. Но в английской речи она имеет особенность указывать на продолжительность, цикличность или одновременность двух параллельных актов. Данная временная форма в определенном контексте может употребляться и для передачи планируемого или ожидаемого действия в будущем, что выделяет её из других форм прошедшего времени. Соответственно, данная особенность может сильно повлиять на перевод предложений в Past Progressive на русский и татарский языки.

Рассмотрев несколько примеров сохранения значения предложений в Past Progressive при переходе с английского языка на русский и татарский языки, мы сможем дать более детальное объяснение проявлению характеристик грамматической формы в рамках художественного произведения. *«Holmes was sitting with his back to me, and I had given him no sign of my occupation»* [303, p. 3]. В переводе Волжи-

ной на русский язык данное предложение звучит так: «*Холмс сидел спиной ко мне, и я думал, что мои манипуляции остаются для него незамеченными*» [262, с. 7]. Трансформации при переводе небольшие: первая часть предложения не изменена, во второй части субъекты действия, то есть подлежащие, сменили друг друга. Если в английском предложении действия выполняет мистер Ватсон, то на русском языке «манипуляции остаются для него незамеченными», то есть слово «манипуляции», хоть и косвенно, но означает действие. Тем не менее предложение сохраняет первичное модальное значение – реальность. «*Холмс аркасы белән утырганга, минем уйларымнан хэбардар түгелдер дигән идем*» [325, 7 б.].

В данном случае автор сохраняет реальную модальность предложения через использование изъявительного наклонения глагола *утыру*, образованного при помощи аффикса прошедшего результативного времени и дополнительного аффикса *-га*, который в данном случае употребляется для передачи причинных связей в предложении. Было бы выигрышнее перевести английское предложение, используя прошедшее незаконченное и прошедшее категорическое время: «*Холмс миңа аркасы белән утыра иде, һәм мин аңа ни эшләгәнемне һич кенә дә күрсәтмәдем*». Но переводчик на татарский язык, по всей видимости, не прибегал к оригиналу текста, а перевел с русского языка. Этим объясняется и ряд других несоответствий: в татарском предложении действующим лицом выступает только Холмс, хотя в оригинале мы видим, что во второй части предложения Ватсон выполняет действие; и речь идет не о мыслях Ватсона, как выразился переводчик, а непосредственно о предмете (в данном случае о трости), который Холмс не мог видеть. Тем не менее предложение переведено довольно доступно и выражает реальное действие в прошлом.

Другой пример из того же произведения показывает, что временная форма Past Progressive в изъявительном наклонении обозначает реальную модальность и может переводиться на русский язык как простое прошедшее время, описывающее факт или достоверность действия в прошлом: «*I had descended from my gig and was standing in front of him, when I saw his eyes fix themselves over my shoulder and stare past me with an expression of the most dreadful horror*» [303, p. 18]. «*Я вылез из шарабана и, подойдя к нему, вдруг заметил, что он смотрит куда-то через мое плечо с выражением*

предельного ужаса в глазах» [262, с. 22]. При переводе на русский язык переводчик немного меняет первичное расположение временных конструкций: в английском предложении действие продолжительно у автора высказывания, а в русской версии продолжительным является действие смотрящего вдаль человека. Это происходит потому, что в английском языке автору нет необходимости использовать полные временные формы для обозначения продолжительности каждого действия. А.К. Дойль прибегает к формам инфинитива без частицы *to* и связывает их с предложением, являющимся, по своей сути, продолженным. Таким образом, инфинитивы «*fix*» и «*stare*» обозначают продолженное действие в прошлом. Перевод на татарский язык передает основное значение оригинального предложения: «*Аттан төшеп янына килсәм, гаҗәпләнеп калдым: ул, миңа игътибар да итмиңә, әллә кая еракка, сазлыкка төбәлгән. Күзләре куркынып, шомланып карыйлар*» [325, 22 б.]. При этом автор пренебрег временными отношениями, что привело к появлению небольших модальных изменений, которые не затронули оригинальное содержание, но изменили атмосферу произведения. Например, в татарском предложении появилось сослагательное наклонение с аффиксом *-сә*, которого изначально в предложении не было, но данная форма в татарском языке может обозначать и простое действие в изъявительном наклонении и является допустимой для выражения реальной модальности. В татарском языке можно встретить предложения типа «*Килсәм, ни күрим, барысы да йокымсырап яталар*», где выделенный глагол по своей форме в сослагательном наклонении может переводиться как простое прошедшее время «*When I came I saw that everyone was sleeping*». Более близкий к оригиналу перевод мог бы звучать так: «*Мин тарантасымнан төшеп, аның алдында басып торганда, аның минем аша каравын һәм куркыну тулы күзләренең каядыр еракка төбәлгәнлеген абайлап алдым*». Реальность высказывания автор сохранил посредством использования настоящего времени (*карийлар*) во второй части фразы (разбив при этом одно предложение на два более простых), прошедшего категорического (*калдым*) и результативного времени (*төбәлгән*) – в первой его части.

Формы Past Perfect и Past Perfect Progressive в английском языке, как правило, употребляются при указании на реальное действие, которое закончилось к определенному моменту в прошлом или же име-

ет результат и продолжает выполняться (в случае с Past Perfect Progressive). Эти довольно сложные временные формы создают небольшую проблему при переводе на русский и татарский языки, так как ни один из языков не имеет такой разветвлённой формы представления протекающего действия, как английский язык. При этом, ради справедливости, заметим, что временная форма Past Perfect Progressive встречается в художественных произведениях очень редко. Рассмотрим несколько примеров: «*He had picked it up, and now stood looking at her with wide eyes as blue and innocent as forget-me-nots in a brook*» [316, p. 111]. В предложении представлена форма Past Perfect в изъявительном наклонении. На русский язык предложение переводится: «*Риварес поднял мантилью, выпрямившись, посмотрел на Джемму глазами невинными и синими, как незабудки у ручья*» [255, с. 34]. Здесь разница между оригиналом и переводом очевидна: изменены форма и содержание предложения и добавлены имена собственные «Риварес» и «Джемма», которые отсутствуют в оригинальном произведении. В силу отличия во временных формах есть небольшая потеря информации: в оригинале «*Риварес поднял мантилью уже некоторое время назад и, держа ее в руках, смотрит на Джемму*», а в переводе глаголы «поднимать», «выпрямиться» и «посмотреть» имеют последовательный характер. Это несколько меняет смысл, который вкладывал автор произведения. В оригинальном произведении мы видим, как Джемма со словами благодарности сама забирает у Ривареса мантилью, а не он ее отдает. Как пример можно привести и слова Джеммы: «*I think I will go in now. Is that my scarf? Thank you*». К этому приводит использованное в оригинальном предложении время Past Perfect, которое мы знаем как «предпрошедшее».

Предложение еще более видоизменяется при переводе на татарский язык: «*Риварес Джемманың мантильясын иелеп алды да, шуны биргән чагында аңа чишимә буенда үсеп утырган күк чәчәктәй самими күзләре белән өздереп карап алды*» [321, 86 б.]. Здесь переводчик использует оборот речи «шуны биргән чагында», чтобы связать части предложения, получается, что Риварес сам отдаёт мантилью и при передаче бросает взгляд (именно так переводится фраза «өздереп карап алды») на Джемму. Но автор оригинального произведения хочет показать беспомощность молодого человека, который поднял мантилью и, забыв вернуть ее хозяйке, стоит как вкопанный, любуясь красотой девушки. Соответственно, перевод на татарский язык мог

бы звучать так: «*Миңа хәзер китаргә кирәктер. Бу минем мантильяммы? Раһмәт сезгә. Ул аны күптәннән күтәрәп алып, шуны тоткан хәлдә күзен ала алмый чишмә буенда үсеп утырган күк чәчәктәй самими күзләре белән Джеммага текәлгән иде*» (перевод наш). При этом не надо менять все предложение, но части, влияющие на целостное значение, могут быть заменены более подходящими вариантами. Реальность предложения в татарском переводе мог передать деепричастный оборот (*күтәрәп алып*) вместо прошедшего категорического времени (*алды да*), и преждепрошедшее время (*текәлгән иде*) вместо прошедшего категорического времени (*карап алды*).

Примеры употребления простого прошедшего времени довольно часты. Далее мы приведем свой вариант перевода англо-американского произведения на татарский язык. В произведении Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (оригинальное название «*Catcher in the rye*») есть следующее предложение: «*There were never many girls at all at the football games*» [310, p. 2]. Автор сообщает нам, что на футбольных матчах никогда не было много девочек, то есть предоставляет нам фактическую информацию. Для передачи простоты и фактичности предложения переводчик также прибегает к простому предложению в прошедшем времени: «*На футбольных матчах всегда мало девчонок*» [276, с. 3]. При сравнении перевода с оригиналом мы видим, что изъявительное наклонение английского языка, выраженное через конструкцию *There is, there are* в прошедшем времени, переведено на русский язык безличным предложением. При этом утерян перевод фразы «*never many girls at all*», который при исследовании модальности переводимого предложения немаловажен. Оно и понятно – при калькировании на русский язык мы бы получили примерно «*никогда много девушек совсем*», что не соответствует языковым нормам. Во избежание этого переводчик на русский язык опускает слово «*at all*». Соответственно, у переводчика на татарский язык, при переводе с русского языка, не будет возможности сохранить данную конструкцию. Хотя на татарский язык фраза могла бы переводиться как «*Футбол матчларында беркайчан да кызлар артык күп булганы юк иде инде ул*» (перевод наш). При этом фраза полностью сохраняет колорит и атмосферу оригинального произведения, и остается понятной простому читателю. Конечно, для более формального языка недопустимо употребление фразового ряда «*булганы юк иде инде ул*». Но для сохранения колорита самого произведения и ре-

чи главного героя было бы целесообразно его использовать при переводе на татарский язык.

Сохранение категории реальной модальности в процессе перехода с английского языка на татарский в рамках прошедшего времени часто основано на простом переходе с одного языка на другой, где временные формы, относящиеся к прошедшему времени и выраженные в разных контекстах, часто передаются на татарском языке посредством использования прошедшего категорического, прошедшего незаконченного, прошедшего результативного и, реже, настоящего времени (таблица 2).

Таблица 2

Английское предложение	Татарское предложение
Past Indefinite	Переводится на татарский язык временными формами: 1) прошедшим категорическим (-ды, -де); 2) прошедшим незаконченным (-а иде, -ә иде, -ый иде, -и иде);
Past Continuous	Переводится на татарский язык временными формами: 1) прошедшим категорическим (-ды, -де); 2) прошедшим незаконченным (-а иде, -ә иде, -ый иде, -и иде); 3) настоящим временем (-а, -ә, -ый, -и); 4) прошедшим результативным (-ган, -гән);
Past Perfect Past Perfect Continuous	Переводится на татарский язык временными формами: 1) прошедшим категорическим (-ды, -де); 2) преждепрошедшим временем (-ган иде, -гән иде);

Ради справедливости заметим, что все формы прошедшего времени английского глагола могут переводиться на татарский язык в рамках художественного произведения не только теми формами, которые были названы, но и абсолютно любыми формами татарского глагола. Нахождение эквивалентов при этом часто зависит от конкретного переводчика и от сюжетной линии художественного произ-

ведения. В примерах мы также видели перевод с использованием сослагательного наклонения в значении простого сообщения, которое описывает реальное действие в прошлом. Имеются примеры передачи прошедшего времени через использование причастных и деепричастных оборотов, которые в татарском языке довольно распространены. Таким образом, переводчик вправе использовать любые средства для сохранения и передачи ряда действий.

Настоящее время в английском языке также представлено несколькими формами, которые выражают те или иные оттенки реальности в речи, что делает необходимым отдельно остановиться и на конструктивных, и на смысловых особенностях таких временных рамок, как Present Indefinite, Progressive, Perfect и Perfect Progressive. Опираясь на знание грамматики английского языка, мы можем сказать, что формы Present Indefinite и Present Progressive могут указывать как на действие в настоящем, так и на действие в будущем времени. Это создаёт небольшие трудности при переводе элементов художественного произведения, где присутствуют названные формы. В то же время формы Perfect и Perfect Progressive обозначают результативные действия, произошедшие к моменту речи (Present Perfect) или происходящие с определёнными результатами к моменту речи (Present Perfect Progressive), которые, скорее всего, будут переведены как формы прошедшего времени.

В целом, в рамках художественного произведения формы настоящего времени также указывают на реальное действие, которое протекает в настоящее время или будет происходить в будущем (Present Indefinite и Present Progressive). Приведём несколько примеров.

Рассмотрим предложение с глаголом *to be* в настоящем времени. Данный глагол по своему основному смыслу обозначает действие или явление, указывая, таким образом, на реальность. Поэтому глагол может быть переведён даже не прямым текстом, а соответствующим по значению глаголом или просто словом, которое часто является сказуемым в предложении. Например: «*It is real. It is true. And I must write life as I see it*» [307, p. 130]. «*Это жизнь, – горячо ответил Мартин. – Это правда. Это настоящее. А я должен писать жизнь такой, какой я ее вижу*» [266, с. 115]. «– *Бу – тормыш! – диде Мартин. – Бу – чынлык. Бу – хакыйкатъ. Мин тормышны ничек күрсәм, шулай сурәтләргә тиешимен*» [328, 269 б.]. В данном примере мы видим, что английский глагол «*to be*» при переводе на татарский

язык часто не обозначается каким-либо символом, а вплетается в само предложение. В конкретном случае оно передается посредством знака препинания «тире».

Смысловый глагол в Present Indefinite в английском языке практически всегда указывает на простое реальное и регулярное действие, кроме случаев с проекцией на будущее, когда временная форма употребляется для выражения отношения в будущем времени. «*I remember when I was at Lilliput, the complexion of those diminutive people appeared to me the fairest in the world...*» [312, p. 83]. «Помню, во время моего пребывания в Лилипутии мне казалось, что нет в мире людей с таким прекрасным цветом лица, каким природа одарила эти крошечные создания» [274, с. 251]. В данном примере глагол «remember» употреблен в настоящем времени и говорит о наличии воспоминаний у героя произведения, и на русский язык переведен прямым текстом «помню», посредством глагола, который также указывает на действие в настоящем. Присутствие реальной модальности здесь также очевидно. В переводе на татарский язык предложение могло бы звучать так: «Әле дә хәтерлим, Лилипутияда булганда миңа гел җир йөзәндә бу гәҗдәеп бәләкәчләрдән дә матуррак йөзлә кешеләр башка беркайда да юктыр сыман тоела иде» (перевод наш).

Как мы видим в следующем примере, форма Present Indefinite, пусть и не часто, но употребляется для обозначения будущего времени. Это происходит, когда речь идёт о расписании, то есть заранее запланированном действии, в условных предложениях первого типа, или когда нет необходимости в использовании специальной временной формы для обозначения простого действия в будущем: «*But his wife shook her head. "It will not be necessary. Ruth says he is going to sea in a few days. When he comes back, she will not be here"*» [307, p. 189]. В данном примере глагол «comes» в Present Indefinite, так как используется в рамках сослагательного наклонения первого типа. Поэтому на русский язык соответственно может быть переведен в будущем времени «вернется»: «Но супруга покачала головой. В этом нет необходимости. Руфь сказала, что он через несколько дней уходит в плавание. А когда вернется, ее здесь не будет» [266, с. 136]. В переводе на татарский язык можно наблюдать более интересную картину: для обозначения действия в будущем переводчик употребляет обстоятельство времени, которое образовано использованием аффикса прошедшего результативного времени -ган, -гән, -кан, -кән: «Тик ха-

тыны баш чайкады. – моның кирәге юк: берничә көннән ул диңгезгә чыгып китә. Ә ул **кайтканда** Руфь монда булмаячак» [328, 153 б.].

Английская временная форма Present Continuous указывает на действие в момент речи и показывает однозначность действия, тем самым выражая реальную модальность. В следующем примере значение усиливается и вопросительной формой с прямым порядком слов в предложении: такой подход к построению предложения часто используется для усиления и относится к так называемым «echo questions» английского языка. Данное вопросительное предложение использовано в форме Present Perfect, но в отрицательном значении. И если форма Present Perfect указывает на завершённость и результативность действия, то здесь мы видим противоположный эффект. *«You've gone to the university? he demanded in frank amazement. He felt that she had become remoter from him by at least a million miles. – I'm going there now. I'm taking special courses in English»* [307, p. 30]. «– В университете учились? – откровенно изумился он. Теперь она стала еще недостижимей, ее отнесло, по крайней мере, еще на миллион миль. – И сейчас учусь. Слушаю специальный курс английской филологии» [266, с. 15]. На русский язык форма Present Perfect переведена как прошедшее время «учились», а форма Present Progressive передана лексически при помощи слова «сейчас», которое в русском языке используется, когда речь идет о действии в момент речи. А сам глагол употреблён в настоящем времени «слушаю». *«Университетта укыдыгыз? – дип кабатлап сорады егет, ачыктан-ачык гажәрләнен. Гәм шул мизгелдә үк үзләре арасында миллион миль ераклыгында ара хасил булуын тойды. – Мин хәзер дә укыйм. Инглиз филологиясе буенча махсус курслар тыңлыйм»* [328, 14 б.].

Анализируя перевод данного предложения, можно сказать, что в силу отсутствия в татарском языке перфектных форм оригинальное предложение в перфектной форме передаётся переводчиком как прошедшее категорическое время с аффиксом *-ды*. При этом мы видим полное совпадение в переводе и второй части предложения, который дается в оригинале формой Past Indefinite. Форма Present Continuous в предложении сохраняется через использование слова «хәзер» и простого глагола в настоящем времени (*-ый*). Так как настоящее время в татарском языке имеет только одну форму, то на продолжительность действия в момент речи и указывают только лексические элементы. Таким образом, автору удаётся сохранить как

значение, так и модальный оттенок высказывания – реальность. При этом фраза приобретает специфический характер, когда говорящий выражает и небольшую долю обиды. За это в английском предложении отвечает слово «now», которое необязательно в предложении в Present Continuous, но использовано для усиления реальности действия. Эту нагрузку в татарском эквиваленте несет частица *да* (*хазер да*).

Также Present Continuous может употребляться и для описания намерений и действий, которые непременно произойдут в будущем. Например, в рамках предложения «*What are you quitting for?*» *Martin demanded* [307, p. 180] на русский язык временная форма может быть переведена формой настоящего времени: «*А ты-то с чего уходишь? – спросил Мартин*» [266, с. 136]. Но и в данном случае это указывает на реальное действие, которое происходит в момент речи или запланировано на будущее. «*Сиңа ниғә китәргә? – диде Мартин*» [328, 144 б.]. Перевод на татарский язык осуществляется через использование будущего неопределенного времени и передается через *-ар, -әр*. В английском языке форма Present Continuous употребляется, когда действие запланировано и мы знаем, что оно скорее произойдет. А форма будущего неопределенного времени в татарском языке универсальна, так как может указывать как на ирреальность действия, так и на реальность или даже неизбежность совершения какого-либо акта в будущем. В данном случае действие возможно передать и формой настоящего времени татарского глагола: «*Ә син ниғә китәсең? – диде Мартин*». Но тем не менее и настоящее время, эквивалентное английскому Present Continuous, будет рассматриваться как запланированное в будущем действие.

Особая форма английского глагола Present Perfect Continuous также обозначает реальное действие, но употребляется в тех случаях, когда есть необходимость сослаться на долготу и одновременную результативность действия. В русском языке данное значение передается формой глагола в несовершенном виде. «*You see, this vacation I have taken has given me perspective. I haven't been working the life out of my body, and I haven't been writing, at least not for publication. All I've done has been to love you and to think. I've read some, too, but it has been part of my thinking, and I have read principally magazines. I have generalized about myself, and the world, my place in it, and my chance to win to a place that will be fit for you*» [307, p. 207]. «*Понимаешь, за ка-*

никулы, которые я себе устроил, мне многое стало ясно. Я не надрылся до бесчувствия на тяжелой работе и не писал – во всяком случае, для печати. Была только любовь к тебе, да еще я много думал. И кое-что прочел, но это тоже значило думать, читал я главным образом журналы. Я размышлял о себе, о мире, о своем месте в мире, о своих возможностях, о том, сумею ли завоевать положение, достойное тебя» [266, с. 160].

В татарском предложении для сохранения долготы и результативности английской временной формы автор перевода прибегает к дополнительным лексическим единицам. При этом сам смысловой глагол используется в прошедшем категорическом времени: «Соңгы айларда уйлау өчен вакыт күп булды. Мин йөк аты кебек эшләмәдем. Бөтенләй язмадым диярлек. Язсам да, матбугат өчен түгел. Бөтен вакытымны сезгә булган мәхәббәтемә һәм төрле нәрсәләр турында уйлануларга багышладым. Дөрөс, берәз укыдым, тик ул турыдан-туры шул ук уйланулар белән бәйләү иде – нигездә журналлар укыдым. Үзем турында, дөнья турында, үземнең хәлем турында уйландым һәм сезгә нәрсә тәкъдим итә алам – шул хакта уйладым» [328, 170 б.]. Словосочетание «соңгы айларда», употребленное во множественном числе, служит для обозначения группы событий, цикла действий. Форма Present Perfect, представленная в примере, на татарском языке также передается прошедшим категорическим временем (табл. 3).

Таблица 3

Английское предложение	Татарское предложение
Present Indefinite	<p>1) В случае перевода предложения с глаголом <i>to be</i> данный глагол в татарском языке передается через <i>уточняющее предложение</i> (предложение типа «Я – студент»), а сам глагол <i>to be</i> не переводится или обозначается посредством тире</p> <p>2) Смысловые глаголы или предложения со смысловыми глаголами переводятся на татарский язык в настоящем времени</p>

Английское предложение	Татарское предложение
Present Continuous	1) Передается через форму настоящего времени (-а, -ә, -ый, -и), если по оригинальному смыслу указывает на настоящее или будущее время 2) Передается через форму будущего неопределенного времени (-ыр, -ер, -ар, -әр, -р)
Present Perfect Present Perfect Continuous	1) Передается через форму прошедшего категорического времени (-ды, -де)

Передача настоящего времени в художественных произведениях часто происходит посредством настоящего времени татарского глагола, а также формами прошедшего категорического времени и будущего неопределенного времени, которые также обозначают реальное действие в настоящем.

Будущее время, передаваемое посредством Future Indefinite, Continuous, Perfect и Perfect Continuous, также требует отдельного внимания. Оно направлено на выражение ожидаемой реальности и часто указывает на непереносимость будущего действия. Это говорит о том, что в формах будущего времени содержатся объективные факты. Соответственно, реальная модальность может быть выражена и с использованием временных форм глагола будущего времени.

Future Indefinite обычно определяет простое действие в будущем времени, которое произойдет или должно произойти в будущем, и находит более широкое употребление, чем все остальные формы, применяемые для обозначения ожидаемых действий. Например: «*I will come, with pleasure,*» said I. «*I do not know how I could employ my time better*» [304, p. 47]. «Я с удовольствием поеду в Баскервиль-холл, – ответил я, – и не пожалею потраченного времени» [262, с. 50]. «Бик рэхәтләнеп барырга ризамын, - дидем мин. – Һәм анда вакытны бушка уздырмамын дип уйлыйм» [325, 52 б.]. Первая часть предложения переведена с помощью будущего неопределенного (*барырга*) и настоящего (*ризамын*) времени татарского глагола. При этом по своему значению глагол «*риза*» носит характер готовности к выполнению действия, чем еще более усиливает модальность выска-

звания. К глаголам добавлены также дополнительные аффиксы *-га* и *-мын*, которые указывают на отношение говорящего к высказыванию.

Реальное действие в будущем, которое протекает в определенный момент или отрезок времени, на английском языке часто представлено формой Future Continuous. Следующее предложение «*I must go, Padre; the students will be waiting for me*» [316, p. 31] имеет эквивалент и в русском языке. «*Мне пора. Студенты будут ждать меня*» [255, с. 44]. В переводе этого предложения на татарский язык мы видим довольно интересную картину – объединение двух будущего и настоящего времени в одной форме для передачи значения будущего времени: «*Китим инде. Студентлар көтә булыр*» [322, 25 б.]. Форма «*көтә булыр*» сочетает в себе глагол настоящего времени «*көтә*» с аффиксом *-ә* и дополнительным глаголом «*быть*» – «*булу*», который указывает на долготу происходящего действия и употребляется в форме будущего неопределенного времени.

На завершённость действия указывает временная форма Future Perfect. Данная форма выражения мыслей также говорит о присутствии результата и напрямую зависит от самого действия. Таким образом, в английском языке будущее завершённое время также употребляется, когда речь идёт о реальности действия в будущем и очень часто о времени его окончания. Например: «*I assure you, Sir Henry, that in a very few days the necessary arrangements will have been made and he will be on his way to South America*» [304, p. 102]. В этом предложении автор указывает на реальность предстоящего процесса, а также убеждает в этом своего слушателя, употребляя на языке оригинала оборот «*I assure you*», что можно перевести как «*Поверьте мне*» или «*Я вас уверяю*». «*Поверьте мне, сэр Генри, через несколько дней все будет улажено и он уедет в Южную Америку*» [262, с. 102]. В татарском языке нет прямых соответствий формам Future Perfect и Future Perfect Progressive, поэтому на долготу и завершённость действия часто указывают лексические средства, которые автор употребляет в процессе перевода. «*Ышаныгыз миңа, сэр Генри, тиздән барысы да көйләнер, берничә көннән Көнъяк Америкага китәчәк ул*» [325, 105 б.]. Переводчики также обращаются к форме будущего неопределенного времени для того, чтобы показать реальность будущего действия, хотя данная форма может в зависимости от контекста указывать и на ирреальное действие. На это в своей монографии указывает и В.Н. Хисамова [184; с. 100].

Форма Future Perfect Continuous практически не встречается в художественных произведениях, и на её место приходят такие формы, как Future Perfect или же Future Indefinite (табл. 4).

Таблица 4

Английское предложение	Татарское предложение
Future Indefinite	<p>1) Передается в татарском языке в основном через будущее неопределенное время (-ыр, -ер, -ар, -эр, -р). При этом может прибавлять и дополнительные аффиксы, которые будут указывать на реальность высказывания и на отношение говорящего к высказыванию</p> <p>2) В ряде случаев обозначается глаголом настоящего времени (на -а, -ә, -ый, -и) и добавляет к себе аффиксы, указывающие на лицо и число</p>
Future Continuous	<p>1) Передается через форму настоящего времени (на -а, -ә, -ый, -и) и дополнительного глагола «булу» в будущем неопределенном времени, который указывает на протяженность действия в будущем</p>
Future Perfect Future Perfect Continuous	<p>1) В силу отсутствия прямого эквивалента передается через форму будущего неопределенного времени и дополняется разными лексическими элементами, указывающими на завершенность или результативность действия в будущем</p>

Исходя из примеров, можно увидеть, что временные формы, выраженные в изъявительном наклонении, указывают на реальное действие и в зависимости от контекста могут быть представлены всеми временными формами татарского глагола. Английский язык обладает широким спектром временных форм, поэтому и форм выражения реальной модальности большое количество. Известно, что в каждой из категорий времён есть несколько форм выражения временных отношений, которые представлены различными маркерами в предложении. Из этого следует, что формы Indefinite указывают на циклич-

ность; формы Perfect на завершенность или результативность действия; Continuous говорит о продолжительности и Perfect Continuous указывает на продолжительность и результативность одновременно. При этом модальные отношения высказывания обогащаются интонационно, то есть в живой речи автора они приобретают характер полноценно оформленного высказывания.

Говоря о реальной модальности предложения или высказывания, необходимо учитывать тот факт, что очень часто эффект модальности предложения достигается в художественных произведениях за счет комбинирования лексических средств языка с изъяснительным наклоном. Это дает наиболее чёткую характеристику предложения и ярче показывает цель говорящего – выражение реального отношения в речи.

Лексический пласт со словами с модальным значением в английском языке огромен. Мы их подробно рассматривали в первой главе нашего исследования. Сюда мы относим и имена существительные (*possibility, unwillingness*), прилагательные (*clear, obvious*), наречия (*surely, carefully*) и непосредственно модальные глаголы, которые в свою очередь делятся на истинно модальные глаголы (*can, could*), полумодальные глаголы (*dare, need*), глаголы с модальным значением (*have to, be going to, be able to*), глагол *to be*, который образует огромное количество модальных выражений: *be to, be able to, be about to, be allowed to, be bound to, be certain to, be due to, be forced to*, глаголы, которые выражают отношение к высказываемому или к говорящему (*appear, feel, know*) и др. К лексическим средствам передачи модальности мы также относили и вводные фразы (*I wonder, in a nutshell, in fact*), которые готовят читателя к восприятию той или иной информации и таким образом выражают модальные отношения в предложении. При этом вводные фразы имеют различные оттенки, которые они передают и предложениям, перед которыми расположены (приведение примера, следствие, противопоставление, сходство, уступка и др.).

Далее рассмотрим примеры использования лексических единиц в художественных произведениях для выражения реальности высказывания. Реальную модальность в английском языке могут выражать:

– имена существительные: *inevitability, indispensability, confidence* и другие. «*We must have someone here whom we can trust, in case of any special difficulty; and of all the set here Martini is the man in whom*

I have most confidence» [316, p. 231]. При этом существительное вливается в структуру самого предложения и на первый взгляд не несет никакой модальной нагрузки. Но модальное значение, указывающее на реальность действия, проявляется во время перехода с одного языка на другой. «Нам нужно иметь здесь человека на случай каких-нибудь непредвиденных затруднений. А из всей здешней компании я больше всего доверяю Мартини» [255, с. 44]. «Без кәтмәгән андыймондый хәл килеп чыкса дип, биредә бер ышанычлы кешене калдырырга кирәк. Мондагы халык арасында Мартинига мин ныграк ышанам» [321, 209 б.];

– прилагательные: *clear, obvious, indispensable, sure, certain* и др. «Whoever you are – whence you have come – whither you are going – what you may be – Henceforth there is a fate between us! I feel it – I know it – sure as there's a sky above!» [309, p. 17]. «Кто бы ты ни был, откуда бы ты ни пришел, куда бы ни лежал твой путь и кем бы ты ни стал, с этих пор у нас одна судьба! Я чувствую это – я знаю это также ясно, как вижу небо над собой!» [273, с. 22]. «Син кем генә булсаң да, каян гына килсәң дә, юлың кай якка китсә дә, киләчәктә нинди кеше булсаң да, бүгеннән башлап безнең язмышларыбыз уртақ! Минем моны күңелем сизә – мин аны баш очындагы күк йөзен күргән кебек ап-ачык күрәм!» [332, 26 б.];

– наречия: *surely, carefully, undoubtedly, unquestionably* «They say, said he, that there's another of those blessed things fallen there – number two. But one's enough, surely» [317, p. 14]. «Говорят, там упала другая такая же штука, номер второй. Право, с нас довольно и первой, страховым обществам это обойдется не дешево, – сказал он и добродушно засмеялся» [280, с. 14]. «Анда нәкъ шундый ук икенче зәхмәт, икенче номерлысы төшкән дип сөйләләр. Дөрөс, безгә берсе дә бик җиткән иде, страхование җәмгыятьләренә бу арзанга төшмичәк, - диде ул һәм рәхәтләнеп көлөп куйды» [342, 32 б.];

– модальные глаголы: *can, cannot (can't), will, shall, must*. «We must go to the British Museum and pick all those books through. Especially we must keep up our science – learn more. We must watch these Martians. Some of us must go as spies» [317, p. 67]. «Нам нужно будет обратиться в Британский музей и захватить все такие книги. Мы не должны забывать нашей науки: мы должны учиться как можно больше. Мы должны наблюдать за марсианами. Некоторые из нас должны стать шпионами» [280, с. 371]. «Британ музеена үтөп

кереп, безгә шундагы барлык китапларны эләктереп калырга кирәк. Без фәнебезне онытырга тиеш түгел: безгә мөмкин хәтле күбрәк укырга кирәк. Безгә марсианнар артыннан күзәтү оештырырга кирәк. Кайберләребез шпионга әйләнергә тиеш» [342, 139 б.]. «*I must confess the sight of all this armament, all this preparation, greatly excited me*» [317, p. 15]. «Должен сознаться, что эти военные приготовления сильно взволновали меня» [280, с. 273]. «Дөрөсен әйткәндә, сугышка хәзерлек эшләре мине бик нык дулкынландыра иде» [342, 34 б.];

– глаголы с модальным значением и различные выражения: *have to, be going to, used to, have to (had to)*: *They just used to skedaddle off to work – I've seen hundreds of 'em, bit of breakfast in hand, running wild and shining to catch their little season-ticket train, for fear they'd get dismissed if they didn't* [317, p. 65]. «Они вечно торопятся на работу, – я видел их тысячи, с завтраком в кармане, они бегут как сумасшедшие, думая только о том, как бы попасть на поезд, в страхе, что их уволят, если они опоздают» [280, с. 369]. «Аларны меңәрләп күргәнем бар, алар гел эшкә ашыгалар, кесәләренә иртәнге әбәтләрен тыгып алалар да тилеләр кебек чабышалар, эштән куарлар дип курыкканга күрә, барысы да поездга эләгү хакында гына уйлыйлар» [342, 137 б.];

– глаголы, которые по своему значению выражают реальность происходящего действия: *be to, be able to, be certain to, be meant to, be set to, be sure to* и *appear, know, tend* и др.: «*All I want to do is to help you – just tell me what I got to do. (Lord!) Whatever you want done, that I'm most willing to do*» [320, p. 63]. «С радостью вам помогу. Скажите только, что я должен делать. (Господи!) Все, что пожелаете, я сделаю с величайшим удовольствием». [28, с. 369]. «Мин сезгә рәхәтләнеп булышам. Тик мин нишләргә тиеш, шуны гына әйтегез. (Ярабди!) Сез кушкан һәр эшнә шатланып үтим» [341, 51 б.].

Выражение реальной модальности в художественных произведениях часто опирается на изъявительное наклонение, выраженное различными временными формами английского глагола. Также необходимо отметить, что объективная реальность речи или высказывания часто достигается и за счет использования специальных слов, которые имеют модальную окраску или являются модальными глаголами. Это говорит о том, что реальная модальность может быть выражена и лексически, то есть посредством определенных лексических единиц. Говорящий сам решает, как ему передавать своё отношение к высказыванию – посредством изъявительного наклонения или же со-

четанием изъявительного наклонения и определённых лексических элементов, которые часто усиливают эффект самого высказывания (Приложение А). Такие элементы присутствуют и в русском, и в татарском языках, что говорит о том, что переход между языками с использованием изъявительного наклонения и специальных модальных единиц позволяет переводчику художественного произведения представить читателю более качественный перевод, сохранив при этом колорит и атмосферу оригинального произведения.

2.3. Проявление ирреальной модальности в англо-американских произведениях и их переводах на татарский язык

Изучая проявление модальности в рамках художественного текста, мы вплотную затрагиваем следующую особенность высказываний с модальным оттенком – ирреальность. Ирреальная модальность указывает на вероятность, нереальность или же невозможность, а также на выявление определенных условий конкретного действия. Обычно мы говорим об ирреальности высказывания, когда хотим подчеркнуть неопределенное отношение к чему-либо. Так характеризуют категорию модальности многие из учёных, занимающихся вопросами лингвистики и сравнительно-сопоставительным языкознанием [20, 36, 37, 39, 53, 70, 102, 103, 207]. Ирреальная модальность также известна как сослагательная модальность. Характеризуя данную категорию, В.Н. Хисамова приводит в пример определение сослагательного наклонения, которое предложил учёный Г. В. Гак, считающий, что сослагательное наклонение – это «представление говорящего о действии как возможном» [184; с. 100].

Таким образом, ирреальная модальность возникает в случае, когда есть необходимость определенного действия, но само действие отсутствует. Данное действие или процесс при этом является «желанием, сомнением или необходимостью». В английском языке мы можем наблюдать довольно разветвленную систему выражения ирреальности высказывания. В труде по вопросу выражения ирреальной модальности «Система лексико-грамматических средств выражения ирреальной модальности в придаточных предложениях в современном английском языке» Т.Н. Хомутова очень подробно рассматривает различные виды союзов, вводных слов и придаточных предложений, указывающих на ирреальность высказывания [195]. Она подроб-

но описывает специальные фразы, типы придаточных предложений по цели высказывания и определяет основные моменты передачи ирреальной модальности. При этом делит ирреальность на «недействительность», «императивность» и «модальность предположения». Разумеется, такой принцип позволяет охватить большее количество лексико-грамматического материала и подробнее описать случаи употребления ирреальной модальности. В силу того, что наша работа не направлена на выявление случаев проявления только ирреальной модальности, мы рассмотрим наиболее распространенные способы передачи сослагательного наклонения. Императивная модальность будет нами рассмотрена отдельно.

В.Н. Хисамова в татарском языке выделяет три основные формы выражения сослагательного наклонения [184; с. 101]:

1) форма на *-ыр иде*: данная аналитическая форма по мнению ученых (Д.Г. Тумашева, В.Н. Хисамова) показывает различные оттенки ирреальности. При этом данная форма может обозначать предположение о возможности определенного действия, пожелание. Например: *Жае килсә, ул барыр иде.* – *Он бы пошел, если бы у него была возможность* (у него есть желание пойти) (дословный перевод);

2) форма на *-ган булыр иде*: данная форма, наоборот, указывает на полнейшую ирреальность действия, так как относится уже к прошедшему времени и звучит скорее как сожаление или скорбь из-за невыполненного в силу каких-либо обстоятельств действия в прошлом. Например: *Жае килсә, ул барган булыр иде.* – *Он бы сходил, если бы у него была возможность* (Он мог бы пойти, но в силу определенных условий не смог) (дословный перевод);

3) форма на *-ачак иде, булган*: встречаясь в татарском языке не так часто, как упомянутые формы, *-ачак иде* определяет предположительный оттенок, а также употребляется для передачи намерения, долженствования в прошлом. При употреблении формы *-ачак булган* мы наблюдаем усиление ирреальности высказывания. Другими словами, можно говорить о гипотетичности действия, выраженного данной формой татарского глагола. Например: *Жае килсә, ул барачак иде.* – *Он собирался сходить, если будет возможность* (Он намеревался сходить при возможности.). Можно было бы перевести и так: *Он бы пошел, если бы у него появилась возможность* (дословный перевод);

4) форма на *-а иде*. Данная форма относится к временным формам татарского глагола, но при этом может указывать и на ирреальность высказывания в зависимости от контекста. Например: *Жае килсә, ул бара иде. – Он бы сходил, если бы у него была возможность* (дословный перевод).

Надо понимать, что употребление форм выражения ирреальной модальности во многом зависит от контекста и может иметь различные характеристики в разных текстах (Приложение А).

Основными формами выражения ирреальности действия в английском языке мы можем назвать:

- **Subjunctive Mood (Conjunctive Mood)** – сослагательное наклонение, представленное различными языковыми средствами;
- **Conditionals** – относящийся к сослагательному наклонению пласт придаточных предложений условия, которые имеют различные формы и указывают на гипотетичность или ирреальность высказывания;
- Многочисленные лексические средства, которые употребляются или отдельно или наряду с сослагательным наклонением.

Subjunctive Mood (Conjunctive Mood) – сослагательное наклонение, которое включает в себя различные типы, от грамматического до лексического. Другими словами, это не отдельное явление языка, а совокупность функционально-семантических элементов, которые дают субъюнктив, или, иначе, обозначают ирреальность высказывания.

Subjunctive Mood очень часто встречается в формальной речи, когда высказывания представляют собой серьезный текст, заранее подготовленную речь. Не характерный для разговорной речи оборот употребляется в литературных произведениях с целью сохранения оригинальной атмосферы произведения, предложенной автором, или речи одного из героев. **Subjunctive Mood** в английском языке выражается через различные обороты. Это могут быть придаточные предложения, которые вводятся через *that*, форма *should + infinitive* и большое количество устоявшихся фраз, которые употребляются с формой **Subjunctive**. При этом любая из перечисленных форм указывает на ирреальность, желательность действия, определяет его гипотетичность в настоящем, будущем или прошедшем времени.

В следующем примере мы видим данные категории в контексте художественного произведения. "*If he had not, cher Florinde, it is highly probable neither of us should now have been here*" [309, p. 51]. «Если

бы не он, милая Флоринда, наверно, никого из нас здесь не было бы» [273, с. 365]. «Ул килеп чыкмаса, ихтимал, безнең беребез дә менә монда булмас иде, Флоринда сөеклем» [332, 68 б.]. При переходе на татарский язык переводчик Я. Халитов использует условное предложение и передает ирреальную модальность оригинального текста при помощи глагола *чыкмаса*, образованного с применением аффикса ирреальности *-ма* и аффикса условности *-са*, и также глагола *булмас иде* в главном предложении, где мы также наблюдаем аффикс ирреальности *-ма* и аффикс *-с*. Лексическое средство выражения ирреальной модальности *probable* переводится татарским словом *ихтимал*. При переводе напрямую с английского языка был бы возможен и следующий перевод: «Ул килеп чыкмаган булса, Флоринда матурым, без дә монда булмаган булыр идек». При этом мы изменили части предложения с тем условием, что и первая, и вторая были оформлены в прошедшем времени, так как оригинальное предложение содержит полнейшую ирреальность, выраженную формами Perfect, который соответствует татарскому *-ган булыр иде*.

Данный пример содержит несколько форм выражения ирреальности высказывания: глагол *suppose*, который указывает на гипотетичность действия и более слабая форма глагола *can, to be able to*, также указывающая на возможность действия при выполнении определенных условий. «*Suppose you and your friend, Dr. Watson, come round and lunch with us at two. I'll be able to tell you more clearly than how this thing strikes me*» [304, р. 37]. «Что, если вы и ваш друг, доктор Уотсон, придете к нам позавтракать часа в два? К тому времени я все-таки что-нибудь надумаю» [262, с. 40]. «Әгәр дустыгыз Уотсон белән сәгать икеләрдә төшке ашка килеп чыксагыз ничек булыр икән? Ул вакытка берәр фикергә килермен дип уйлыйм» [325, 41 б.]. Переводчик на татарский язык, следуя за русским переводом, передает первое предложение как вопросительное, хотя на английском оно просто гипотетично, но это не противоречит хорошему переводу. Значению английского слова *suppose* в татарском эквиваленте соответствуют аффикс условности на *-са*, будущее неопределенное время на *-ыр икән* и слово *әгәр*. Также был бы возможен и несколько иной перевод с сохранением целостности условного предложения: «**Әгәр** дә сез һәм дустыгыз доктор Уотсон сәгать икеләрдә безнең белән төшке ашка килсә, мин сезгә бу хәлләрнең миңа ничек катнашы булуын әңгетекләбрәк сөйләп бирә алыр идем». В данном случае на

ирреальность также указывают условный аффикс *-сә* и форма *-ә алыр идем*, которые выражают желательность действия и предложение начинает звучать как просьба.

На ирреальность или желательность действия в английском языке указывают и вводные фразы *it's time* и глагол *think*. На момент речи действие ирреально, то есть еще не совершено: «*“Let us knock off a bit” he said. “I think it's time we reconnoitered from the roof of the house”*» [317, p. 67]. «Надо малость передохнуть... Я думаю, пора пойти понаблюдать с крыши дома» [280, с. 373]. «Бераз ял итен алырга кирәк... Түбәгә менеп, күзәтеп төшәргә дә вакыт җитте дип уйлыйм» [342, 141 б.]. Переводчик Ф. Миңнуллин, указывая на неуверенность говорящего, использовал в переводе фразы *вакыт җитте* в прошедшем времени и глагол настоящего времени *уйлыйм*.

На ирреальную модальность в предложении «*“I'd rather glance through the volumes first,” said Mr. Bunting, still wiping. “A general impression first, Cuss, and then, you know, we can go looking for clues”*» [317, p. 67) указывают сочетания *would rather* и модальный глагол *can*, которые вместе дают значение неуверенности и предположительности. «Нет, лучше уж я просмотрю сначала все книги, – сказал мистер Бантинг, все еще протирая очки. – Сначала, Касс, необходимо получить общее представление, а потом уж, знаете, можно будет поискать ключ» [280, с. 153]. «Иң яхшысы – мин башта китапларның өчесен дә актарып чыгыйм, - диде Бантинг әфәнде, әле һаман күзлеген сөрткән булып. – Башта, Касс, гомуми төшенчә булдырырга кирәк, ә аннан инде, беләсегез килсә, ачкыч эзләп карарга да була» [342, 55 б.]. В данном случае сохранение ирреальности достигается путём использования лексических средств *иң яхшысы, була* и аффикса условия *-сә*. Сделать перевод ближе к оригинальному тексту можно, использовав форму *-ыр иде*. Например: «Миңа башта китапларның өчесен дә карап чыксам яхшырак булыр иде, - диде Бантинг әфәнде, әле һаман күзлеген сөрткән булып». «Иң элек, Касс, гомуми төшенчә булдырырга кирәк, ә аннан, белгәннегезчә, ачкыч та эзләп карарга булыр иде». Здесь мы видим изменения первой части предложения с формой на *-са* – вместо настоящего времени на *-ый*, и во второй части *-арга булыр иде* – вместо *-арга була*. Все изменения вызваны лишь стремлением сохранить гипотетичность данного отрывка, который в английском языке передаётся через вводное *I'd rather*.

Следующий пример передаёт модальность через слово *wish* и сослагательное наклонение *would keep*. «*"I wish you'd keep your fingers out of my eye," said the aerial voice, in a tone of savage expostulation*» [320, с. 54]. «*Я бы вас попросил держать свои пальцы подалее от моих глаз! – раздались из пустоты слова, произнесенные яростным тоном*» [280, с. 142]. На татарский язык передача ирреальности высказывания осуществляется лексически – *киңәш итәм*, которое переводится как *порекомендовал бы*. «*Бушлыктан усал кисәтүле сүзләр яңгырады: – Бармакларыгызны күздән ераграк тотарга киңәш итәм!*» [342, 43 б.]. При передаче той же мысли напрямую с английского и сохранении сослагательности высказывания возможно было бы использование формы на *-ыр иде*. «*Бармакларыгызны күздән алсагыз яхшырак булыр иде*» – *дигән кисәтү сүзләре яңгырады бушлыктан* (перевод наш).

Следующий пример не имеет ни русского, ни татарского перевода, но содержит сослагательную форму, которая выражается через конструкцию *what if*. Она может быть переведена как «что если». И предложение на русском звучало бы примерно так: «*А что если этот ужас и вправду произойдет!*» (перевод наш). «*What if such a horrible thing should happen!*» [319, р. 6]. На татарский язык предложение можно было бы перевести посредством использования условного аффикса *-са* с глаголом в настоящем времени *була* и слова *әгәр дә*: «*Әгәр дә бу коточкыч хәл чыннан да була калса!*» (перевод наш). Само предложение не содержит показателей сослагательности, но подразумевает наличие следующего высказывания, указывающего на возможное действие.

Если привести результаты перевода предложений сослагательного наклонения, то можно увидеть следующую картину (табл. 5).

В отличие от татарского языка, где условность передается только посредством использования определённых аффиксов, иногда сочетающихся с глаголом *иде*, в английском языке существует чёткая система условных предложений (Conditionals), представленная сложной системой временных отношений английского глагола. Данная структура английского языка имеет разветвление в виде различных форм. Она может включать в себя такие подтипы как Zero Conditional, First Conditional, Second Conditional, Third Conditional.

Таблица 5

Форма передачи ирреальности или желательности в английском языке	Средства сохранения условности при переходе на татарский язык
Should + infinitive	Обычно передается через аффикс ирреальности <i>-ма</i> и аффикс условности <i>-са</i> , и также глагола. Вне контекста можно было бы перевести с использованием <i>-ган булыр иде</i> .
Would rather	Передается через настоящее время или <i>-са... -ыр иде + -арга булыр иде</i> .
It's time	Передается при помощи сочетания <i>вакыт эҗитте</i> + глагол настоящего времени на <i>-ый</i> .
Suppose	Переводится через использование вопросительной формы с применением слова <i>әгәр</i> и аффикса условности <i>-са/-сә</i> + <i>булыр икән</i> . Также возможна форма <i>-ә/-а булыр иде</i> .
What if	Переводится при помощи слова <i>әгәр дә ... -сә/-са</i> .
Think	Обычно передается лексически <i>уйлавымча</i>
Wish	Данная форма может быть переведена лексически – <i>киңәш итәм</i> , и через использование формы аффикса условности <i>-са</i> + ирреального аффикса <i>-ыр иде</i>
Лексические средства	Переводятся соответствующими лексическими средствами татарского словарного запаса

В зависимости от контекста и от того, с какими лексическими средствами они комбинируются, формы условных предложений мо-

гут указывать на различные степени ирреальности. Например, форма Zero Conditional наименее ирреальна, тогда как форма Third Conditional, наоборот, полностью ирреальна. Далее мы рассмотрим несколько примеров употребления форм условных предложений английского языка для выражения ирреальной модальности, гипотетичности в рамках художественного произведения.

Одна из наиболее распространенных форм условных предложений – **Zero Conditional** – указывает на наименее ирреальные действия английского предложения, которые хотя и не совершены в настоящем или прошлом, но могут с большей вероятностью произойти в будущем. Выражается через временную форму Present Indefinite в обеих частях предложения. В следующем примере, данная форма усиливает самовнушение и мотивирует на определенное действие. «*Offal Court – that is the name; if I can but find it before my strength is wholly spent and I drop, then am I saved – for his people will take me to the palace and prove that I am none of theirs, but the true prince, and I shall have mine own again*» [314, p. 17]. «Двор Отбросов! Только бы хватило у меня сил не упасть и дотащить до него, – тогда я спасен. Родные этого мальчишки отведут меня во дворец, скажут, что я не принадлежу к их семье, что я истинный принц, – и я снова стану, чем был» [277, с. 451]. Предложения такого типа на татарский язык мы, как правило, переводим при помощи формы на *-р* иде, «*Хәерчеләр солтанлыгы! Башка сүзем юк билләһи. Хәлдән таеп егылганчы таба гына алсам иде инде мин аларны, котылыр идем – аның эти-әнисе мине танып, сарайга алып барыр, һәм бу бит безнең улыбыз түгел, ә чып-чын принц диеп, миңа барын да яңыдын кайтарыр иде*» (перевод наш). Имеет место и иной вариант перевода предложения с сохранением оригинальной модальности, который использует форму *-ачак, -әчәк*. Приведенные аффиксы в татарском языке обозначают предположение, отношение к прошлому, нечто возможное и допустимое, но не существующее в реальности, нечто подлежащее осуществлению или же отменяющее уверенность в справедливости высказывания [184; с. 106]. «*Хәерчеләр солтанлыгы! Башка сүзем юк билләһи. Хәлдән таеп егылганчы таба гына алсам иде инде мин аларны, барыннан да котылачакмын – аның эти-әнисе мине танып, сарайга алып барачак, һәм бу бит безнең улыбыз түгел, ә чып-чын принц диеп, миңа барын да яңыдын кайтарачак*» (перевод наш). Независимо от того, какой бы перевод мы не представили, значение

ирреальности сохраняется и передаётся в татарском языке в полной мере.

Иногда английское предложение данного типа звучит как пожелание или напутствие, и призывает к совершению какого-либо действия. «... *if you are really afraid, your best way is to look another way and keep going on ...*» [303, p. 247]. «*А коль вы испугались, самое лучшее, – не останавливаться и смотреть в другую сторону...*» [260, с. 258]. На татарский язык предложение может быть переведено так: «*Әгәр дә сез чыннан да куркасыз икән, сезгә күзегезне башкага юналтеп, алга баруны дәвам итәргә кирәк*» (перевод наш). Значение передается через использование формы *-арга, -әргә + кирәк*. Данное сочетание в татарском языке создает желательное, но ирреальное действие или указывает на необходимость выполнения в будущем. Вместо формы на *-арга, -әргә + кирәк* можно также употреблять и структуру *-у/-ү* (отглагольное существительное) + *кирәк*, тогда предложение изменится следующим образом: «*Әгәр дә сез чыннан да куркасыз икән, сезгә күзегезне башкага юналтеп, алга баруны дәвам итү кирәк*» (перевод наш).

1. Ирреальность английского предложения усиливается по направлению движения в сторону следующего типа предложений со значением условности (**First Conditional**) и выражается при помощи форм Present Indefinite и Future Indefinite. «...*but if you come near the boat I'll shoot you through the head, for I am resolved to have my liberty*» [303, p. 21]. «*Но, если ты не отстанешь от шлюпки, я прострелю тебе голову, потому что твердо решил добыть себе свободу*» [260, с. 24]. «*Әмма ләкин син минем көймәмә якынлашасың икән, мин синең башыңа төбәп атам (атачакмын), мин үземнең ирегем өчен үзем көрәшергә сүз бирдем*» (перевод наш). В данном случае перевод на татарский язык осуществляется через применение глагола в настоящем или будущем времени, что не меняет сути оригинального высказывания.

В следующем примере мы видим случай употребления первой формы условного предложения для выражения пожелания. «*I think we'll shut that window again, if you don't mind*» [304, p. 28]. «*Давайте-ка закроем окно, если вы не возражаете*» [262, с. 31]. На татарский язык перевод предложения осуществлялся с русского языка и полностью его повторяет, но при этом сильного расхождения с оригинальной версией не наблюдается. «*Әйдәгез, тәрәзәне ябык әле*» [325,

32 б.]. В переводе есть ряд упущений, и его можно было бы представить следующим образом: «Уйлавымча, безгә тәрәзәне янадән ябарга кирәк, сез каршы килмәсәгез!» или «Әйдәгез, каршы килмәсәгез, тәрәзәне янадән ябыйк әле!» (перевод наш), так как в предложенном переводчиком произведении предложение приобретает небольшое смещение в повелительную форму. Форма *-ыйм*, *-ыйк* в татарском языке употребляется для обозначения побуждения к действию, и, как мы видим, может употребляться при переводе английских предложений первого типа условности. Предложенный нами перевод также указывает на императивность высказывания, так как именно такова функция формы на *-ырга*, *-арга*, *-әргә* + *кирәк* в татарском языке.

2. Следующая форма условного предложения еще менее реальна и в основном указывает на большую гипотетичность действия, выражая большую долю сомнения. Форма **Second Conditional** в предложениях выражается через формы Past Indefinite и Future in the Past Indefinite - «*They would be helpless in the hands of a desperate fellow like this Notting Hill criminal if he could once effect an entrance*» [304, p. 76]. «*Они окажутся совершенно беспомощными в руках этого ноттинг-хиллского убийцы, если он заберется к ним в дом*» [262, с. 78]. Перевод на татарский язык осуществляется через форму настоящего времени *-ый* с добавленной отрицательной на *-м-*. Для усиления эффекта используется слово *инде*. «*”Ноттинг-хилл” башкисәре килеп керсә, берни эшли алмый инде бу мескеннар*» [325, 82 б.]. Перевод получается не ирреальным, так как говорящий (в переводе) не сомневается в том, что говорит и использует форму настоящего времени. Если мы захотим сохранить ирреальность, то можем изменить глагол, используя отрицательную форму будущего времени *-мас*, и предложение получится: «*”Ноттинг-хилл” башкисәре килеп керсә, берни эшли алмас(лар) инде бу мескеннар*». Данное предложение ближе к оригиналу по смыслу.

Очень часто в переводах художественных произведений на татарский язык многие из форм прошедшего времени передаются через настоящее время. Встречаясь в диалогах и монологах, настоящее время указывает на простоту высказываний и относит их к обыденной речи. Для точного и дословного перевода можем использовать формы прошедшего времени на *-ган*, *-гән* и *-ган булып иде*. «*If he only wanted to steady down, I'd give him a job drivin' the wagon*», *her husband said, but with no trace of benevolence in his voice. Tom's quit*» [307, p.

50]. «Захотел бы остепениться, я б его взял возчиком, – сказал супруг, но в голосе не было и намек на благожелательность. – Том взял расчет» [266, с. 160]. «Әгәр монда урнашырга теләсә, мин аны йөкче итеп ала алам, – диде ире, яхшылык итәргә теләүнең әсәре дә булмаган тонда. – Том расчет алды» [328, 34 б.]. Несколько измененная форма выглядела бы так: «Әгәр монда урнашырга теләгән булса, мин аны йөкче итеп алган булыр идем, – диде ире, яхшылык итәргә теләүнең әсәре дә булмаган тонда. – Том расчет алды» (перевод наш).

3. Наиболее ирреальной в английском языке выступает форма **Third Conditional**, которая представляет собой условное предложение третьего типа и представлена временными формами Past Perfect и Future in the Past Perfect. Приведем пример: «*If he had received one line, one personal line, along with one rejection of all his rejections, he would have been cheered*» [307, p. 207]. «Если бы в каком-нибудь из этих отказов была одна-единственная строчка, за которой чувствовался бы написавший ее живой человек, он бы взбодрился» [266, с. 103]. «Әгәр шәхсән үзенә атап кулдан язылган бер генә чын хат алса да, ул бәхетле булыр иде» [328, 112 б.]. Данная форма на татарский язык переведена при помощи формы *-ыр иде*, которая указывает на ирреальную модальность высказывания. В следующем примере мы видим форму на *-кан/-кән, -ган/-гән булыр иде*, которая используется для перевода третьей формы условного предложения. «*If I had fully realised the meaning of all the things I had seen I should have immediately worked my way round through Byfleet to Street Cobham, and so gone back to rejoin my wife at Leatherhead*» [317, p. 19]. «Если бы я понял, что происходит, то немедленно повернул бы назад и возвратился через Байфлит и Стрит-Кобхем к жене в Лезерхэд» [280, с. 279]. «Әгәр ниләр буласын белсәм, кичекмәстән кире борылып, Байфлит һәм Стрит-Кобхем аша хатыным янына Лазерхэдка кайтып киткән булыр идем» [342, 42 б.].

Иногда можно просто опустить слово *булыр*, тем самым добиваясь краткости речи, что мы видим в следующем примере: «*Had my foot stumbled, it would have been the end*» [317, p. 27]. «Поскользнулся я – и все было бы кончено» [280, с. 294]. «Әгәр аягым тайса – беткән идем» [342, 57 б.]. В итоге мы наблюдаем только форму *-кан/-кән, -ган/-гән + иде* без слова *булыр*. При этом упрощенная форма ничем не отличается от полной формы и выполняет те же функции, но в силу

того, что переводчик на русский язык сохранил краткую форму, предложенную в оригинальном произведении, то же мы наблюдаем и в татарской версии.

Иногда в англо-американских художественных произведениях встречаются и смешанные формы условных предложений – **Mixed Conditionals**, которые указывают на отнесенность действий к разным временам и обычно выражаются чередованием таких форм, как Past Indefinite, Past Perfect и Future in the Past, Future in the Past Perfect в различных сочетаниях.

If he was in the hospital and yet not on the staff he could only have been a house-surgeon or a house-physician – little more than a senior student [304, p. 6]. «Если он работал там, не будучи штатным консультантом, значит, ему отводилась скромная роль куратора, живущего при лечебнице, то есть немногим большая, чем роль практиканта» [262, с. 10]. «Консультант булмагач, аңа шифаханәнең үзендә яшәп эшләүче кураторлыктан башка эш калмый. Ә куратор практиканттан аз генә өстен ала» [325, 10 б.]. В данном примере мы видим перевод предложения в настоящем времени с использованием глагола *калмый*. Это, скорее, делается для того, чтобы речь Холмса звучала сильнее, так как форма на *-ган булып иде* не может уверить читателя в дедуктивных талантах Шерлока Холмса. Не может Холмс говорить с сомнением и неуверенностью, на что указывает форма на *-ган булып иде*. И если бы переводчик оформил предложение с использованием упомянутой формы, оно бы не вписывалось в уверенную речь главного героя: «Консультант булмагач, аңа шифаханәнең үзендә яшәп эшләүче кураторлыктан башка эш калмаган булып иде» (перевод наш).

Смешанные формы условных предложений встречаются и в формах с Present Perfect и Future Indefinite. При этом данный тип смешанных предложений по значению очень близок к первому типу условных предложений, соответственно, перевод мы получаем тоже созвучный. «*If you haven't lost the sight of those superior eyes of yours, you'll see something, very like a tree – a tall tree – and a cypress, too, if ever there was one in the swamps of Louisiana*» [309, p. 16]. «Если тебе не изменило твое превосходное зрение, ты увидишь на горизонте что-то очень похожее на дерево, на высокое дерево – наверно, это кипарис. Ведь я никогда не видела кипариса на болотах Луизианы» [273, с. 323]. «Үткен күзләрең үзеңә хыянәт итмәгән булса, офыкта

агачка, биек агачка охшаган бер нәрсә күрерсең – кипаристыр ул. Луизиана сазлыгында гомеремдә дә кипарис күргәнем булмады» [332, 68 б.]. В переводе используется аффикс будущего времени на *-ыр/-ер* и добавляется окончание 2-го лица будущего времени *-сең* (табл. 6).

Таблица 6

<p>Передача ирреальной модальности в английском языке посредством систем условных предложений</p>	<p>Способы перевода условных предложений на татарский язык</p>
<p>Zero Conditional – нулевой тип условных предложений: Present Indefinite + Present Indefinite</p>	<p>Может передаваться в татарском языке через:</p> <ul style="list-style-type: none"> – форму сослагательного наклонения на <i>-р иде</i>. Обычно употребляется, когда атмосфера произведения более унылая и не предвидится решения для определенного действия; – форму на <i>-ачак, -әчәк</i>. Будучи показателем категорического будущего времени, данная форма может указывать и на гипотетическое действие, которое является для говорящего больше желаемым, нежели доступным и реально выполненным; – форму <i>-арга, -әргә + кирәк</i>. Также определяет необходимость выполнения действия в будущем, указывая при этом на несостоятельность действия в настоящем.
<p>First Conditional – первый тип условных предложений: Present Indefinite + Future Indefinite</p>	<p>Может передаваться в татарском языке через:</p> <ul style="list-style-type: none"> – форму настоящего времени на <i>-а/-ә, -ый/-и</i>; – форму будущего времени на <i>-ачак, -әчәк</i>; – конструкцию на <i>-ырга, -арга, -әргә + кирәк</i>.

<p>Передача ирреальной модальности в английском языке посредством систем условных предложений</p>	<p>Способы перевода условных предложений на татарский язык</p>
<p>Second Conditional – второй тип условных предложений: Past Indefinite + Future in the Past Indefinite</p>	<p>Может передаваться в татарском языке через:</p> <ul style="list-style-type: none"> – форму настоящего времени, но при этом теряется ирреальная модальность, заключенная в оригинальном произведении; – отрицательную форму будущего времени на <i>-мас</i>, при этом добавляется эффект неуверенности со стороны говорящего; – форму неочевидного прошедшего времени на <i>-ган</i>, <i>-гән</i> и <i>-ган булып иде</i>.
<p>Third Conditional – третий тип условных предложений: Past Perfect + Future in the Past Perfect.</p>	<p>Может передаваться в татарском языке через:</p> <ul style="list-style-type: none"> – форму на <i>-ыр иде</i>, которая указывает на ирреальную модальность высказывания и гипотетичность действия; – форму на <i>-кан/-кән</i>, <i>-ган/-гән булып иде</i>, которая передает полнейшую ирреальность высказывания; – форму <i>-кан/-кән</i>, <i>-ган/-гән</i> + <i>иде</i> без слова <i>булып</i>, которая эквивалентна по смыслу предыдущей форме.

Передача ирреальной модальности в английском языке посредством систем условных предложений	Способы перевода условных предложений на татарский язык
Mixed Conditional – смешанные типы условных предложений: Past Indefinite, Past Perfect + Future in the Past, Future in the Past Perfect в различных сочетаниях	<p>Может передаваться в татарском языке через:</p> <ul style="list-style-type: none"> – форму настоящего времени; – форму на <i>-ган булып иде</i>; – форму на <i>-ыр/-ер</i> и добавляется окончание второго лица будущего времени <i>-сең</i>; – форму будущего времени на <i>-ыр/-ер</i> с добавлением окончания 2-го лица будущего времени <i>-сең</i>.

В английском языке на ирреальность высказывания могут указывать и лексические средства языка. В основном это имена существительные с оттенком ирреальности: *impossibility, unwillingness, refusal*; имена прилагательные, указывающие на ирреальность: *difficult, probable, likely, unlikely*; наречия, которые обозначают невозможность или гипотетичность действия: *possibly, probably*; также некоторые модальные глаголы и глаголы с модальным значением: *can, could, may, might, would, should, must not, ought to, be likely to, be supposed to, feel, suppose, seem, guess*. В контексте художественного произведения многие словосочетания и фразы могут приобретать совершенно иные формы и указывать на различные цели. Все зависит от контекста. Например, в следующем предложении употребляется слово *unlikely*, которое указывает на невозможность или несостоятельность действия и меняет тем самым значение целого предложения. «*It was unlikely that she would dare to say that she had not been to Baskerville Hall if she really had been, for a trap would be necessary to take her there, and could not have returned to Coombe Tracey until the early hours of the morning*» [304, p. 114]. «Она вряд ли осмелилась бы солгать, что не была на свидании, так как ей пришлось бы поехать в Баскервиль-холл в шарабане и вернуться в Кумби-Тресси только к рассвету» [262, с. 114]. «*Очрашмадым дип алдарга жәрьят итәр иде микән ул?*»

Чөнки Баскервилль-холл белән ике араны шарабанга утырып барып, Кумб-тресига таң алдыннан гына жэяү кайтырга туры килгән булыр иде бит аңа» [325, 118 б.]. При трансляции сочетания *вряд ли* с русского на татарский язык переводчик не переводит конкретное слово, хотя оно есть в русском варианте. Переводчик меняет само предложение из положительного в отрицательное, тем самым добиваясь того же эффекта ирреальности и неуверенности, которое было положено в основу оригинала. При этом смысловая нагрузка переносится на частицу *микән*, которая и передаёт часть сомнения говорящего.

Некоторые из лексических единиц имеют прямые эквиваленты в татарском языке и могут быть переведены практически без изменений конструкции самого предложения. В следующем примере это переход от английского *probably* к татарскому *мөгаен*. *Ran away from the subscriber, my mulatto boy, George. Said George six feet in height, a very light mulatto, brown curly hair; is very intelligent, speaks handsomely, can read and write, will probably try to pass for a white man, is deeply scarred on his back and shoulders, has been branded in his right hand with the letter H.* [311, p. 76]. «Убежал от нижеподписавшегося молодой мулат Джордж. Рост – шесть футов, кожа светлая, волосы каштановые, вьющиеся. Сметливый, говорит складно, грамотный. Вероятно, будет выдавать себя за белого. На спине и на плечах – глубокие рубцы. Клеймен в правую руку литерой “Г”» [252, с. 120]. «Түбәндә кул куючының Джордж исемле яшь кенә бер мулаты качты, буе алты фут, тәне әллә ни кара түгел, чәче коңгыр-кара, дулкынланып тора, белемле, бик уңган, бик оста сөйләшә, укый-яза белә. Мөгаен, үзен ак тәнле итеп күрсәтергә тырышыр. Аркасында да, иңбашларында да яра эзе бар. Уң кулына яндырып “Г” хәрефе язылган» [322, 126 б.]. Такой же прямой перевод мы наблюдаем и в следующем примере, где слово *might* переведено как слово *бәлкә*. Они очень близки по значению и передают ирреальность предложения без видимых потерь. *She might have been sixty, but was older than that by hard work and disease, was partially blind, and somewhat crippled with rheumatism* [311, p. 85]. «Изнурительный труд и болезни, по-видимому, состарили ее прежде времени. Она почти ничего не видела, руки и ноги у нее были скрючены ревматизмом» [252, с. 135]. «Бәлкә аңа чыннан да алтмыш яшь кенәдер, ләкин ул картрак булып күрәнә: чир һәм чамадан тыш авыр эш аны вакытсыз

картайткан, гаудәсе корышып, бөкраеп беткән, күзләре дә бик начар күрә» [322, 140 б.]

Английская конструкция *as if* на татарский язык передается при помощи глагола *әйтерсең*, который иногда для усиления высказывания может добавлять усилительную частицу *лә*. В данном значении могут употребляться и такие татарские глаголы, как *уйларсың*, *ышанырсың* и др., но глагол *әйтерсең* является наиболее употребительным. *As if hell was built for rabbits!* [317, p. 66]. «**Как будто ад создан для кроликов!**» [280, с. 369]. «**Әйтерсең тәмуз бер куяннар өчен генә!**» [342, 137 б.]

Для выражения ирреальности могут быть использованы как морфолого-синтаксические, так и лексические средства языка одновременно. Например, в следующем примере форма Future in the Past сочетается с конструкцией *to be likely* и дает усиленное выражение ирреальности высказывания. *I would suggest, for example, that a presentation to a doctor is more likely to come from a hospital than from a hunt, and that when the initials 'C.C.' are placed before that hospital the words 'Charing Cross' very naturally suggest themselves* [304, p. 3]. «**Так, например, я бы сказал, что подобное подношение врач скорее всего может получить от какой-нибудь лечебницы, а не от охотничьего клуба, а когда перед лечебницей стоят буквы "ЧК", название "Черингкросская" напрашивается само собой**» [262, с. 6]. В татарском переводе мы наблюдаем несколько иную картину. В переводе два средства выражения ирреальности английского предложения объединяются в одно и передаются посредством фразы *дип әйтер идем*, выраженной через форму на *-ыр/-ер иде*. Сочетание *to be likely* не имеет перевода, но переводчик для сохранения модальности предложения переводит его словом *ниндидер* (какой-то). «**Мәсәлән, мин мондый бүләкне табиб аучылар клубыннан түгел, ә ниндидер шифаханәдән алган дип әйтер идем, ә шифаханә алдында «ЧК» хәрефләре торса, "Чарринг-Кросс" исеме үзеннән-үзе соралып тора**» [325, 9 б.]

На ирреальность высказывания в английском языке могут указывать и некоторые типы предложений. Например, предложения альтернативной и разделительной формы вопроса (Alternative and Disjunctive Questions). Они означают неуверенность говорящего и указывают на возможную несостоятельность определенного процесса или действия. В английском языке форма альтернативного вопроса обра-

зуются формой *or* между частями предложения (*to the library or to the museum*). Разделительный вопрос имеет более сложную структуру и образуется сложением утвердительного или отрицательного предложения, после которого обычно ставится запятая, и отрицательной или положительной формы «вопроса-хвостика». Вопросительная часть состоит из вспомогательного или модального глагола и подлежащего. В зависимости от того, является ли первая часть утвердительной или отрицательной, в вопросительную часть может быть добавлена отрицательная частица *not* (-, *does he?* или +, *does not he?*).

It's a filthy nuisance, my blood showing, isn't it? [320, p. 96]. «Страшно неудобно, что кровь мою видно, правда?» [280, с. 179]. «Тик канның күренә торган булуы бик тә уңгайсыз, дәрәс бит?» [342, 85 б.] Перевод на татарский язык при этом может быть абсолютно идентичным английскому предложению по значению. Это достигается при помощи дополнительного предложения типа «*әйе бит, дәрәс бит*», которое звучит как запрос на подтверждение высказывания.

Следует отметить, что частица *or* может указывать на ирреальность высказывания и в случае употребления в утвердительном предложении. Просто изменится характер ирреальности и *or* будет показывать неуверенность говорящего: «*Once or twice a curious listener might have heard him at the coals, and for the space of five minutes he was audible pacing the room*» [320, p. 23]. «Однако если бы кто-нибудь внимательно прислушался, то мог бы услышать, как он поворотил угли, а потом минут пять расхаживал по комнате и разговаривал сам с собой» [280, с. 114]. При этом сочетание с частицей *or*, вслед за переводчиком на русский, на татарский язык переведено как *шулай да (однако)*. «*Шулай да, игътибар белән тыңлап тооручы булса, ул кунакның ничек итеп мичтәге күмерне болгатканын, аннары, үз-үзе белән сөйләшә-сөйләшә, биш минут тирәсе бұлмә буйлап йөргәннен ишетер иде*» [342, 10 б.] Также можно было бы перевести и дословно, так как в татарском языке значение альтернативности передаётся при помощи вопросительного аффикса *-мы/-ме*. «*Берме, икеме, игътибар белән тыңлап торучы, ул кунакның ничек итеп мичтәге күмерне болгатканын, аннары, үз-үзе белән сөйләшә-сөйләшә, биш минут тирәсе бұлмә буйлап йөргәннен ишетер иде*» (перевод наш).

Следующее предложение также представляет собой альтернативный вопрос. При этом модальность предложения усилена через использование стилистических средств – повторений и сослагательного наклонения. Это представляет собой пример того, как ирреальная модальность в художественных предложениях очень часто передается через многочисленные средства языка, которые относятся к различным слоям языка (табл. 7).

Таблица 7

Форма передачи ирреальности или желательности в английском языке	Средства сохранения условности при переходе на татарский язык
<i>unlikely</i>	Имеет прямой перевод на татарский язык (<i>ошамаган</i>), который обычно не употребляется в художественном произведении Может переводиться частицей <i>микән</i> , которая указывает на ирреальность высказывания, так как говорящий не уверен в том, что говорит.
<i>probably</i>	Соответствует слову <i>мөгаен</i> , которое эквивалентно употребляется в татарском языке.
<i>might</i>	Соотносится с татарским <i>бәлкем/бәлки</i>
Конструкция <i>as if</i>	Обычно переводится как <i>әйтерсең</i> , но также могут встречаться формы со словами <i>уйларсың</i> , <i>ышанырсың</i> и др.
Future in the Past в сочетании с конструкцией <i>to be likely</i>	Может передаваться через форму на <i>-ыр/-ер иде</i> .
Разделительный вопрос (Disjunctive Question)	Обычно также как в английском языке, замыкается фразами « <i>әйе бит</i> », « <i>дәрес бит</i> ».
Альтернативный вопрос (Alternative Question)	Может передаваться при помощи сочетания <i>шулай да</i> ; При помощи вопросительных окончаний <i>-мы/-ме</i>

If a man has killed his only son – his son who loved and trusted him, who was flesh of his flesh and bone of his bone; if he has led his son into a death-trap with lies and deceit--is there hope for that man in earth or heaven? [316, p. 212]. «Если человек убил своего единственного сына – сына, который любил его и верил ему, был плотью от плоти его и костью от кости его, если ложью и обманом он завлек его в ловушку, то может ли этот человек уповать на что-нибудь на земле или в небесах?» [255, с. 44]. В переводе на татарский язык мы наблюдаем сохранение повторения, как стилистического приема (үзенең, икән), и парное слово *жирләр-күкләр*, которое идет вместо альтернативы английского предложения. «Үзенең бердәнбер улын – үзенең каныннан, үзенең тәнненән яралган улын, үзен ярата, үзенә инана торган балакаен үтергән икән, ялганына ышандырып, аны капкынга эләктергән икән, андый әдәмне жирләр-күкләр кичерә микәнни?» [321, 192 б.]

2.4. Выражение императивной модальности в англо-американских художественных произведениях в процессе перевода на татарский язык

Для передачи приказа, указа, просьбы, пожелания или просто влияния на собеседника в языке применяются особые формы построения речи. Данную особенность языка мы привыкли называть повелительным наклоном, так как основная обязанность данной формы – это повеление. В английском языке повелительное наклонение представлено императивом (Imperative Mood) и имеет такие же функции, как и в других языках. Императивная модальность в английском языке передается посредством повелительного наклонения [209, с. 207]. Оно в основном образуется при помощи инфинитива без частицы *to* и представляет собой основу глагольных форм, которые и указывают на призыв к действию, или императив. Мы видим, что повелительное наклонение английского глагола представляет собой основную, ядерную, форму глагола. Также имеется и отрицательная форма императива, которая образуется при помощи вспомогательного глагола *do* и отрицательной частицы *not*. На повелительное наклонение в английском языке также могут указывать и некоторые обороты, которые используются для выражения различной степени повеления. Они могут представлять собой приказ (*Wake up!*); совет (*Don't*

worry!); указание (*Go on reading*); предупреждение (*Be careful*); запрет (*Don't write!*); просьбу (*Help me, please*); приглашение (*Do come in!*); предложение (*Let's walk*); пожелание (*Have a nice trip!*); ругательство (*Go to hell!*).

В татарском языке повелительное наклонение, форма глагола, употребляемая в качестве повелительного, является спорным моментом для лингвистов. Суть спора связана с тем, что форма повелительного глагола одновременно является и нулевой формой татарского глагола. В своем труде В.Н. Хисамова приводит суждение В.Н. Хангильдина, которое многие лингвисты считают противоречивым (например, Д.Г. Тумашева): «Корневая основа глагола в современном языке имеет форму 2-го лица единственного числа повелительного глагола. Но эта форма по значению не является самым простым глаголом, так как в ней, кроме значения действия или состояния, имеется значение повеления и лица» [181; с. 109]. По трудам названных исследователей мы можем выделить такие формы побудительного значения, как смягченный (мягкое выражение побуждения к действию), категорический (выражение обязательности действия), промежуточный (характеризующий взаимную независимость говорящих). При этом каждая из форм имеет несколько подтипов по цели высказывания.

Как отмечалось ранее, основной формой выражения императивной модальности в английском языке является форма инфинитива без частицы *to*. Именно она определяет основные формы императивной модальности и чаще всего употребляется в художественных произведениях. «*Stop the stabboard! Ting-a-ling-ling! Stop the labboard! Come ahead on the stabboard! Stop her! Let your outside turn over slow! Ting-a-ling-ling! Chow-ow-ow!*» [315, p. 20]. «*Стоп, правый борт! Тинь-лин-лин! Стоп, левый борт! Малый ход! Стоп, машина! Самый малый! Тинь-лин-лин! Чу-у-у!*» [277, с. 27]. «*Стоп, уң як борт! Тиң, тиң, тиң! Стоп, сул як борт! Әкрәнәй! Тукта! Тагы да әкрән! Тиң, тиң, тиң! Чү-чү-чү!*» (перевод наш). Перевод на татарский язык также осуществляется при помощи глагола в повелительном наклонении. В данном случае это слова *Әкрәнәй! Тукта!* При этом нецелесообразно переводить слово *stop*, так как во время игры и татарские дети часто употребляют именно это слово. То же самое мы наблюдаем и в следующем примере. Слова *go away, leave* переведены эквивалентами татарского языка в повелительном наклонении: *китегез, калдырыгыз*. При этом мы используем окончание 2-го лица

множественного числа, но также можно было бы перевести и просто во 2-м лице единственного числа. «*Go away and leave me alone, can't you! I hate you!*» [315, р. 116]. «*Да уйдите же, оставьте меня в покое! Я вас терпеть не могу!*» [277, с. 115]. «*Мин сезне күрә алмыйм! Китегез моннан һәм минем үземне генә калдырыгыз! Эшли аласызмы шуны!*» (перевод наш)

В дальнейшем мы приведем несколько примеров прямого перевода глаголов в повелительном наклонении, выделив оригиналы и переводы для сравнительно-сопоставительного изучения. *Arthur, think a moment what you are saying! You are not even an Italian* [316, р. 15]. «*Артур, подумай, что ты говоришь! Ты ведь даже не итальянец!*» [255, с. 44]. «*Артур, ниләр сөйлесең син, акылыңа кил! Итальян да түгел ич әле үзең!*» [321, 11 б.].

«*"There, there, darling," said St. Clare, soothingly; "only don't distress yourself, don't talk of dying, and I will do anything you wish." And promise me, dear father, that Tom shall have his freedom as soon as" – she stopped, and said, in a hesitating tone – "I am gone!"*» [311, р. 199]. «*Ну хорошо, хорошо, дорогая! – ласково сказал Сен-Клер. – Я сделаю все, что ты захочешь, только не огорчайся и не говори о смерти. – И обещаю тебе, папа, отпустить Тома на волю, когда я... – она запнулась, потом неуверенно договорила, – когда я уйду...*» [252, с. 306]. «*- Я жәйтәр, кызым, жәйтәр, кадерлем, диде Сен-Клер, Еваны тынычландырырга тырышып, – бары кайгырма гына һәм үлем турында сөйләмә, ә мин, син ни теләсәң, шуны эшләргә. – Һәм син, кадерле әтием, Томны азат итәргә сүз бир, – диде Ева һәм туктап калды. Аннан кыюсыз гына әйтеп куйды: – Мин киткәч азат итәргә сүз бир ...*» [322, 74 б.]

Также иногда для большего влияния на собеседника используются формы *do + inf.*, то есть перед инфинитивом идёт вспомогательный глагол *do*, который усиливает высказывание. Такое высказывание звучит как приказ, обязательный для выполнения.

«*"O, don't, mother! I should like the flowers; do give them to me; I want them!"*

"Why, Eva, your room is full now."

"I can't have too many," said Eva. "Topsy, do bring them here"» [311, р. 205]. «*Мама, не гони ее! Дай мне этот букет! – Ева, у тебя и так полна комната цветов. – Чем больше, тем лучше, – сказала девочка. – Топси, поди сюда*» [252, с. 313]. В татарском языке такое

усиление часто передаётся при помощи частицы *але*, которая в отличие от наречия *але* не несёт смысловой нагрузки, но одновременно усиливает и смягчает побудительный глагол *бир*. Сам глагол без частицы звучит грубовато, а с частицей – указывает на близость или расположенность собеседников друг к другу. «*Ай эни, Топсига тимә! Бу чәчәкләр миңа бик кирәк. Топси, бир миңа, мин мондый чәчәкләрне бик яратам! – Ева, синең бүлмәң болай да чәчкләр белән тулган. – Чәчәк никадәр күбрәк булса, шулкадәр яхшы, – диде Ева. – Топси, чәчәкләрне миңа бир әле*» [322, 267 б.]. Но данная частица не является обязательным элементом при переводе формы Do + inf. и может быть опущена в татарском варианте текста как в следующем примере. *I shall never go there, papa; – I am going to a better country. O, do believe me! Don't you see, papa, that I get weaker, every day?* [311, p. 207]. «*Нет, папа, мне там уже не бывать. К тому времени я перенесусь в другую обитель. Это правда, папа! Неужели ты не видишь, что я слабею с каждым днем?*» [252, с. 315]. «*Юк, әтием, мин анда беркайчан да бара алмам инде! Бишан миңа әтием! Әллә син күрмисеңме, әтием, мин бит көннән-көн начарлана барам*» [322, 269 б.] Здесь мы также видим, что английский вспомогательный глагол *do* может использоваться и как элемент настоятельного убеждения, который в татарском языке отдельно не выделяется. Но иногда для выделения речи в татарском языке может быть употреблено слово *күр*, которое используется как эквивалент упомянутого усиления со вспомогательным глаголом. И предложение из перевода Г. Губая можно было бы представить следующим образом: «*Бишана күр миңа әтием!*» Но здесь данная частица могла быть воспринята не совсем корректно (так как уничижает силу и уверенность сильной героини, которая понимает скорую кончину и при этом пытается поддержать своего отца), поэтому переводчиком не используется.

При возникновении необходимости смягчения речи в предложении с повелительным наклонением можно использовать слово *please* «*пожалуйста*». Чаще данная конструкция приобретает иную цель и больше употребляется как просьба беспомощного, нежели приказ. При переходе с английского на татарский язык лексический элемент *please*, как правило, просто опускается, так как эквивалент слова указывает на другую конструкцию, которую мы рассмотрим далее. *Please don't think I'm bragging, he began* [307, p. 108]. *Вы не подумайте, что я хвастаюсь, – начал он. – Ничего похожего* [266, с. 45].

«Мактана дип уйламагыз, – диде аннары, – хикмәт мактануда түгел» [328, 84 б.] Но возможен перевод и с сохранением слова: «**Зинһар**, мактана дип уйламагыз, – диде аннары, – хикмәт мактануда түгел». Переводчики также используют способ смягчения просьбы при помощи окончания *-чы/-че*, которое практически выполняет ту же функцию, что и слово *please* в английском тексте. Например, в предложении это выражается так: «*No, for less than a week's work. Please pass me that book over on the far corner of the table, the account book with the gray cover*» [307, p. 108]. «Нет, меньше чем за неделю работы. Передай мне, пожалуйста, книгу с того края стола, конторскую книгу в серой обложке» [266, с. 244]. «Юк, ике атна, хәтта аннан да азрак вакытка. Миңа көрән тышлы шул дәфтәрне алып бирегезче. Әнә өстәл почмагында ята» [328, 206 б.]. В своем труде по глагольной системе татарского и английского языков В.Н. Хисамова относит английское слово *please* к препозиционным модификаторам и перечисляет еще несколько слов, которые могут заметно усилить императивный оттенок основных глаголов [181; с. 115].

Слово «*пожалуйста*» в русском языке и английское слово «*please*» не совсем похожи. И если в русском языке, добавляя слово «*пожалуйста*», мы смягчаем высказывание до уровня просьбы, то в английском эквиваленте это наблюдается не всегда. Британский вариант английского образует просьбу о помощи через такие конструкции, как «*Would you...*» или «*Will you ...*» и т. д.

Данная структура как раз переводится через татарское слово *зинһар*, которое указывает на вежливую просьбу и обычно используется в разговоре с незнакомыми людьми как дополнительный элемент вежливой просьбы или при очень вежливом обращении к собеседнику. «*Will you get me some matches?*» said the visitor, quite abruptly. “*My pipe is out*” [320, p. 23]. «Дайте мне, пожалуйста, спички, – вдруг прервал он ее. – Моя трубка погасла». [280, с. 113]. «**Зинһар**, шырпы китереgez, – диде ят кеше, хатынны кинәт бүлдереp. – Трубкаm сүнде» [342, 51 б.]

Более вежливая форма английской просьбы, образованная при помощи оборота *would you* и обычно употребляющаяся, когда просят разрешения на что-то, может передаваться в татарской речи через слово *мәmкин* с вопросительной формой на *-мы/-ме*. «*Would you wish dinner to be served at once, sir?*» [304, p. 58]. «Прикажете подавать обед, сэр?» [262, с. 61]). «Өстәл әзерләргә *мәmкинме*, сэр?» [325, 64 б.]

Предложения данного типа в татарском языке широко распространены как в разговорной, так и в более формальной речи.

Добавление перед английским инфинитивом местоимения «you» приводит к усилению императивного эффекта высказывания, который выражает не только повеление, но и эмоциональную раздражённость говорящего. Такое высказывание обычно произносится повышенным тоном и выглядит как упрёк за несвоевременное выполнение или бездействие: «*You go and help her,*" he added, to the mother. "Them curls may make a hundred dollars difference in the sale of her» [311, p. 241]. «- А ты помоги ей. – Это относится к матери. – С такими кудрями долларов на сто дорожке пойдет» [252, с. 363]. На татарском языке имеется эквивалентная форма с местоимением во 2-м лице единственного числа *син* и предшествующим противительным союзом *ә*: «*Ә син, бар, кызыңа булыш, – диде ул Сусуннага. – Бөдрәсе әйбәт булса, мин аны бер йөз долларга кыйммәтрәк сата алам ич*» [322, 74 б.]. Такое обращение в татарском языке используется довольно редко, так как звучит грубо и даже вульгарно. Обычно местоимение *син* используется только для выделения человека из группы людей, когда необходимо приказать кому-то одному. Но, тем не менее, оно не относится к вежливым просьбам и не получает широкого распространения.

Well, here, I'm going to show this Tom to his mistress, and then you take him to the kitchen; and mind you don't put on any of your airs to him. He's worth two such puppies as you [311, p. 117] «-Сейчас я покажу Тома хозяйке, а потом ты сведешь его на кухню. И не смей задирать перед ним нос. Он стоит двух таких щенков, как ты. Помни это» [252, с. 184]. «*Мин хәзер Томны хозыйкасы белән таныштырам. Аннан соң син аны кухняга алып керерсең. Исеңдә тот, аның алдында әллә кем булып кәпрәеп йөрмә: ул синең шикелле көчекләрнең икесенә тора*» [322, 183 б.]

Также на императивную модальность высказывания могут указывать некоторые модальные глаголы. В основном принято считать, что для прямого указания или императива мы можем использовать только такой сильный глагол, как *must*, но определенная интонация и контекст могут расширить круг глаголов, указывающих на императивную модальность высказывания.

Один из самых сильных модально-окрашенных глаголов *must* используется в английском языке не очень часто. В основном он при-

обретает возвратный характер, когда автор высказывания обращает императив на самого себя, тем самым усиливая стремление говорящего к выполнению какого-либо действия. «*I must have at least half an hour to compose myself into an attitude befitting such an extensive reception*» [309, p. 51]. «*He забывай, что у нас сегодня будет больше ста гостей и мне нужно хотя бы полчаса, чтобы подготовиться к такому большому приему*» [273, с. 323]. На татарский язык такие предложения часто переводятся при помощи глагола *кирэк*, который в сочетании с другими глаголами на *-арга/ -эргә* и *-ырга/-ергә* или же просто с именами существительными, как в данном примере, обозначает необходимое действие. «*Шуны бел: бүген безгә йөздән артык кунак киләчәк. Шул зур мәҗлескә хәзерләнгү өчен миңа ярты гына сәгатъ булса да вакыт кирәк*» [332, 68 б.]

Отрицательная форма модального глагола *must* имеет двойкий характер: она может как напрямую запрещать определенное действие, так и носить менее императивный характер, и по цели высказывания предложение будет больше похоже на совет, нежели на прямой приказ. «*You mustn't take all this too seriously; I dare say I made the worst of things, and really it wasn't so bad the first year and a half*» [316, p. 174]. «*He придавайте всему этому такого значения. Я, пожалуй, изобразил свое прошлое в слишком мрачном свете. В действительности первые полтора года были вовсе не так плохи*» [255, с. 44]. В зависимости от уровня формальности предложения такого типа могут быть переведены двумя способами: просто глаголом в повелительном наклонении или же сочетанием глагола в повелительном наклонении и усилительной частицы *ла* или *лә*, которые больше относятся к просторечию и не употребляются в формальной речи. В данном случае переводчик прибегает к использованию данной частицы: «*Ул чаклы исеgez китмәсен лә! Үткәнемне чамасыз кара буяуларга буядым, ахры. Чынында исә әүвәлге ел ярымы алай зарланьрлык та булмады*» [321, 155 б.]

При этом важно отметить, что императивная модальность может выражаться не только прямыми приказами или указами на выполнение какого-либо определенного действия, но подталкивать или настраивать на определенный акт иносказательными способами. Это могут быть и некоторые полумодальные глаголы или глаголы, которые могут содержать в себе оттенки повелительного наклонения. При этом они могут носить рекомендательный характер (*need, ought to,*

used to), характер обреченности (*have to, be to, be allowed to, be forced to, be obliged to, be supposed to*). Когда речь идёт об императиве в косвенной речи, мы можем прибегнуть к использованию простых глаголов, которые косвенно указывают на доминирующие отношения (*demand, forbid, force, involve, let, make, mean, oblige, permit, prohibit, require, want*). Они в рамках изъявительного наклонения могут передавать императивные отношения (прямой приказ, просьбу, совет или пожелание) и влиять на атмосферу художественного произведения. Например, в следующем примере английский глагол *let* употребляется в речи маленького ребёнка и сводится к просьбе, и вспомогательный глагол *do*, который маленький ребёнок употребляет перед глаголом, усиливает речь и даже превращает её в настойчивую просьбу. «*O, do let me! I brought a flower, – such a pretty one!*” said Topsy, holding up a half-blown tea rose-bud. “*Do let me put just one there*» [311, p. 215]. «Пусти меня! Я принесла цветок – смотри, какой красивый! – И Топси вытащила из-под передника чайную розу. – Я положу ее туда... Ну, позволь!» [252, с. 327]. Перевод на татарский язык происходит непосредственно при помощи основной формы повелительного наклонения глагола 2-го лица единственного или множественного числа: «Жибәр мине! Мин чәчәк алып килдем... бик матур чәчәк... – диде ул һәм итәк астыннан яңа гына ачылып килә торган кызыл чәчәк чыгарды. – Мин аны Ева өчен өзеп кердем» [322, 276 б.]

Часто глаголы, указывающие на императивную модальность, употребляются в художественном повествовании и описывают доминирующее влияние, когда один из героев вынужден выполнять чьи-либо указания или приказы. В следующем примере таким глаголом является глагол *to force*. Указанный глагол говорит нам о том, что действие в данном отрывке совершается вопреки желаниям одного из героев. «*Marvel, head down, and lugging back obstinately, was forced to the kitchen door, and the bolts were drawn*» [320, p. 89]. «Марвел, нагнув голову, упирался, но его все же дотащили до двери во двор. Засов отодвинулся» [280, с. 173]. На татарский язык мы переводим предложение так: «Марвел башын аска бөгеп карышып карады, шулай да аны каралтыга чыга торган ишек төбенә сөйрәп китерделәр. Эшермәле бик ачылып китте» [342, 77 б.] Мы видим, что глагол, который в английском языке употребляется в пассивной форме прошедшего времени (Past Indefinite Passive) и обозначает

принуждение, при переходе на татарский язык приобретает прошедшую категорическую форму на *-ды/-де*, к которой примыкает аффикс 3-го лица множественного числа на *-лар/-ләр*. Основное значение носит деепричастная форма, употребляющаяся перед глаголом *сөйрәп*.

При сильном побуждении к действию, при настоятельном уговоре или в случае, когда кого-то заставляют совершить определенное действие, в английском языке употребляется конструкция с глаголом *to make*. «*But she made me swear, first, never to reveal the hiding- place; and I never have*» [307, p. 248]. «*Только сперва взяла с меня клятву, что я вовек не выдам их убежище, и я не выдал*» [266, с. 244]. В татарском языке данный глагол имеет эквивалент и переводится практически без смысловых потерь: «*Тик ул үзләренең кайда яшәгәннәрен берәүгә дә әйтмәскә ант иттерде*» [328, 210 б.] Значение императива в данном случае передает глагол *ит*, который, видоизменяясь, передаёт значение английского *to make*. Форма на *-тыр/-тер*, *-тар/-тәр* передаёт побудительную модальность, форма на *-ды/-де*, *-ты/-те* относит действие к прошедшему времени. В зависимости от контекста можно также употреблять татарское прилагательное *мәҗбүр* в сочетании с глаголом *ит/итү*.

Очень часто императивный оттенок в английском языке несут формы субъюнктива (Subjunctive Mood): *God forbid that any act or thought of mine should lead to such a change! exclaimed the young man, whose eye never quailed under the penetrating look it encountered* [300, p. 179]. «*Не дай бог, чтобы какой-нибудь мой поступок или даже мысль не повлекли за собой такую перемену! – воскликнул молодой человек, ни на секунду не потупив глаза под испытующим взором Манроу*» [265, с. 582]. При переводе на татарский язык истинная модальность предложения теряется: «*Мин беркайчан да андый коточкыч үзгәрешкә сәбәп булырлык эш эшләмиячәкмен, хәтта бу турыда уйлап та карамыячакмын! – диде яшь егет; үз-үзенә төбәлгән үткен караштан башын имәде, күзләрен читкә алмады*» [326, 178 б.] Переводчик в данном случае прибегает к форме категорического будущего времени на *-ачак/-ячәк* и привносит в предложение оттенок реальной модальности. Но можно было бы его сохранить, организовав предложение немного по-другому – с использованием императивной формы, обращенной к 3-му лицу, на *-сын/-сен*: «*Мине мондый коточкыч үзгәрешкә сәбәп булырлык эшләр эшләүдән,*

хәтта бу турыда уйлаудан Алла бер үзе генә сакласын инде!» (перевод наш)

Одним из вариантов иносказательного императива могут быть формы с английским глаголом *want*, который обычно выражает желание говорящего о выполнении какого-либо действия его собеседником. *"Tom," said his master, kindly, "I want you to notice that I give this gentleman bonds to forfeit a thousand dollars if you are not on the spot when he wants you; he's going today to look after his other business, and you can have the day to yourself. Go anywhere you like, boy"* [311, p. 42]. «Том, – ласково начал мистер Шелби, – я хочу, чтобы ты знал следующее: если тебя не окажется на месте, когда этот джентльмен за тобой придет, мне придется уплатить ему тысячу долларов неустойки. Сегодня он займется другими делами, и ты волен располагать собой. Можешь отлучиться куда угодно» [252, с. 65]. При переводе автор смягчает обращение хозяина к своему рабу, и не употребляет прямого перевода слова *want* (*хотеть*), так как татарский мир довольно далёк от рабовладельческих отношений и может не понять прямого перевода. «Том, – диде хужса ягымлы гына итеп. – Мин сиңа шуны әйтмәкче идем: әгәр син бу әфәндегә кирәк булганда үз урыныңда булмасаң, мин аңа мең доллар түләргә тиеш булачакмын. Хәзер ул үз эшләре белән китә, син бүген үз иркеңдә. Бар, берәр жәиргә барып йөрөп кайт» [322, 74 б.] В то же время есть возможность прямого перевода с сохранением всех модальных отношений высказывания при помощи слова **телим**, которое как раз указывает на пожелание говорящего. «Том, – диде хужса ягымлы гына итеп. – Мин сиңең шуны **исендә тотуыңны телим**: әгәр син бу әфәндегә кирәк булганда үз урыныңда булмасаң, мин аңа мең доллар түләргә тиеш булачакмын. Хәзер ул үз эшләре белән китә, син бүген үз иркеңдә. Бар, берәр жәиргә барып йөрөп кайт» (перевод наш). Также для большего смягчения обращения можно воспользоваться формой сослагательного наклонения на *-ар/-ыр, -ер* (*теләр идем*): «Том, – диде хужса ягымлы гына итеп. – Мин сиңең шуны **исендә тотуыңны теләр идем**: әгәр син бу әфәндегә кирәк булганда үз урыныңда булмасаң, мин аңа мең доллар түләргә тиеш булачакмын. Хәзер ул үз эшләре белән китә, син бүген үз иркеңдә. Бар, берәр жәиргә барып йөрөп кайт» (перевод наш). Такая форма абсолютно уравнивает собеседников в их статусах и социальном положении, что

в данном случае, при беседе раба с хозяином, недопустимо. Резюмируя, можно представить данные в табл. 8.

Таблица 8

Форма передачи императивной модальности в английском языке	Средства сохранения императивной модальности при переходе на татарский язык
Основная форма глагола – инфинитив без частицы <i>to</i> (имеется и отрицательная форма императива, которая образуется при помощи вспомогательного глагола <i>do</i> и отрицательной частицы <i>not</i>)	Представлена основной формой глагола – формой 2-го лица единственного числа. При этом может прибавлять и окончание множественного числа (отрицательная форма в татарском языке образуется при помощи отрицательного аффикса <i>-ма, -мә</i>).
Форма усиленного императива <i>do + inf</i>	В татарском языке выражается при помощи особой интонации и дополнительных лексических элементов, которые прибавляются к основной императивной форме (частица <i>але</i> и глагол <i>кур</i>).
Смягченная форма императива, образованная при помощи слова <i>please</i>	В татарском варианте передается лексически прямым эквивалентом – <i>зинһар</i> .
Обороты « <i>Would you...</i> » или « <i>Will you ...</i> »	Переводится в основном особым способом смягчения просьбы при помощи окончания <i>-чы/-че</i> или при помощи слова <i>мөмкинме</i> , которое является эквивалентным.
Форма усиления и проявления раздраженности со словом <i>you</i>	Переводится при помощи прямого перевода – слова <i>син</i> , которое несёт в себе аналогичный эмоционально-волевой фон.

Форма передачи императивной модальности в английском языке	Средства сохранения императивной модальности при переходе на татарский язык
Модальный глагол (часто употребляется в отношении к самому себе) <i>must</i>	Может переводиться при помощи лексических элементов – слов <i>кирәк</i> и <i>тиеш</i> после инфинитива, образованного при помощи основы глагола и окончаний <i>-арга/ -эргә</i> и <i>-ырга/ -ергә</i> . При этом слово <i>тиеш</i> употребляется в случае обязательного к выполнению приказа, а слово <i>кирәк</i> носит более рекомендательный характер. Возможно также обозначение глагола при помощи сочетания глагола в повелительном наклонении и усилительной частицы <i>ла</i> или <i>лә</i> , которая больше характерна для просторечия.
Другие глаголы, которые могут носить оттенки императивной модальности: рекомендательный характер (<i>need, ought to, used to</i>), характер обреченности (<i>have to, be to, be allowed to, be forced to, be obliged to, be supposed to</i>). Когда речь идет об императиве в косвенной речи, мы можем прибегнуть к использованию простых глаголов, которые косвенно указывают на доминирующие отношения (<i>demand, forbid, force, involve, let, make, mean, oblige, permit, prohibit, require, want</i>).	Имеют эквиваленты в татарском языке: need – <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>кирәк</i> ; ought to – <i>-арга/ -эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>кирәк, тиеш</i> ; have to – <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глаголы <i>мәҗбүр булу, тиеш, кирәк</i> ; be to – категорическая форма будущего времени на <i>-ачак/- эчәк</i> , форма <i>-арга/ -эргә</i> и <i>-ырга/ -ергә</i> + глагол <i>тиеш, кирәк</i> ; be allowed to – <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>мөмкин</i> ; be forced to – прошедшее категорическое время в 3-м лице множественного числа;

Форма передачи императивной модальности в английском языке	Средства сохранения императивной модальности при переходе на татарский язык
	<p>be obliged to – <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>мәжбүр, тиеш</i>;</p> <p>be supposed – <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>мәжбүр, тиеш</i>;</p> <p>to demand – отглагольное существительное на <i>-ү/-у</i> + глагол <i>тиеш</i> или <i>сорала</i>;</p> <p>forbid – <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>ярамый</i>;</p> <p>force – <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>мәжбүр, тиеш</i>;</p> <p>involve – форма на <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>мәжбүр иту/булу</i>;</p> <p>let – форма на <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>рөхсәт иту</i>;</p> <p>make – форма на <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>мәжбүр иту</i>;</p> <p>mean – отглагольное существительное на <i>-ү/-у</i> + глагол <i>тиеш, көтелә</i> или <i>сорала</i>;</p> <p>oblige – отглагольное существительное на <i>-ү/-у</i> + глагол <i>тиеш</i> или <i>сорала</i>;</p> <p>permit – форма на <i>-арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>рөхсәт иту</i>;</p> <p>prohibit – отглагольное существительное на <i>-ү/-у</i> + глагол <i>тыела</i>;</p> <p>require – отглагольное существительное на <i>-ү/-у</i> + <i>сорала, -арга/-эргә</i> и <i>-ырга/-ергә</i> + глагол <i>мәжбүр, тиеш</i>;</p>

Форма передачи императивной модальности в английском языке	Средства сохранения императивной модальности при переходе на татарский язык
	want – отглагольное существительное на -y/-y + глагол <i>теләу</i> или <i>сорала</i> ;
Глагол <i>to make</i>	В основном переводится при помощи слова <i>мәҗбур</i> в сочетании с глаголом <i>ит/итү</i> .

Выражение повелительного наклонения в татарском языке схоже с повелительными формами английского, так как и в английском, и в татарском языках для выражения императивной модальности мы используем определенную форму глагола и различные лексические элементы.

Вторая глава данного исследования посвящена изучению проблемы проявления категории модальности, в сравнительно-сопоставительном плане, в рамках художественного произведения. При этом рассматриваются такие стороны категории модальности, как реальность, ирреальность и императивность. В основу исследования положен широкий подход к понятию «модальность». При этом мы говорим о таких средствах выражения категории модальности, как просодические: интонация, включающая в себя фразовое и логическое ударение, паузу, ритм, тебр, темп и тон; грамматические: наклонение и временные формы английского глагола; лексические, включающие слова с модальным значением, глаголы мыслительной деятельности, модальные глаголы, вводные слова, союзы и различные модальные словосочетания и фразы; стилистические средства, включающие различные стилистические приемы и средства, которые употребляются для выражения отношений, оценки и т. д. Использование всего спектра проявления категории модальности позволяет нам исследовать практически все слои языкового проявления в художественном тексте.

Синтетические формы проявления модальности в английском языке опираются на временные формы глагола в Present Indefinite (studies) и Past Indefinite (studied), которому в татарском языке соответствуют настоящее время на -а, -ә, -ый, -и, прошедшее категориче-

ское время на *-ды/-де*, прошедшее результативное на *-ган/-гән*, будущее неопределенное на *-ыр, -ер, -р* и будущее категорическое время на *-ачак, -эчәк, -ячак, -ячәк*. Аналитические формы, выраженные 14 временами английского глагола, в татарском языке отражаются через прошедшее незаконченное время на *-а иде, -ә иде, -ый иде, -и иде*, преждепрошедшее время на *-ган иде/-гән иде*, прошедшее многократное время *-а/-ә/-и/-ый торган иде* и прошедшее в будущем на *-ачак/-эчәк иде*.

Изучение функционально-семантической категории модальности в сравнительно-сопоставительном плане усложняет тот фактор, что и английский, и татарский языки содержат большое количество временных форм (в английском языке – 16, в татарском языке – 9), употребление которых во многом зависит от контекста и зачастую может сильно отличаться от первичных функций. Но наличие столь разветвленной временной системы сближает изучаемые языки.

Изучив вопрос проявления реальной модальности в английском и татарском языках в сопоставительном плане, мы пришли к выводу, что и в английском, и в татарском языках реальная модальность выражается формами изъявительного наклонения с той лишь разницей, что в английском языке это 12 основных временных форм, а в татарском языке – 9. В ходе исследования было выявлено, что формам Present Indefinite (*works*) и Present Continuous (**am/is/are working**) соответствует настоящее время, выраженное формами татарского глагола на *-а, -ә, -ый, -и*. Английский глагол в Present Perfect (**have/has worked**) при переводе на татарский язык обозначается формами прошедшего категорического времени на *-ды, -де, -ты, -те* и прошедшим результативным временем на *-ган, -гән*. За Present Perfect Continuous (**have/has been working**) в татарском языке отвечает форма настоящего времени на *-а, -ә, -ый, -и*, а форма Past Indefinite (**worked**) переводится как прошедшее категорическое время на *-ды, -де, -ты, -те* и прошедшее результативное на *-ган, -гән*. Английскую форму Past Continuous (**was/were working**) заменяют прошедшее незаконченное время на *-а иде, -ә иде, -ый иде, -и иде* и прошедшее в будущем на *-ачак/-ячәк иде*. Глаголы в Past Perfect (**had worked**) необходимо переводить, используя татарское преждепрошедшее время на *-ган иде, -гән иде*, в то время как Past Perfect Continuous (**had been working**) предполагает использование прошедшего незаконченного времени на *-а иде, -ә иде, -ый иде, -и иде* и

прошедшего многократного времени на *-a торган иде*. Английские предложения в форме Future Indefinite (**will work**) на татарский язык переводятся в будущем неопределённом времени на *-ыр, -ер, -р* и будущем категорическом на *-ачак, -эчэк, -ячак, -ячэк*. Английским Future Continuous (**will be working**), Future Perfect (**will have worked**) и Future Perfect Continuous (**will have been working**) соответствует будущее категорическое время на *-ачак, -эчэк, -ячак, -ячэк*.

Важно также отметить, что в процессе перевода с английского языка на татарский не всегда сохраняется та временная форма, которая изначально предполагается языковыми нормами. В рамках художественного произведения важную роль играют контекст, атмосфера произведения, переживания героев. Поэтому предложения, изначально представленные в настоящем времени, вполне могут быть переведены на татарский язык в будущем или прошедшем времени, если это необходимо для передачи начальной идеи автора. То же самое может происходить и с модальным значением, которое также может варьироваться в зависимости от контекста и цели высказывания. Например, предложение, выражающее реальную модальность в английском языке, может переводиться как ирреальная или императивная форма татарского языка. Такие трансформации вызваны необходимостью сохранения атмосферы произведения.

Ирреальная модальность, которая в английском языке часто выражается через субъюнктив и сослагательное наклонение (сослагательное наклонение также выражается и при помощи лексических элементов языка), при переходе на татарский язык передается при помощи форм *-ыр/-ер иде, -ар/-эр иде, -ган/-гэн булыр иде, -ачак/-ячэк иде, булган; -а/-ә иде*. Также для более точной передачи информации могут использоваться слова с «сослагательным значением», то есть слова, которые указывают на неуверенность в выполнении, неоднозначность или невозможность какого-либо действия. В английском языке это слова и конструкции *should + infinitive, would rather, It's time, suppose, what if, think, wish* и иные лексические средства, которые в татарском языке обозначаются сложным сочетанием временных форм и отдельных лексических элементов. В процессе перевода нет возможности использовать фиксированные фразы. Необходимо учитывать атмосферу художественного произведения и специфику контекста. Тем не менее, можно определить основные элементы, отвечающие за передачу ирреальной модальности. Это аффикс ирре-

альности *-ма/-мә* и аффикс условности *-са/-сә* + глагол, форма на *-ган/-гән булыр иде*, форма настоящего времени и формы на *-са... -ыр иде* + *-арга булыр иде*, форма на *-ә/-а булыр иде*, конструкции *вакыт житте* + глагол настоящего времени на *-ый*, слово *әгәр* и аффикс условности *-са/-сә* + *булыр икән*, слово *әгәр дә ... -сә/-са*, аффикс условности *-са/-сә* + ирреальный аффикс *-ыр иде*. Также могут использоваться иные лексические эквиваленты *киңәш итәм, кирәк* и др.

Формы сослагательного наклонения английского языка обычно передаются различными формами татарского глагола. Так, в некоторых случаях, в зависимости от контекста и заключенной идеи одни и те же формы могут быть переведены по-разному. Например, Zero Conditional, или нулевой тип условных предложений, выраженный в английском языке формами Present Indefinite + Present Indefinite, на татарский язык может переводиться формой сослагательного наклонения на *-ыр, -ер* или *-р иде*. Данная конструкция обычно употребляется, когда атмосфера произведения унылая и для главного героя сложилась такая ситуация, которая не предвещает ничего хорошего. Также могут использоваться формы на *-ачак/- әчәк, -ячак/-ячәк*. Будучи показателем категорического будущего времени, данная форма может указывать на гипотетическое действие, которое является для говорящего больше желаемым, нежели доступным и реальным для выполнения. Форма на *-арга/-әргә, -ырга/-ергә* + *кирәк* определяет необходимость выполнения действия в будущем, указывая при этом на несостоятельность действия в настоящем.

Для передачи грамматической формы First Conditional – первого типа условных предложений, выраженного временными конструкциями Present Indefinite + Future Indefinite, в татарском языке мы используем форму настоящего времени на *-а/-ә, -ый/-и*, форму будущего времени на *-ачак/ - әчәк* и конструкцию на *-ырга/-ергә, -арга/ -әргә* + *кирәк*. Формами настоящего времени, а также отрицательной формой будущего времени на *-мас*, формой неочевидного прошедшего времени на *-ган/- гән, -кан/-кән* и *-ган булыр иде* мы передаём второй тип условных предложений, известный в грамматике как Second Conditional и выраженный конструкцией Past Indefinite + Future in the Past Indefinite. За третий тип условных предложений или Third Conditional, где главное предложение передается через Future in the Past Perfect, а второстепенное – формой Past Perfect, в татарском языке выступают формы на *-ыр иде* (которая указывает на ирреальную модальность

высказывания и гипотетичность действия), на *-кан/-кән, -ган/-гән булыр иде* (которая передает полнейшую ирреальность высказывания), на *-кан/-кән, -ган/-гән + иде* без слова *булыр* (которая эквивалентна по смыслу предыдущей форме). Смешанные типы условных предложений, обозначаемые как Mixed Conditional и состоящие из Past Indefinite, Past Perfect + Future in the Past, Future in the Past Perfect в различных сочетаниях, переводятся как форма настоящего времени, форма прошедшего времени на *-ган/-гән, -кан/-кән булыр иде*, форма на *-ыр/-ер* с окончанием 2-го лица будущего времени *-сең*, и форма будущего времени на *-ыр/-ер* с добавлением окончания 2-го лица будущего времени на *-сың/-сең*.

Лексические средства передачи ирреальной модальности часто находят эквиваленты в татарском языке, об этом говорят созвучные по смыслу переводы с английского языка на татарский. Практически каждая английская форма, выражающая ирреальность, может быть дословно переведена на татарский язык без потери оригинального замысла. *Unlikely* – имеет прямой перевод на татарский язык (*ошамаган*), который обычно не употребляется в художественном произведении, может также переводиться через частицу *микән*, указывающий на ирреальность высказывания, так как говорящий не уверен в том, что говорит. *Probably* – соответствует слову *мөгаен*, которое эквивалентно употребляется в татарском языке. *Might* – соотносится с татарским *бәлкем/балки*. Конструкция *as if* обычно переводится как *әйтерсең*, но также могут встречаться слова *уйларсың, ышанырсың* и др. Future in the Past в сочетании с конструкцией *to be likely* переводится татарской формой на *-ыр/-ер иде*. Грамматические формы разделительного (Disjunctive Question) и альтернативного вопросов (Alternative Question) передаются так же, как в английском языке, замыкаясь фразами «*әйе бит*», «*дәрес бит*» и сочетаниями *шулай да*, окончаниями *-мы/-ме*, соответственно.

Основу императива как в английском, так и в татарском языке представляет определённая форма глагола. Данная форма глагола в обоих языках совпадает с начальной формой и вызывает многочисленные споры. При этом важно отметить, что побудительная модальность имеет несколько уровней в зависимости от силы и цели высказывания. Так, императивная модальность может быть основной, без дополнительных эмоций и модальных элементов, может быть усиленной или, наоборот, смягченной, сообщать о раздражённости гово-

рящего или выражать дополнительные значения долженствования, необходимости, рекомендации и т. д. Для выражения императива в английском языке могут быть привлечены многочисленные лексические элементы, которые в татарских переводах часто замещаются лексически.

Императив татарского языка сам по себе является более мягким, не содержит резкости. Это, скорее, связано с бытом и толерантным отношением татар друг к другу, которое сложилось как культурно, так и исторически (татарский народ никогда не участвовал в захватнических войнах и не был вовлечен в рабовладельческие отношения).

Императивная форма, выраженная инфинитивом без частицы *to* (имеется и отрицательная форма императива, которая образуется при помощи вспомогательного глагола *do* и отрицательной частицы *not*) в татарском эквиваленте также представлена основной формой глагола – формой 2-го лица единственного числа. При этом может прибавлять и окончание множественного числа (отрицательная форма в татарском языке образуется при помощи отрицательного аффикса *-ма, -мә*).

Английская форма усиленного императива *Do + inf* при переводе выражается особой интонацией и дополнительными лексическими элементами, которые прибавляются к основной императивной форме (частица *але* и глагол *күр*).

Смягченная форма императива, образованная при помощи слова *please*, в татарском варианте передается лексически прямым эквивалентом *зинһар*.

Обороты «*Would you...*» или «*Will you ...*» обычно переводятся особым способом смягчения просьбы при помощи окончания *-чы/-че* или слова *мөмкинме*.

Форму усиления и проявления раздраженности со словом *you*, распространённую в английском языке, можно передать словом *син*, который несет в себе аналогичный эмоционально-волевой фон.

Модальный глагол (часто употребляется в отношении к самому себе) *must* может переводиться при помощи лексических элементов – слов *кирәк* и *тиеш* после инфинитива, образованного при помощи основы глагола и окончаний *-арга/-әргә* и *-ырга/-ергә*. При этом слово *тиеш* употребляется в случае обязательного к выполнению приказа, а слово *кирәк* носит более рекомендательный характер. Возможно также обозначение глагола при помощи сочетания глагола в повелительном наклонении и усилительной частицы *ла* или *лә*, которое больше

характерно для просторечия. Другие глаголы, которые могут носить оттенки императивной модальности: рекомендательный характер (*need, ought to, used to*), характер обреченности (*have to, be to, be allowed to, be forced to, be obliged to, be supposed to*), косвенно указывающие на доминирующие отношения (*demand, forbid, force, involve, let, make, mean, oblige, permit, prohibit, require, want*), находят лексические аналоги в татарской речи:

- **need** – *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *кирэк*;
- **ought to** – *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *кирэк, тиеш*;
- **have to** – *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глаголы *мәжбүр булу, тиеш, кирэк*;
- **be to** – категорическая форма будущего времени на *-ачак/-эчэк*, форма *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *тиеш, кирэк*;
- **be allowed to** – *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *мөмкин*;
- **be forced to** – прошедшее категорическое время в 3-м лице множественного числа;
- **be obliged to** – *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *мәжбүр, тиеш*;
- **be supposed** – *-арга/ эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *мәжбүр, тиеш*;
- **to demand** – отглагольное существительное на *-ү/-у* + глагол *тиеш* или *сорала*;
- **forbid** – *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *ярамый*;
- **force** – *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *мәжбүр, тиеш*;
- **involve** – форма на *-арга/ -эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *мәжбүр иту/булу*;
- **let** – форма на *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *рөхсәт иту*;
- **make** – форма на *-арга/-эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *мәжбүр иту*;
- **mean** – отглагольное существительное на *-ү/-у* + глагол *тиеш, көтелә* или *сорала*;
- **oblige** – отглагольное существительное на *-ү/-у* + глагол *тиеш* или *сорала*;
- **permit** – форма на *-арга/ -эргэ* и *-ырга/-ергэ* + глагол *рөхсәт иту*;
- **prohibit** – отглагольное существительное на *-ү/-у*+ глагол *тыела*;

– **require** – отглагольное существительное на -ү/-у + *сорала*, -*арга/-эргә* и -*ырга/-ергә* + глагол *мәҗбүр*, *тиеш*;

– **want** – отглагольное существительное на -ү/-у + глагол *теләү* или *сорала*.

Английский глагол *to take* в основном переводится при помощи слова *мәҗбүр* в сочетании с глаголом *ит/итү*.

Таким образом, в процессе передачи модальности художественного текста, наряду с интонацией, участвует большое количество грамматических структур и стилистических конструкций, что ещё раз подтверждает сложность и многогранность данной функционально-семантической категории.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данном исследовании мы рассмотрели особенности проявления модальности англо-американского художественного текста при переходе с английского языка на татарский. Работа носит двусторонний характер: с одной стороны, мы изучили проявление языковой категории модальности в оригинальных англо-американских текстах, подробно остановились на вопросах реальности, ирреальности и императивности модальных отношений, с другой стороны, сопоставляли оригиналы художественной литературы с их переводами на татарский язык, выявляя особенности перевода анализируемого языкового материала с английского на татарский язык. Таким образом мы получили детальный сопоставительный анализ языковых элементов в рамках оригинального художественного произведения, тем самым продолжая работу по сопоставительному изучению неродственных языков.

В ходе анализа литературы мы выявили, что сама категория модальности в лингвистике не является однозначной и требует дальнейших углублений и уточнений. Также стало известно, что категорией модальности текста впервые заинтересовались зарубежные ученые. Подходы к пониманию самой категории модальности в западном мире и в кругах российских учёных немного отличаются, так как лингвисты Запада смотрят на модальность как на всеобъемлющую категорию, которая проявляется в рамках практически любой временной формы и определяет основу любого высказывания. В основном ученые оперируют степенями модальности – реальностью, ирреальностью, императивностью.

У российских учёных, в силу особенности русского языка, сложился несколько другой подход к изучению данной категории, когда модальность рассматривается не как отдельный элемент языкознания, а как проявление отношения говорящего к высказыванию. Иначе говоря, западный мир больше обращает внимание на объективную сторону данной категории, а среди российских ученых центральным является субъективное отношение к высказыванию. В данной ситуации лингвисты, изучающие татарский язык, занимают срединное положение (так как татарский язык образует и синтетические, и аналитические конструкции) и рассматривают категорию модальности как переходную, которая является дополнительным элементом языка и

возникает на базе морфологических и функционально-семантических средств языка. Позднее появляются работы, которые рассматривают категорию модальности более широко, признают модальные слова отдельными частями речи. Тем не менее, только некоторые из ученых говорят о модальности высказывания. Больше внимание уделяется описанию модальных слов, которые и образуют различные модальные отношения в тексте.

Само понимание категории модальности подразумевает два универсальных для языкознания подхода: широкий и узкий. В случае обозначения больших границ для категории модальности она воспринимается как обязательный элемент любого высказывания на любом языке, так как человек не может построить речь без самовыражения. В более узком понимании модальность рассматривается только как совокупность определенных лингвистами лексических элементов, которые используются для выражения отношений между говорящим и высказыванием и высказанного к действительности.

Изучая выражение категории модальности в рамках англо-американских художественных произведений XIX–XX веков, мы пришли к выводу, что модальность художественного текста невозможно рассматривать просто как чисто грамматическую или лексическую категорию и изучать на конкретных примерах, изолируя при этом неудобные примеры, так как практика перевода англо-американских произведений на татарский язык показала, что одни и те же модальные значения на разных языках или даже в разных контекстах могут передаваться по-разному. Таким образом, основным определяющим фактором категории модальности художественного текста в первую очередь является контекст и атмосфера самого произведения, видение автором проблемы, описываемой в произведении, а зачастую – и характер протекания действий. Художественные произведения могут определять совершенно разный потенциал одним и тем же функционально-семантическими элементами в зависимости от их места в произведении. Так, императив может превратиться в ирреальное высказывание, утвердительное предложение может передавать отношения оценки и т. д.

Остановившись на вопросах перевода англо-американских художественных произведений, также необходимо отметить, что нет прямых переводов с английского на татарский язык, а все существующие переводы представляют собой переводы с русского языка. Между пе-

реводами на русский и татарский языки проходят десятилетия, переводчики не имеют возможности скооперироваться в возникающих вопросах с авторами оригинальных произведений или с переводчиками на русский язык, что приводит к существенным различиям в содержании и атмосфере конечного текста. В свою очередь, это усложняет восприятие отдельных моментов художественного текста. Очень часто при переходе от одного языка к другому меняется и структура самого произведения, происходят сокращения и опущения (иногда целых глав), некоторые работы получаются в виде коротких пересказов или изложения по оригинальному тексту. У переводчиков на татарский язык не было возможности обратиться к оригиналу из-за языкового барьера, а русский вариант не содержал все элементы языка вследствие недосмотра или упущения переводчика на русский язык.

В современном мире, при культурной и языковой интеграции, появляется возможность подойти к вопросу перевода художественных произведений через изучение особенностей организации текста – так называемого «невидимого языка» – модальных отношений в контексте, которые зачастую передаются не определенным лингвистическим элементом, а целым комплексом грамматических, морфологических, лексических и семантических мер. Изучение основ проявления модальности в контексте художественного произведения дает нам возможность глубже понять суть и замысел англо-американских художественных произведений.

Реальная модальность в английском и татарском языках выражается временными формами глагола. Из 16 времён английского глагола на реальность обычно указывают 12 форм (Present Indefinite, Present Continuous, Present Perfect, Present Perfect Continuous, Past Indefinite, Past Continuous, Past Perfect, Past Perfect Continuous, Future Indefinite, Future Continuous, Future Perfect, Future Perfect Continuous), а остальные 4 (Future in the Past Simple, Future in the Past Continuous, Future in the Past Perfect, Future in the Past Perfect Continuous), известные как Future in the Past (прошедшее в будущем), говорят о гипотетичности действия. Татарский язык оперирует 9 формами времени (настоящее время (-а, -ә, -ый, -и), прошедшее категорическое время (-ды, -де), прошедшее результативное (-ган, -гән), будущее неопределённое (-ыр, -ер, -р), будущее категорическое (-ачак, -әчәк, -ячак, -ячәк), прошедшее незаконченное время (-а иде, -ә иде, -ый иде, -и иде), преждепрошедшее время (-ган иде, -гән иде), прошедшее много-

кратное время (*-а торган иде*), прошедшее в будущем (*-ачак иде*), которые могут полноценно заменить при переводе все существующие английские формы. Это происходит при помощи особой организации предложения и привлечения дополнительных лексических элементов.

Ирреальная модальность, выраженная в английском языке формами субъюнктива и сослагательного наклонения, в образовании которых могут участвовать сочетания с формами Future in the Past Simple и Future in the Past Perfect, на татарский язык передается при помощи глагольных форм на *-ыр иде*, *-ган буыр иде*, *-ачак иде*, *булган*; *-а иде* и дополнительных лексических элементов (*кирэк*, *мөмкин*, *вакыт эчитте*, *мөгаен*, *бәлкәм*, *бит*, *уйларсың*, *ышанырсың* и др.), использование которых зависит от цели высказывания и конкретного контекста, внутри которого происходит перевод. Ирреальное значение в английском языке может передаваться и посредством различных лексических элементов и конструкций: *unlikely*, *probably*, *might*, конструкция *as if*, Future in the Past в сочетании с конструкцией *to be likely*, разделительный вопрос (Disjunctive Question), альтернативный вопрос (Alternative Question) и др. В татарском языке им могут соответствовать как чисто лексические, так и морфологические формы, представленные аффиксами татарского глагола: глаголами *ошамаган*, *эйтәрсең*, *уйларсың*, *ышанырсың*, частицей *микән*, *мөгаен*, *бәлкәм/бәлки*, фразами «*эйе бит*», «*дөрөс бит*», сочетанием *шулай да*, при помощи вопросительных окончаний *-мы/-ме* и через форму на *-ыр/-ер иде*.

Императивная модальность английского и татарского языков в основном передается императивной (основной) формой глагола. При этом императив может иметь различные уровни в зависимости от цели высказывания (приказ, раздражение, просьба, мольба, поддержка и т. д.). Для этого в английском языке используется форма инфинитива без частицы *to*, к которой для усиления может быть добавлен вспомогательный глагол *do* (татарский эквивалент заключается в особой интонации и дополнительных лексических элементах *але*, *күр*). Отрицательная форма просто добавляет отрицательную частицу *not* после инфинитива (отрицательная форма в татарском языке образуется при помощи отрицательного аффикса *-ма/-мә*), смягченная форма образуется при помощи слова *please*, чему в татарском языке соответствует прямой эквивалент *зинһар*.

Для образования дополнительных форм выражения императивной модальности в художественных произведениях могут быть использованы речевые обороты «*Would you ...*» или «*Will you ...*» (передается в татарском языке при помощи окончания *-чы/-че* или при помощи слова *мөмкинме*). Для выражения раздражённости говорящего или приказного тона высказывания могут быть использованы предложения с местоимением *you* или же модальным глаголом *must*. Предложения такого типа используются крайне редко. Дополнительные значения императивной модальности передаются при помощи широкого спектра модальных слов и выражений (*need, ought to, used to, have to, be to, be allowed to, be forced to, be obliged to, be supposed to, demand, forbid, force, involve, let, make, mean, oblige, permit, prohibit, require, want*), которым соответствуют лексические средства татарского языка (*-арга/-эргә* и *-ырга/-ергә* + глагол *кирәк, мөмкин, тиеш, мәжбүр булу, ярамый, рәхсәт ителә*; формы на *-ү/-у* + глагол *тиеш, сорала, мәжбүр* и др.).

Подводя итог, можно сказать, что функционально-семантическая категория модальности является основным элементом художественного произведения, и представляет собой сложный комплекс просодических, грамматических, морфологических, лексических, стилистических и семантических структур. В связи с этим не существует конкретных формул переноса модального значения с английского языка на татарский язык.

Полноценный перевод художественных произведений возможен лишь при абсолютной языковой и культурной компетентности переводчика – человека, который способен переносить модальность художественного произведения напрямую, без языка-посредника, и с учётом степени нравственности и содержательности оригинального произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Список научной литературы

1. Абдуллин, Е. М. Английский подпласт заимствованной лексики современного татарского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02, 10.02.20 / Абдуллин Евгений Михайлович. — Казань, 2007. — 24 с.

2. Абдуллин, Е. М. Английский подпласт заимствованной лексики современного татарского литературного языка: дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.02: спец. 10.02.20 / Абдуллин Евгений Михайлович. — Казань, 2007. — 204 с.

3. Автономова, Н. С. Познание и перевод: опыт философии языка / Н. С. Автономова. — М.: РОССПЭН, 2008. — 702 с.

4. Агаева, Ф. А. Модальность как лингвистическая категория: (На материале туркменского и английского языков) / Ф. А. Агаева; отв. ред. А. А. Ахундов; Туркм. гос. ун-т им. А. М. Горького. — Ашхабад: Ылым, 1990. — 304 с.

5. Агашина, Н. М. Ирреальная модальность в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Агашина Наталья Михайловна. — Ставрополь, 2003. — 197 с.

6. Агуца, О. В. Вербальные функции модальных средств в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Агуца Оксана Викторовна. — Краснодар, 1998. — 24 с.

7. Акопова, А. Образ и художественный перевод / А. Акопова. — Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1985. — 149 с.

8. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 766 с.

9. Аракин, В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие / В. Д. Аракин. — 3-е изд. — М.: Физматлит, 2005. — 231 с.

10. Ардаширова, Р. Б. Сопоставительный анализ фразеологических единиц репрезентации концепта "сердце"/"йөрәк" в русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ардаширова Регина Борисовна. — Казань, 2011. — 22 с.

11. Ардаширова, Р. Б. Сопоставительный анализ фразеологических единиц репрезентации концепта «сердце»/"йөрәк" в русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ардаширова Регина Борисовна. — Казань, 2011. — 212 с.
12. Аристотель. Сочинения, в. 4 т. /Аристотель. — М., 1976–1984.
13. Арно, А. Грамматика общая и рациональная, содержащая основы искусства речи, изложенные ясным и естественным образом, толкование общего в языках и главные различия между ними, а также — многочисленные новые замечания о французском языке, написанная Антуаном Арно и Клодом Лансло: в прил. заметок Ш. Дюкло / пер. с фр., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой; общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. — М.: Прогресс, 1990. — 271 с.
14. Ахунзянова, Р. Р. Эпистемическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ахунзянова Раиса Рустямовна. — Набережные Челны, 2012. — 23 с.
15. Ахунзянова, Р. Р. Эпистемическая модальность и средства ее выражения в английском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Ахунзянова Раиса Рустямовна. — Казань, 2012. — 214 л.
16. Ахунзянова, Р.Р. Интерференциальная семантика английских модальных глаголов *should* и *ought* / Р. Р. Ахунзянова // Традиционное и новое в лексической и грамматической семантике: сборник материалов 1-й Всероссийской заочной научно-практической конференции. — Казань, 2011. — С. 159.
17. Аюпова, Р. А. Фразеологизмы-шекспиризмы и способы их перевода на татарский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Аюпова Роза Алляметдиновна. — Казань, 2001. — 23 с.
18. Аюпова, Р. А. Фразеологизмы-шекспиризмы и способы их перевода на татарский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Аюпова Роза Алляметдиновна. — Казань, 2001. — 229 с.
19. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Филология": практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. — 2-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2004. — 495 с.
20. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли; пер. с 3-го фр. изд. Е.В. и Т.В. Вентцель; ред.,

вступ. ст. и примеч. Р.А. Будагова. — 2-е изд., стер. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 416 с.

21. Бархударов, Л. С. Грамматика английского языка / Л. С. Бархударов, Д. А. Штелинг. — М.: Высшая школа, 1963. — 428 с.

22. Беляева, Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е. И. Беляева. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 180 с.

23. Белякова, Е. И. Translating from English: Переводим с английского: материалы для семинарских и практических занятий по теории и практике перевода (с английского на русский) / Е. И. Белякова. — СПб.: КАРО, 2003. — 160 с.

24. Биктемирова, Э. И. Основные положения теории перевода: учебное пособие / Э. И. Биктемирова. — Казань: ТГГПУ, 2008. — 105 с.

25. Бондаренко, В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке: дис. ... канд. филол. наук./ В.Н. Бондаренко. — М., 1977. — 211 с.

26. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко; под ред. В. М. Жирмунского; под ред. М. М. Гухмана. — Л.: Наука, 1971. — 114 с.

27. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики: темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. — Л.: Наука, 1990. — 262 с.

28. Бреус, Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский: учеб. пособие / Е. В. Бреус. — М.: Изд-во УРАО, 2001. — 103 с.

29. Буранов, Д. Б. Сравнительная типология английского и тюркских языков: учебное пособие для пед. ин-тов / Д. Б. Буранов. — М.: Высш. шк., 1983. — 267 с.

30. Ваулина, С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI-XVI вв.) / С. С. Ваулина. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. — 140 с.

31. Виноградов, В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1975. — 359 с.

32. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов // Труды института русского языка АН СССР. — М.; Л., 1950. — Т.2.

33. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы: избр. тр. / В. В. Виноградов. — М.: Наука, 1980. — 360 с.

34. Виноградов, В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков: учебник для филологических факультетов университетов / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1982. — 529 с.
35. Виноградов, В. В. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов; сост. В. Г. Костомаров и Ю. А. Бельчиков. — М.: Высшая школа, 1981. — 320 с.
36. Виноградов, В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов; под ред. Г. А. Золотовой; предисл. В. Костомарова. — М.: Русский язык, 2001. — 720 с.
37. Виноградов, В. С. Перевод: общие и лексические вопросы: учебное пособие / В. С. Виноградов. — М.: КДУ, 2004. — 235 с.
38. Винокур, Г. О. Избранные работы по русскому языку / Г. О. Винокур. — М.: Учпедгиз, 1959.
39. Волкова, Л. Б. Сравнительная типология категории модальности немецкого и татарского языков / Л. Б. Волкова. — Казань: КГПИ, 1988. — 40 с.
40. Воронова, Н. Г. Деятельностная модель интерпретации художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Воронова Надежда Геннадьевна. — Барнаул, 2000. — 17 с.
41. Востоков, А. Х. Русская грамматика Александра Востокова: по начертанию его же сокращенной Грамматики полнѣе изложенная. — СПб.: Типография И. Глазунова, 1831. — 408 с. — Режим доступа: https://books.google.ru/books?id=JDhAAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
42. Габдулхакова, И. М. Способы перевода художественно-образительных средств в произведениях А. Еники: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Габдулхакова Ильсеяр Масхутовна. — Казань, 2007. — 23 с.
43. Габдулхакова, И. М. Способы перевода художественно-образительных средств в произведениях А. Еники: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Габдулхакова Ильсеяр Масхутовна. — Казань, 2007. — 188 с.
44. Галь, Н. Слово живое и мертвое: из опыта переводчика и редактора / Н. Галь. — М.: Книга, 1975. — 191 с.
45. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 139 с.

46. Гатина, Р. Г. Модальность возможности и невозможности и средства ее выражения: на материале башкирского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гатина Рита Габитовна. — Уфа, 2007. — 175 с.
47. Гачечиладзе, Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г. Р. Гачечиладзе. — М.: Сов. писатель, 1980. — 255 с.
48. Геворкян, И. А. Расширенная метафора в произведениях современных британских писателей и способы ее передачи на русский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Геворкян Ирина Арцруновна. — Казань, 2013. — 206 с.
49. Гетьман, З. А., Архипович Т. П. Модальность как общетекстовая категория // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — № 2. — С. 34–39.
50. Гилемшин, Ф. Ф. Татарский перевод «Тысяча и одной ночи» (языковые и стилистические особенности): автореф. дис ... канд. филол. наук: 10.02.06 / Гилемшин Флер Фоатович. — Казань, 1998. — 19 с.
51. Гильфанов, Р. Т. Лексико-грамматические средства выражения модальности в неродственных языках (на материале немецкого и татарского языков) / Р. Т. Гильфанов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского ун-та (Казань, 4-6 окт. 2004 г.): труды и материалы. — Казань, 2004. — С. 140-141.
52. Гордон, Е. М. Модальность в современном английском языке: пособие по употреблению модальных глаголов и форм, обозначающих нереальность / Е. М. Гордон, И. П. Крылова. — М.: Междунар. отношения, 1968. — 135 с.
53. Громоздова, Л. В. Модальность утверждения и отрицания в английском и русском языках: Лингвопрагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Громоздова Лариса Васильевна. — Краснодар, 2001. — 162 с.
54. Гулыга, Е. В., Шендельс Е. И. К вопросу о языковых макро-микрополях / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс // Тезисы научн. конф. Уровни языка и их взаимодействие. — М., 1967. — 156 с.
55. Дерцакян, Р. А. Английский перфект в языке перевода художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Дерцакян Рипсиме Альбертовна. — М., 2005. — 15 с.

56. Дешериева, Т. И. Категория модальности в нахских и индоевропейских языках / Т. И. Дешериева. — М.: Наука, 1988. — 207 с.
57. Дешериева, Т. И. О состоянии модальности и предикативности / Т. И. Дешериева // Вопросы языкознания. — М., 1987. — № 1. — С. 34–45.
58. Ермолаева, Л. С. Система средств выражения модальности в современных германских языках (на материалах немецкого, английского, шведского, исландского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ермолаева Любовь Степановна. — М., 1964. — 15 с.
59. Закиев, М.З. Сопоставительный синтаксис русского и татарского языков: учебное пособие для студ. / М. З. Закиев. — Казань: КГПУ, 1997. — 87 с.
60. Закиев, М. З. Хэзерге татар әдәби теле / М. З. Закиев. — Казан: Татар китап нәшрияте, 2002. — 336 б.
61. Закирзянов, А. М. Современное татарское литературоведение: традиции и новые тенденции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Закирзянов Альфат Магсумзянович. — Казань, 2012. — 457 с.
62. Закирзянов, А. М. Современное татарское литературоведение: традиции и новые тенденции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 / Закирзянов Альфат Магсумзянович. — Казань, 2012. — 51 с.
63. Зверева, Е. А. Научная речь и модальность (Система английского глагола) / Е. А. Зверева. — Л.: Наука, 1983. 158 с.
64. Зеленщиков, А. В. Пропозиция и модальность: диссертация ... доктора филологических наук. — Санкт-Петербург, 1997. — 243 с.
65. Зәкиев, М. З. Хэзерге татар әдәби теле (синтаксис) = Современный татарский литературный язык (синтаксис): югары уку йорты студентлары һәм урта мәктәп укытучылары өчен кулланма / М. З. Зәкиев. — Казан, 1974. — 336 б.
66. Золотова, Г. А. О модальности предложения в русском языке / Г. А. Золотова // Филологические науки. — 1962. — № 4. — С. 65–79.
67. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова. — М., 1998. — 528 с.
68. Ибрагимова, А. Н. Интеграция иноязычного художественного текста о формировании межкультурной компетенции / А. Н. Ибрагимова // Образование и саморазвитие. — 2008. — № 3(9). — С. 79–84.

69. Ибрагимова, М. Ю. Ирреальная модальность и средства её передачи в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ибрагимова Муршида Юнусовна. — Казань, 1975. — 26 с.

70. Иванова, И.П. Вид и время в современном английском языке / И. П. Иванова; под ред. Ю. С. Маслова. — Л.: Изд-во Ленигр. унта, 1961. — 199 с.

71. Идиатуллина, Л. Т. Переводы произведений В. Маяковского на татарский язык: (вопросы поэтики): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Идиатуллина Лейсан Тагировна. — Казань, 2008. — 23 с.

72. Идиатуллина, Л. Т. Переводы произведений В. Маяковского на татарский язык: (вопросы поэтики): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Идиатуллина Лейсан Тагировна. — Казань, 2008. — 192 с.

73. Ильиш, Б. А. Строй современного английского языка: учебник / Б. А. Ильиш. — Л.: Просвещение. Ленингр. отд., 1971. — 366 с.

74. Исламова, И. Ф. Теоретические вопросы категории модальности / И. Ф. Исламова // Научный Татарстан. — 2011. — № 4. Гуманит. науки. — С. 195–198.

75. Казакова, Т. А. Imagery in translation: практикум по художественному переводу. English-Russian: учебное пособие для студентов по специальности «Перевод и переводоведение» / Т.А. Казакова. — Ростов н/Д.: Феникс, Союз, 2004. — 309 с.

76. Калимуллина, Г. У. Выражение модальности в трансформированных эллиптических предложениях в татарском языке / У. Г. Калимуллина // Татарская культура в контексте европейской цивилизации: материалы Международной научной конференции. — [Казань, 2010]. — С. 120–122.

77. Кассиев, Э. Ю. Проблемы художественного перевода дагестанской поэзии / Э. Ю. Кассиев. — Махачкала: Дагест. науч. центр РАН, Ин-т яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы, 1994. — 163 с.

78. Каюмова, А. Р. Фразеологические единицы в произведениях У. Коллинза и их соответствия в русских и испанских переводах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Каюмова Альбина Рамилевна. — Казань, 2010. — 170 с.

79. Клишин, А. И. Практика перевода английских текстов: пособие для всех / А.И. Клишин. — СПб.: Андра, 2003. — 83 с.

80. Колшанский, Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. — 1961. — № 2. — С. 97.

81. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский; отв. ред. Т. В. Булыгина. — М.: Наука, 1984. — 175 с.

82. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; отв. ред. А. М. Шахнарович. — М.: Наука, 1990. — 103 с.

83. Колшанский, Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г. В. Колшанский — М.: Наука, 1975. — 231 с.

84. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н.Комиссаров. — М.: ЭТС, 2002. — 421 с.

85. Комова, Т. А. Модальный глагол в языке и речи: (На материале глаголов *shall* и *will* в истории англ. яз.) / Т. А. Комова. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 140 с.

86. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка / А. Н. Кононов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 446 с.

87. Королева, Т. М. Интонация модальности в звучащей речи / Т. М. Королева. — Киев: Выща школа, 1989. — 146 с.

88. Кузьмин, С. С. Идиоматический перевод с русского языка на английский: (теория и практика): учебник / С. С. Кузьмин. — М.: Наука, 2006. — 311 с.

89. Курмаева, И. И. Модальность аналитических форм глагола будущего времени в английском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Курмаева Ирина Ильдаровна. — Казань, 2011. — 22 с.

90. Курмаева, И. И. Модальность аналитических форм глагола будущего времени в английском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Курмаева Ирина Ильдаровна. — Казань, 2011. — 161 с.

91. Лайонз, Д. Введение в теоретическую лингвистику: перевод с англ. / Д. Лайонз; под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. — М.: Прогресс, 1978. — 543 с.

92. Левин, Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Ю. Д. Левин. — Л.: Наука: Ленингр. отд., 1985. — 299 с.

93. Лушникова, Г. И. Английская и американская поэзия. Основы интерпретации и перевода = English and American Poetry. Interpretation and Translation: учебное пособие для студентов филол. спец. / Г. И. Лушникова. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. — 151 с.
94. Ляпон, М. В. К вопросу о языковой специфике модальности / М. В. Ляпон // Известия АН СССР. Серия лит-ры и языка. — 1971. — Т. 30, вып. 3. — С. 230–239.
95. Максимов, А. Н. Модальность предпочтения и ее выражение в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Максимов Алексей Николаевич. — М., 2009. — 169 с.
96. Мальчукова, Т. Г. Филология как наука и творчество / Т. Г. Мальчукова. — Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. — 334 с.
97. Мардиева, Л. А. Лингвистические аспекты перевода современных газетно-журнальных текстов: (на материале русского и татарского языков): учебно-методическое пособие по спецкурсу / Л. А. Мардиева. — Казань: [Б. и.], 2002. — 26 с.
98. Маркелова, Т. В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке / Т. В. Маркелова // Филологические науки. — 1996. — № 1. — С. 80.
99. Матвеев, А. А. Модальность знания как модальность логического текста (на материале русских и английских публицистических текстов) / А. А. Матвеев // Филологические науки. — 2002. — № 2. — С. 89–97.
100. Межкультурные коммуникации: проблемы национальной педагогики и литературного перевода: материалы Международного симпозиума, 20 мая 2000 года. — Казань: Татаро-американский региональный институт, 2000. — 203 с.
101. Мещеряков, В. Н. К вопросу о модальности текста / В. Н. Мещеряков // Филологические науки. — 2001. — № 4. — С. 99–105.
102. Миннихметов, Р. Г. Модальные слова в татарском языке: Учебное пособие / Р. Г. Миннихметов. — Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1999. — 84 с.
103. Миннибаев, К. С. Перевод – это искусство. Золотой век / К. С. Миннибаев. — Казань: [Б. и.], 2004. — 183 с.
104. Миньяр-Белоручев, Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М.: Готика, 1999. — 176 с.

105. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода / Р. К. Миньяр-Белоручев. — М.: Моск. лицей, 1996. — 208 с.

106. Мифтахова, И. Г. Развитие грамматической теории в татарском языкознании. Самостоятельные части речи (по татарским грамматикам XIX-XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Мифтахова Ильмира Габдулахатовна. — Казань, 1998. — 29 с.

107. Мифтахова, И. Г. Развитие грамматической теории в татарском языкознании, самостоятельные части речи: (по татарским грамматикам XIX – начала XX вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Мифтахова Ильмира Габдулахатовна. — Казань, 1998. — 394 с.

108. Мишин, А. В. Невербальные средства коммуникации и их функционирование в художественном тексте: автореф. дис. ...канд. филол. наук: / Мишин Алексей Викторович. — М., 2005. — 16 с.

109. Модальные глаголы в грамматике английского языка: методические разработки для студентов-переводчиков / Казан. гос. техн. ун-т; Сост. Л.И. Тарарина. — Казань, 1994. — 40 с.

110. Мотыгуллина, З. А. Выражение реальной модальности на материале произведения "The catcher in the rye" Джерома Сэлинджера и его перевода на татарский язык / З. А. Мотыгуллина, Н. К. Муллагалиев // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2014. — Т. 1, № 4. — С. 251–255.

111. Муллагалиев, Н. К. Языковые особенности перевода произведения "The catcher in the rye" Джерома Сэлинджера с английского языка на татарский / Н. К. Муллагалиев // Сравнительно-сопоставительное языкознание в условиях глобализации: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-образовательной конференции. — Казань: 2014. — С. 100–107.

112. Муллагалиев, Н. К. Выражение ирреальной модальности на материале произведения «The catcher in the rye» Джерома Сэлинджера и его перевода на татарский язык / Н. К. Муллагалиев // Вестник Чуваш. ун-та. — 2015. — № 2. — С. 202–207.

113. Муллагалиев, Н. К. Лексико-семантические средства выражения модальности в художественных произведениях Гарриет Бичер Стоу и их переводы на татарский язык / Н. К. Муллагалиев // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — Т. 7, № 7 — С. 258 – 263.

114. Муллагалиев Н. К. Англо-татарские соответствия видо-временных форм в английском и татарском языках (на материале

произведения Д. Д. Сэлинджера «The catcher in the rye») / Н. К. Муллагалиев // Актуальные проблемы современной педагогической науки: материалы Международной научно-образовательной конференции (18-19 декабря 2014 г.): Сборник научных трудов. — Казань, 2014. — С. 388–393.

115. Муллагалиев, Н. К. Вклад Равиля Бухараева в развитие переводческой деятельности в Татарстане / Н. К. Муллагалиев // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского федерального университета 2013 г.: сборник статей. — Казань, 2013. — С. 210–215.

116. Муллагалиев, Н. К. Языковые особенности перевода англо-американской литературы 19 века с английского языка на татарский / Н. К. Муллагалиев // Итоговая научно-образовательная конференция студентов Казанского федерального университета 2012 г.: сборник статей. — Казань, 2012. — Т. 1. — С. 189–192.

117. Муллаянова, Г. И. Побудительная модальность: императивные ситуации и их реализация в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Муллаянова Гузелия Ильгизовна. — Н. Новгород, 1997. — 134 с.

118. Мусаев, К. Культура языка перевода / К. Мусаев. — Ташкент: Фан, 1982. — 189 с.

119. Мухамматгалиева, А. Ф. Повтор в структуре татарского художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02; 10.01.09 / Мухамматгалиева Алия Фаниловна. — Казань, 2013. — 23 с.

120. Мухамматгалиева, А. Ф. Повтор в структуре татарского художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02; 10.01.09 / Мухамматгалиева Алия Фаниловна. — Казань, 2013. — 149 с.

121. Натанзон, Е. А. Косвенные наклонения и модальные глаголы в английском языке: учеб. пособие / Е. А. Натанзон. — М.: Международ. отношения, 1968. — 160 с.

122. Немец, Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке / Г. П. Немец; отв. ред. В. В. Казмин. — Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1991. — 187 с.

123. Немец, Г. П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке / Г. П. Немец; отв. ред. В. В. Казмин. — Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. ун-та, 1989. — 142 с.

124. Нәбиуллина, Г. Ә. Тәржемә практикасы: матур әдәбият һәм фольклор тәржемәләре: югары уку йортлары өчен укыту кулланмасы / Г. Ә. Нәбиуллина. — Казан: Ихлас, 2012. — 91 б.

125. Орехова, Е. Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Орехова Елена Николаевна. — М., 2011. — 419 с.

126. Панфилов, В. З. Взаимоотношения языка и мышления / В. З. Панфилов. — М.: Наука, 1971. — 232 с.

127. Панфилов, В. З. Философские проблемы языкознания: гносеологические аспекты / В. З. Панфилов. — М.: Наука, 1977. — 287 с.

128. Пашкеева, И. Ю. Сложные слова в англоязычных художественных текстах и их перевод на русский язык / И. Ю. Пашкеев. — Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. — 173 с.

129. Пашкеева, И. Ю. Сложные слова в произведениях Рэя Брэдбери и способы их передачи на русский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пашкеева Ирина Юрьевна. — Казань, 2012. — 202 с.

130. Перевод и переводческая компетенция / Регион. открытый соц. ин-т; редкол.: В.И. Провоторов (отв. ред.) и др. — Курск: Изд-во РОСИ, 2003. — 235 с.

131. Петров, Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности / Н. Е. Петров. — Новосибирск: Наука. Сибир. отд., 1982. — 162 с.

132. Петрова, А. А. Метаязыковая аспектность модальных отношений в процессе перевода: (на материале морской терминологии русского и английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Петрова Анжелика Александровна. — Краснодар, 1999. — 24 с.

133. Потенция, А. А. Из записок по русской грамматике. / А. А. Потенция. — М.: Учпедгиз, 1958. — Т. 1, 2. — 536 с.

134. Потенция, А. А. Из записок по русской грамматике. / А. А. Потенция. — М.: Просвещение, 1968. — Т. 3. — 551 с.

135. Потенция, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потенция. — М.: Просвещение, 1977. — Т. 4, вып. 2. — 406 с.

136. Потенция, А. А. Собрание трудов. Мысль и язык / А. А. Потенция; подгот. текста: Ю. С. Рассказов, О. А. Сычев. — М.: Лабиринт, 1999. — 269 с.

137. Психология общения: энциклопедический словарь / Учреждение Рос. акад. образования, Психол. ин-т ; под общ. ред. А. А. Бодалева. — М.: Когито-Центр, 2011. — 598 с.

138. Пьянкова, Т. М. Практическое пособие по переводу русской научно-технической литературы на английский язык / Т. М. Пьянкова. — М.: Летопись, 1994. — 73 с.

139. Рагозина, Е. В. Вопросительная модальность как способ выражения русской языковой картины мира / Е. В. Рагозина // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции. — Казань, 2008. — Ч. 2. — С. 143–145.

140. Рыльский, М. Ф. Искусство перевода: Статьи, заметки, письма / М. Ф. Рыльский— М.: Сов. писатель, 1986. — 334 с.

141. Сагратян, А. А. Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом: Школа переводчика / А. А. Сагратян. — М.: Грааль, 2001. — 187 с.

142. Садыкова, Р. З. Валентность татарского глагола: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Садыкова Разиля Зуфаровна. — Казань, 2013. — 27 с.

143. Садыкова, Р. З. Валентность татарского глагола: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Садыкова Разиля Зуфаровна. — Казань, 2013. — 199 с.

144. Сайхунов, М. Р. Ритмо-темпоральные характеристики татарского языка в плане автоматического синтеза речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Сайхунов Мансур Равхатович. — Казань, 2010. — 26 с.

145. Сайхунов, М. Р. Ритмо-темпоральные характеристики татарского языка в плане автоматического синтеза речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Сайхунов Мансур Равхатович. — Казань, 2010. — 152 л.

146. Салимова, Д. А. Двужычие и перевод: теория и опыт исследования / Д. А. Салимова, А. А. Тимерханов. — М.: ФЛИНТА ; Наука, 2012. — 277 с.

147. Салимова, Р. М. Модальность внутренней речи в английских и русских текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Салимова Римма Мидхатовна. — Уфа, 2007. — 163 с.

148. Салимова, Р. М. Модальность внутренней речи в английских и русских текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Салимова Римма Мидхатовна. — Уфа, 2007. — 24 с.

149. Сафиуллина Ф. С. Хэзерге татар әдәби теле. Лексикология (югары уку йортлары студентлары өчен) / Ф. С. Сафиуллина. — Казан: Хәтер нәшрияте, 1999.

150. Сборник статей по языкознанию: профессору Московского университета академику В.В. Виноградову [в день его 60-летия] / Моск. гос. ун-т ; [под общ. ред. проф. А. И. Ефимова]. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. — 370 с.

151. Семенов, А. Л. Основные положения общей теории перевода: учебное пособие / А. Л. Семенов. — М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2005. — 98 с.

152. Слепович, В. С. Настольная книга переводчика с русского языка на английский = Russian-english translation handbook / В. С. Слепович. — Минск: ТетраСистемс, 2005. — 301 с.

153. Слепович, В. С. Практический курс перевода с русского языка на английский = Russian – english practical translation course: учебное пособие для студентов спец. «Междунар. Отношения», «Мировая экономика и междунар. экон. Отношения», «Междунар. менеджмент и туризм» и «Тамож. Дело» / В.С. Слепович. — Минск: БГЭУ, 2004. — 263 с.

154. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка: учебник / А. И. Смирницкий. — М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1959. — 440 с.

155. Смирницкий, А. И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков / А. И. Смирницкий. — М.: Высшая школа, 1975. — 378 с.

156. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. — М.: Ин. лит., 1957. — 286 с.

157. Солодуб, Ю. П. Теория и практика художественного перевода: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. 033200 (050303) - Иностр. яз. / Ю. П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. Ю. Кузнецов. — М.: Академия, 2005. — 296 с.

158. Суминова, Т. Н. Художественная культура как информационная система: (мировоззренческие и теоретико-методологические основания) / Т.Н. Суминова. — М.: Акад. Проект, 2006. — 381 с.

159. Татар грамматикасы: 3 томда. – Т. 2: Морфология. — М.; Казан: ИНСАН: Фикер, 2002. — 447 б.

160. Теория перевода и сопоставительный анализ языков / Э. М. Медникова, В. А. Мицкявичене, М. Ф. Васыгова и др.; под ред. Э. М. Медниковой. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. — 143 с.

161. Тәржемә гыйлеменә кереш: татар филологиясе һәм тарихы факультеты студентлары өчен "Тәржемәчелек һәм тәржемә практикасы" белгечлеге өчен программа / Казан дәүләт ун-ты, Татар филологиясе һәм тарихы фак., Татар теленә өйрәтү каф.; [төз.] Ф. С. Сафиуллина. — Казан: Казан. ун-т, 2006. — 19 б.

162. Тимко, Н. В. Основные проблемы лингвокультурной трансляции в процессе перевода: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 / Тимко Наталья Валерьевна. — М., 2002. — 24 с.

163. Тимко, Н. В. Учебное пособие по письменному переводу с русского языка на английский: На материале газетно-информационных, научно-популярных и публицистических текстов / Н.В. Тимко. — Курск: Изд-во РОСИ, 2004. — 19 с.

164. Тихонов, А. А. Английский язык. Теория и практика перевода: учебное пособие / А. А. Тихонов. — М.: Проспект, 2014. — 119 с.

165. Топер, П. М. Перевод в системе сравнительного литературоведения / П.М. Топер. — М.: Наследие, 2000. — 253 с.

166. Тороп, П. Тотальный перевод / П. Тороп. — Тарту: Изд-во Тартус. Ун-та, 1995. — 220 с.

167. Трофимова, И. А. Средства выражения субъективной модальности в художественном тексте (на материале прозаических произведений А. П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Трофимова Ирина Александровна. — Калининград, 2004. — 24 с.

168. Трунова, О. В. Природа и языковой статус категории модальности: на материале английского языка: учебное пособие / О. В. Трунов. — Барнаул: БГПИ, 1991. — 129 с.

169. Тумашева, Д. Г. Татарский глагол: опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий / Д. Г. Тумашева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. — 189 с.

170. Тураева, З. Я. Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 105–115.

171. Тюленев, С. В. Теория перевода: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / С. В. Тюленев. — М.: Гардарики, 2004. — 334 с.

172. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста: учебное пособие для студ. вузов / В. И. Тюпа. — М.: Академия, 2006. — 336 с.

173. Федоров, А. В. Искусство перевода и жизнь литературы: очерки / А. В. Федоров. — Л.: Совет. писатель: Ленингр. отд., 1983. — 352 с.

174. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для ин-тов и фак-тов иностр. яз.: учебное пособие / А.В. Федоров. — [5-е изд.]. — М.; СПб.: Филология три: Филол. фак. СПбГУ, 2002. — 414 с.

175. Федорова, Н. П. Перевод с английского языка = Advanced english for translation: повыш. уровень: учебное пособие для студентов, обучающихся по спец. 031202 – «Пер. и переводоведение» направления 031200 – «Лингвистика и межкультур. Коммуникация» / Н.П. Федорова, А.И. Варшавская. — 2-е изд., стер. — М.; СПб.: Академия: Филол. фак. СПбГУ, 2005. — 21 с.

176. Фененко, Н. А. Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-та, 2001. — 139 с.

177. Флоря, А. В. Художественный пересказ в аспекте лингвостилистического анализа: на материале сказочной повести Л. Кэрролла "Приключения Алисы в стране чудес" в интерпретации В. Э. Орла: дис ... канд. филол. наук.10.02.01. Т.1 / Флоря Александр Владимирович. — Казань, 1992. — 284 с.

178. Фомина, М.Г. Техника перевода с английского языка на русский: учебно-методическое пособие / М. Г. Фомина. — Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2003. — 106 с.

179. Халитова, Л. К. Конструкции с вопросительными частицами в переводах русских текстов XX века на английский и татарский языки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Халитова Лилия Камилевна. — Казань, 2008. — 217 с.

180. Халитова, Л. К. Конструкции с вопросительными частицами в переводах русских текстов XX века на английский и татарский языки: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Халитова Лилия Камилевна. — Казань, 2008. — 18 с.

181. Хангилдин, В. Н. Татар теле грамматикасы (морфология һәм синтаксис) / В.Н. Хангилдин. — Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1959. — 641 б.

182. Хачатурова, Я. С. Система лексико-семантических средств художественного текста как объект перевода: (на материале романа Г.Манна "Верноподданный"): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Хачатурова Яна Самвеловна. — Краснодар, 1999. — 24 с.

183. Хәкимжан, Ф. Тәржемә һәм сөйләм культурасы / Ф. Хәкимжан // Milli мәдәниәт / Татар дәүләт гуманитар институты; Татар тюркология мәркәзе. — Казан, 2008. — №17. — 63–65 б.

184. Хисамова В. Н. Глагольная система татарского и английского языков: сопоставительный анализ в аспекте изучения английского языка на базе родного (татарского) языка (переработанное) / В. Н. Хисамова. — Казань: Зур Казан, 2015. — 328 с.

185. Хисамова В. Н. О необходимости изучения английского языка на базе родного (татарского) языка в национальном вузе: сборник статей. — Казань, 2000. — С. 27–29.

186. Хисамова В. Н. Императивная модальность в англо-американских художественных произведениях и их переводы на татарский язык / В. Н. Хисамова, Н. К. Муллагалиев // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2015. — Т. 7., № 7, ч. 2. — С. 293–298.

187. Хисамова, В. Н. Глагольная система татарского и английского языков: сопоставительный анализ в аспекте изучения английского языка на базе родного (татарского) языка / В. Н. Хисамова. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. — 250 с.

188. Хисамова, В. Н. Лексикология английского языка: метод. пособие на англ. языке для студ. 4 курса / В. Н. Хисамова. — Казань: Изд-во ТГГИ, 1998. — 20 с.

189. Хисамова, В. Н. Лексические особенности перевода с английского языка на татарский язык (на материале юмористических произведений классиков английской литературы) / В. Н. Хисамова // Научный Татарстан. — 2012. — № 1. Гуманитарные науки. — С. 202–205.

190. Хисамова, В. Н. Проблемы истории татарского языка по англоязычным (и частично немецкоязычным источникам): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Хисамова Венера Нафиковна. — Казань, 1993. — 24 с.

191. Хисамова, В.Н. Татар аудиториясенә инглиз теле дәресләре / В.Н.Хисамова. — Казан: ТаРИХ, 2000. — 208 б.

192. Хисамова, Л. А. Сопоставительное исследование вербальных и невербальных средств коммуникации татарского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.02; 10.02.20 / Хисамова Лейла Айвазовна. — Казань, 2010. — 182 с.

193. Хисамова, Л. А. Сопоставительное исследование вербальных и невербальных средств коммуникации татарского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.02; 10.02.20 / Хисамова Лейла Айвазовна. — Казань, 2010. — 20 с.

194. Хлебникова, И. Б. Сослагательное наклонение в английском языке: Теория и практика: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению «Филология», спец. «Англ.яз.» / И. Б. Хлебникова. — Изд. 2-е, перераб. и доп. — Саранск: Красный Октябрь, 1994. — 175 с.

195. Хомутова Т. Н. Система лексико-грамматических средств выражения ирреальной модальности в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Хомутова Тамара Николаевна. — М., 1984.

196. Христорожественская, Л. П. Модальные глаголы в английском языке: сборник упражнений / Л. П. Христорожественская. — Минск: Попурри, 2001. — 336 с.

197. Чуковский, К. И. Высокое искусство: о художественном переводе / К. Чуковский. — М.: Сов. писатель, 1968. — 382 с.

198. Шакиров, Р. Н. Начать никогда не поздно / Р. Шакиров // Идель. — 2011. — № 1. — С. 28-32.

199. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов; вступ. ст. Е. В. Клобукова, ред. и коммент. Е. С. Истриной. — 3-е изд. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 624 с.

200. Шахматов, А. А. Историческая морфология русского языка / А. А. Шахматов. — М.: Учпедгиз, 1957. — 398 с.

201. Шепелева, Н. М. Побудительная модальность и способы ее выражения в современном эрзянском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Шепелева Наталия Михайловна. — Саранск, 2005. — 161 с.

202. Широкова, Е. Н. Категория эмотивности и субъективной модальности: семантические пересечения / Е. Н. Широкова // Языковая семантика и образ мира: материалы Международной научной конференции (г. Казань, 20 – 22 мая 2008 г.): в 2 ч. — Казань, 2008. — Ч. 1. — С. 67–79.

203. Широкова, А. В. Лекции по сопоставительной грамматике русского языка / А. В. Широкова. — М., 1977. — 31 с.

204. Юлдашев, А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. — М.: Наука, 1965. — 275 с.

205. Юлдашев, А. А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках / А. А. Юлдашев. — М.: Наука, 1977. — 270 с.

206. Юлдашев, А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке: автореф. дис. ...д-ра филол. наук / Юлдашев Ахнеф Ахметович. — М., 1956. — 36 с.

207. Юсупов, Р. А. Соотношение разноструктурных языков и вопросы перевода: на материале русского и татарского языков: учебное пособие для студентов филологических факультетов / Р. А. Юсупов. — Казань: КГПУ, 2005. — 225 с.

208. Юсупов, Р. А. Тәржемә һәм дәрәс сөйләм мәсьәләләре / Р. А. Юсупов. — Казан: Татарстан китап нәшрияты, 2014. — 286 б.

209. A New University English Grammar: учебник для студ. вузов / ed. by A. Zelenshikov, E. Petrova. — М.; СПб.: Академия; СПбГУ, 2003. — 640 с.

210. Austin J. L. How to do things with words: the William James lectures delivered at Harvard University in 1995 / J. L. Austin; ed. by J. O. Urmson, M. Sbisa. — 2nd ed. — Oxford; New York: Oxford University Press, 1976. — VIII, 176 p.

211. Biber, D. Variation Across Speech and Writing / D. Biber — Cambridge: Cambridge University Press, 1991. — 300 p.

212. Blake, Barry J. All about language / Barry J. Blake. — New York: Oxford University Press, 2008. — XVII, 322 p.

213. Brunot, F. La pensee et la langue / F. Brunot. — Paris, 1927. — 507 p.

214. Bybee, J.L. The evolution of grammar: Tense, Aspect, and Modality in the languages of the world/ Joan L. Bybee, R. D. Perkins, W. Pagliuca. — Chicago: University of Chicago Press, 1994. — 398 p.

215. Chierchia, G. Meaning and grammar: an introduction to semantics / G. Chierchia and Sally Mc.- Connel-Ginet. — 2nd ed. — Cambridge: the MIT Press, 1998. — 573 p.

216. Chomsky, N. Knowledge of language: It's nature, origin and use / N. Chomsky. — Westport; London: Praeger, 1986. — XXIX, 307 p.

217. Coates, J. The semantics of the Modal auxiliaries / J. Coates. — London: Croom Helm, 1983. — 259 p.

218. Collins P. C. Cleft and Pseudo – Cleft Constructions in English / P.C. Collins — London: T. J. Press, Padstow, Cornwall, 1991. — 230 p.

219. Collins, P. Modals and Quasimodals in English / P. Collins. — Amsterdam: Rodopi, 2009. — 204 p.

220. Davidson, D. Inquiries into truth and interpretation: essays / D. Davidson. — 2nd ed. — Oxford: Clarendon Press, 2001. — XXIII, 296 p.

221. Fachinetti, R. *Modality in Contemporary English* / W. Frawley, E. Eschenroeder, S. Mills, Th. Nguyen. — Berlin: Walter de Gruyter, 2006. — 268 p.

222. Greenbaum, S. *The Oxford English Grammar* / S. Greenbaum. — New York: Oxford University Press Inc., 1996. — 652 p.

223. Greenbaum, S. *The Oxford English Grammar* / Greenbaum, S. — Oxford: Oxford University Press, 1996. — XV, 652 p.

224. Gueron, J. *Time and Modality* / J. Gueron, J. Lecarme. — Springer, 2008. — 296 p.

225. Hacking, I. *Why does language matter to philosophy?* / I. Hacking — Cambridge: Cambridge University Press, 1975. — 188 p.

226. Hoyer, L. *Adverbs and modality in English* / L. Hoyer. — Longman, 1997. — 322 p.

227. Hughes, G. E. *An introduction to modal logic* / G. E. Hughes, M. J. Cresswell. — London: Routledge, 1996. — 421 p.

228. Khisamova, V. N. *Expression of the fiction in the material of "The Catcher in the Rye" by David Salinger and its translation into the Tatar language* / V. N. Khisamova, Z. A. Motygoullina, N. K. Moullagaliev // *Journal of language and literature*. — 2015. — vol. 6, № 3, Iss.1. — P. 140–143.

229. Krug, M. G. *Emerging English modals: a Corpus-Based Study of Grammaticalisation* / M. G. Krug. — Berlin: Walter de Gruyter, 2000. — 332 p.

230. Lewy, C. *Meaning and Modality* / C. Lewy. — Cambridge: CUP Archive, 1976. — 157 p.

231. Lyons, John *Language and linguistics: an introduction* / John Lyons. — 19th print. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — XI, 356 p.

232. Lyons, John *Linguistic semantics: an introduction* / John Lyons. — New York: Cambridge University Press, 2006. — XVI, 376 p.

233. MacCawley, J. D. *Adverbs, vowels and other objects of wonder* / J. D. MacCawley. — Chicago: London: The University of Chicago Press, 1979. — 303 p.

234. Melia, J. *Modality* / J. Melia. — McGill-Queen's University Press, 2003. — 190 p.

235. Muller, M. *Lectures on the science of language* / M. Muller. — London: Longman, Green, Longman, Roberts and Green, 1864. — 600 p.

236. Palmer, F. R. Modality and the English Modals / F. R. Palmer. — London, New York: Longman, 1979. — 196 p.
237. Palmer, F. R. Mood and Modality / F. R. Palmer. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 236 p.
238. Palmer, F. R. Semantics/ F. R. Palmer. — 2nd ed. — Cambridge [etc.]: Cambridge University Press, 2001. — VI, 221 p.
239. Pinker, S. The language instinct: the new science of language and mind / S. Pinker. — London [etc.]: Penguin books, 1994. — 494 p.
240. Portner, P. Modality / P. Portner. — New York: Oxford University Press, 2009. — 288 p.
241. Prior, A. N. Time and Modality / A. N. Prior. — New York: Oxford University Press, 2003. — 148 p.
242. Quine, Willard V. O. Word and object / Willard V. O. Quine. — Cambridge: Mit Press, 1996. — 294 p.
243. Rowe, Bruce M. A. Concise Introduction to Linguistics / Bruce M. Rowe, Diane P. Levine. — London: Pearson Education Inc., 2006.
244. Russell, B. An inquiry into meaning and truth / B. Russell. — London: George Allen and Unwin Ltd., 1943. — 352 p.
245. Saeed, J. I. Semantics / J. I. Saeed. — 2nd ed. — Malden [etc.]: Blackwell publishing, 2008. — XX, 413 p.
246. Salkie, R. Modality in English: Theory and Description / R. Salkie, P. Busuttil, J. van der Auwera. — Berlin: Walter de Gruyter, 2009. — 384 p.

Список лексикографических источников

247. Большая советская энциклопедия: в 30 томах / гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Сов. энциклопедия, 1970. — Т. 16, 3-е изд.: Мёзия - Моршанск. — 1974. — 616 с.
248. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Свыше 136 000 словарн. ст.; Около 250 000 семантич. ед. / Т. Ф. Ефремова. — М.: Библиотека словарей рус. яз., 2001. — 1232 с.
249. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 682 с.

250. Психология общения: энциклопедический словарь / Учреждение Рос. акад. образования, Психол. ин-т ; под общ. ред. А. А. Бодалева. — М.: Когито-Центр, 2011. — 598 с.

Список художественной литературы, послужившей источником примеров

На русском языке

251. Аксаков, С. Т. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах / С. Т. Аксаков. — М.: Правда, 1987. — 462 с.

252. Бичер-Стоу, Г. Хижина дяди Тома: роман / Г. Бичер-Стоу; пер. с англ. Н. Волжиной; ил. Н. Цейтлина. — М.: Правда, 1980. — 476 с.

253. Боголюбов, А.П. Записки моряка художника / А.П. Боголюбов. — Саратов: Приволж. кн. изд-во («Волга»), 1996. — № 2, 3 – 101 с.

254. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита: роман / М. А. Булгаков. — Казань: Тат. кн. изд-во, 1989. — 367 с.

255. Войнич, Э. Л. Овод: роман / Э. Л. Войнич; пер. с англ. Н. Волжиной ; вступ. ст. и примеч. Е. Таратуты / Э. Л. Войнич. — Казань: Татарское книжное изд-во, 1989. — 286 с.

256. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. / Н. В. Гоголь сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова; худож. Ю. Ф. Алексеева. — М.: Русская книга, 1994. — Т.3. Повести; Т. 4. Комедии. — 560 с.

257. Гоголь, Н. В. Записки сумасшедшего // Собрание сочинений: в 9 т. / Н.В. Гоголь; Сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. — М.: Рус. кн., 1994. — Т.3. Повести. — 557 с.

258. Гринвуд, Д. Маленький оборвыш; Похождения Робина Дэвиджера: повести: пер. с англ. / Д. Гринвуд. — М.: Эксмо, 2004. — 607 с.

259. Давыдов Д. В. Сочинения / Д. В. Давыдов. — М.: Гос. изд-во худ. лит., 1962. — 632 с.

260. Дефо, Д. Робинзон Крузо: роман / Д. Дефо; пер. с англ. М. Шишмаревой; послесл. и примеч. К. Атаровой; ил. Ж. Гранвиля. — М.: Лексика, 199. — 287 с.

261. Добролюбов, Н.А. Избранное / Н. А. Добролюбов. — Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1974. — 174 с.

262. Дойль, А. К. Сочинения: в 3т. / А. К. Дойль. — М.: Изд. центр «Терра», 1995. — Т.3. Собака Баскервилей: повесть; Его прощальный поклон: Сб.рассказов; Архив Шерлока Холмса: сборник рассказов. — 475 с.

263. Карамзин, Н. М. Бедная Лиза: повесть / Н. М. Карамзин; отв. ред. Э.М. Лемперт. — М.: Дет. лит., 1981. — 69 с.

264. Крылов И. А. Басни / И. А. Крылов. — М.: Издательство АСТ, 2002. — 316 с.

265. Купер, Д. Ф. Шпион; Последний из могикан: романы / Д. Ф. Купер; пер. с англ.: Э.А. Березина и др.; авт. предисл. Е.П. Зыкова. — М.: НФ «Пушкинская библиотека»: АСТ, 2003. — 813 с.

266. Лондон, Д. Мартин Иден; Люди бездны: роман: очерки; пер. с англ. / Лондон, Д. — М.: АСТ, 2002. — 527 с.

267. Майорова А. Виртуальное отечество в опасности. Неполадки в экономике игрушечной страны ведут к реальному мошенничеству / А. Майорова // Известия. — 2002.

268. Островский, А. Н. Гроза; Лес; Бесприданница / А. Н. Островский. — М.: Худ. лит., 1968. — 274 с.

269. Островский, Н. А. Как закалялась сталь: роман: в 2 ч. / Н. А. Островский. — М.: Сов. писатель, 1936. — 388 с.

270. Островский, А. Н. Лес: Собрание сочинений / А. Н. Островский. — М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. — Т. 10. — 61 с.

271. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго: повести; статьи и очерки / Б. Л. Пастернак. — М.: Слово, 2000. — 726 с.

272. Пришвин, М. Кладовая солнца / М. Пришвин; худ. В. Дугин. — М.: Мир Искаателя, 2001. — 48 с.

273. Рид, Т. М. Квартеронка, или Приключения на Дальнем Западе; Всадник без головы: романы / Т. М. Рид; редкол.: С. С. Аверинцев и др.; пер. с англ.: В. Курелла и др.; вступ. ст. А. Я. Ливерганта. — М.: НФ "Пушкинская библиотека", АСТ, 2004. — 781 с.

274. Свифт, Д. Собрание сочинений: в 3 т. / Д. Свифт; пер. с англ. — М.: ТЕРРА: Литература, 2000. — Т. 1. Путешествия Гулливера; Сказка бочки / сост.: Б. Акимов, А. Храмов; вступ. ст. А. Ингер. — 479 с.

275. Солженицын, А. И. Один день Ивана Денисовича: рассказы 60-х годов / А. И. Солженицын. — СПб: Азбука, 2000. — 351 с.

276. Сэлинджер, Д. Над пропастью во ржи / Д. Сэлинджер; пер. с англ. Р. Р. Ковалевой. — М.: Кристалл, 2001. — 574 с.

277. Твен, М. Приключения Тома Сойера; Приключения Гекльберри Финна; Принц и нищий; Рассказы: пер. с англ. / М.Твен; вступ. ст. и примеч. А.М.Зверева. — М.: НФ «Пушкинская библиотека»; АСТ, 2002. — 717 с.

278. Теренций П. Комедии / П. Теренций. — М.: Искусство, 1988. — 478 с.

279. Тургенев, И. С. Записки охотника / И. С. Тургенев. — М.: Худ. лит., 1985. — 252 с.

280. Уэллс, Г. Д. Машина времени; Человек-невидимка; Война миров; Рассказы: пер. с англ. / Г. Д. Уэллс; вступ. ст. В. Л. Гопмана. — М.: НФ «Пушкинская библиотека» ; АСТ, 2002. — 607 с.

281. Фонвизин, Д. И. Недоросль / Д. И. Фонвизин. — М.: АСТ, 2000. — 235 с.

282. Хемингуэй, Э. Прощай оружие; По ком звонит колокол: романы; Старик и море / Э. Хемингуэй. — Фрунзе: Кыргызстан, 1987. — 813 с.

283. Чарская, Л. А. Волшебная сказка. Повести / Л. А. Чарская; сост. и вступ. ст. Ст. Никоненко; ил. Н. Абакумова. — М.: Пресса, 1994. — 560 с.

284. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений: в 30 т.: т. 14-15. Из Сибири, Остров Сахалин / А. П. Чехов. — М.: Наука, 1987. — 934 с.

285. Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов. — М.: Сов. Россия, 1984.

286. Чехов, А. П. Повести и рассказы / А. П. Чехов; Сост. и коммент. В. Пересыпкиной. — М.: Художественная литература, 1993. — 478 с.

287. Шкловский, И. С. Эшелон (1984) / Шкловский, И. С. // Химия и Жизнь. —1988. — №9, 1989. — №1-3; 1990. — №10-11; 1992, № 5.

288. Яснов, М. Сказки для горчичников: пер. с фр. / М. Яснов. — СПб.: Печатный двор, 1993. — 416 с.

На татарском языке

289. Ахунов, Г. Акча күктән яумый: повестьлар, хикәяләр, очерклар, сэнгать парчалары / Г. Ахунов. — Казан: Татар. китап. нәшр., 1993. — 288 б.

290. Г. Тукай Әсәрләр. / Г. Тукай. — Казан, 1985. — Т. 4. — 177 б.
291. Гобәй, Г. Сайланма әсәрләр / Г. Гобәй. — Казан: Татгосиздат, 1950. — 614 б.
292. Ибраһимов, Г. Сайланма әсәрләр: өч томда / Г. Ибраһимов. — Казан: Таткнигоиздат, 1957. — 499 б.
293. Ибраһимов, Г. Сайланма әсәрләр: өч томда / Г. Ибраһимов. — Казан: Таткнигоиздат, 1957. — 200 б.
294. Мәһдиев, М. “Без – 41 нче ел балалары”, “Кеше китә – жыры кала»: повестлар, истәлекләр, хатлар / М. Мәһдиев. — Казан: Татар китабы, 1996. — 288 б.
295. Такташ, Н. Сайланма әсәрләр / Н. Такташ. — Казан: Татарстан Республикасы “Хәтер” нәшрияты, 2006. — 382 б.
296. Фәттах, Н. Сайланма әсәрләр: 5 томда / Н. Фаттах. — Казан: Татар китап нәшр., 2002. — Т. 2. — 431 б.
297. Хоснияр, З. Мин сине ничек яраттым / З. Хоснияр. — Казан: “Ак Барс нәшрият йорты” ЖЧЖ, 2004. — 288 б.
298. Яруллин, Ф. Сайланма әсәрләр / Ф. Яруллин; төз.: Ә.Н.Хужиев, С.Хәкимова. — Казан: ТаРИХ, 2002. — 479 б.
299. Яруллин, Ф. Сайланма әсәрләр: 5 т. / Ф. Яруллин. — Казан: Татар китап нәшр., 2004. — 478 б.
300. Яруллин, Ф. Сайланма әсәрләр, III томда: повестлар, кереш сүз / Ф. Яруллин. — Казан: Тат. дәүләт “Мирас” кит. нәшр., 1994. — 616 б.

На английском языке

301. Cooper, J. F. The last of the Mohicans / J. F. Cooper; with an introd., historical essay, and notes by John McWilliams. — Oxford [etc.]: Oxford University press, 2008. — 433 p.
302. David, S. Catcher in the rye. English reading / S. David. — М.: KARO, 2011. — 288 p.
303. Defoe, D. Robinson Crusoe / D. Defoe; ed. with an introd. by Thomas Keymer; notes by Thomas Keymer and James Kelly. — New York: Oxford University Press, 2008. — 321 p.
304. Doyle, A. C. The hound of the Baskervilles: another adventure of Sherlock Holmes / A. C. Doyle; ed. with an introd. and notes by W. W. Robson. — New York: Oxford University press, 2008. — 188 с.
305. Hemingway, E. A farewell to arms: a novel / E. Hemingway. — М.: Менеджер, 2004. — 333 p.

306. James, G. The true history of a little ragamuffin [Электронный ресурс] / G. James. — New York: Harper & Brothers, publishers, Franklin square, 1866. — 154 p. — Режим доступа: https://books.google.ru/books/about/The_True_History_of_a_Little_Ragamuffin.html?id=TkIgAAAAMAAJ&redir_esc=y
307. London, J. Martin Eden / J. London. — Moscow, 1953. — 440 p.
308. London, J. Selected stories / J. London. — M.: State textbook publication house, 1940.
309. Mayne, R. The Headless Horseman. A Strange Tale of Texas / R. Mayne. — London, Glasgow and New York: Published by George Routledge and Sons, 1888. — 417 p.
310. Milne, A. A. Winnie-the-Pooh / A. A. Milne; with decorations by Ernest H. Shepard. — New York: Puffin books, 2005. — 161 p.
311. Stowe, H. B. Uncle Tom's Cabin; Or Life Among the Lowly / H. B. Stowe; Unabridged edition. With introductory remarks by the rev. James Sherman. — London: Henry G. Bohn, York Street, Covent Garden, 1852. — 329 p.
312. Swift, J. Gulliver's travels / J. Swift; ed. with an introd. by Claude Rawson and notes by Ian Higgins. — New York: Oxford University press, 2008. — 362 p.
313. Twain, M. Adventures of Huckleberry Finn / M. Twain; ed. with an introd. and notes by Emory Elliott. — New York: Oxford University press, 2008. — 284 p.
314. Twain, M. The prince and the pauper [Электронный ресурс] / M. Twain. — Page by Page Books. ТМ. — Режим доступа: http://www.pagebypagebooks.com/Mark_Twain/The_Prince_and_the_Pauper/index.html
315. Twain, M. The Adventures of Tom Sawyer / M. Twain ; ed. with an introd. and notes by Peter Stoneley. — New York: Oxford University press, 2008. — 207 p.
316. Voynich, E. L. The Cadfly: Roman / E. L. Voynich; commentary by N. K. Matveev. — M.: Publishing House, 1954. — 332 p.
317. Wells, H. The War of the Worlds: роман на англ. яз. / H. Wells. — СПб.: ХИМЕРА, 2001. — 224 p.
318. Whitman, W. Leaves of grass / W. Whitman; with an introd. and notes by Jerome Loving. — Oxford [etc.]: Oxford University press, 2008. — 478 p.

319. Гринвуд, Д. Маленький оборвыш (на англ.яз.) / Д. Гринвуд; сокращ. текста и коммент. З. Е. Алесандровой. — М.: Изд-во лит. на ин.яз., 1954. — 271 с.

320. Уэллс, Г. Дж. Человек-невидимка / Г. Дж. Уэллс; авт. предисл. на рус. яз. Я. Засурский. — М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. — 190 с.

Переводы

321. Войнич Э. Л. Кигэвен: роман / Э. Л. Войнич; К. Миңлебаев тәржемәсе. — Казан: Таткитнәш, 1981. — 302 б.

322. Гарриет Б. С. Том агай алачыгы / Б. С. Гарриет; Г. Гобэй тәржемәсе. — Казан: Таткитнәш, 1968. — 386 б.

323. Гринвуд Д. Бәләкәй сукбай / Д. Гринвуд; К. Янгулов тәржемәсе. — Казан: Таткитнәш, 1960. — 210б.

324. Дефо Д. Диңгез гизүче Робинзон Крузоның башыннан кичкән гажәп хәлләр / Д. Дефо. — Казан: ТАТГОСИЗДАТ, 1949. — 231б.

325. Дойл А. К. Баскервильләр эте: повесть / А. К. Дойль. — Казан: Мәгариф, 2004. — 303 б.

326. Купер Дж. Ф. Соңгы могиқан / Дж. Ф. Купер; Тәржемәсе Р. Даутов. Андриолли рәсемнәре. — Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1962. — 411 б.

327. Лондон Д. Ике хикәя / Д. Лондон; Г. Лотфи тәржемәсе. Кече яшьтәге балалар өчен. — Казан: Таткитнәш, 1952. — 31 б.

328. Лондон Д. Мартин Иден: роман / Д. Лондон; Ф. Миңнуллин тәржемәсе. — Казан: Таткитнәш, 1982. — 376 б.

329. Лондон Д. Хикәяләр / Д. Лондон; Г. Лотфи тәржемәсе. — Казан: Татгосиздат, 1951. — 120 б.

330. Лондон Д. Хикәяләр / Д. Лондон; Фатих Хәсәнов тәржемәсе. — Казан: Таткитнәш, 1976. — 148 б.

331. Милн А. Винни-Пух мажаралары: әкият-повест / А. Милн. — Казан: Таткитнәш, 1991. — 256 б.

332. Рид М. Башсыз жайдак.: роман / М. Рид; Яхъя Халитов тәржемәсе. — Казан: Таткитнәш, 1971. — 443 б.

333. Свифт Д. Гулливер лилипутлар илендә / Д. Свифт; С. Әдһәмова тәржемәсе. — Казан: Таткитнәш, 1970. — 68 б.

334. Сетон-Томпсон Э. Хайваннар турында хикәяләр / Э. Сетон-Томпсон. — Казан: Татар. кит. нәшр., 1994. — 247 б.
335. Твен М. Геклберри Финн мажаралары / М. Твен. — Казан: Таткнигоиздат, 1956. — 336 б.
336. Твен М. Принц һәм теләнче: повесть / М. Твен; Р. Гайнанов тәржемәсе. — Казан: Татгосиздат, 1954. — 199 б.
337. Твен М. Том Сойер мажаралары / М. Твен; Г. Гобәй тәрж. — Казан: Татгосиздат, 1949. — 233 б.
338. Твен М. Том Сойер мажаралары: роман / М. Твен; рәс. Н. Греханцева; С. Ибраһимова тәрж. — Казан: Мәгариф, 2003. — 271 б.
339. Твен М. Янки король Артур сараенда / М. Твен. — Казан: Таткитнәш, 1958. — 382 б.
340. Уитмен У. Үлән яфраклары / У. Уитмен; тәржемәчесе Марс Шабәев. — Казан: Таткитнәш, 1975. — 224 б.
341. Уэльс Г. Күренмәс кеше / Г. Уэльс. — Казан: Таткитнәш, 1979. — 160 б.
342. Уэльс Г. Галәмнәр сугышы. Күренмәс кеше: фантастик романнар / Г. Уэльс. — Казан: Тат. кит. нәшр., 1987. — 296 б.
343. Хэмингуэй Э. Сайланма әсәрләр / Э. Хэмингуэй; Р. Даутов һәм Я. Шәмсетдинов тәржемәсе. Казан: Таткитнәш, 1971. — 326 б.

(Справочное)

Перевод первой главы книги Д. Сэлинджера «The catcher in the rye» на татарский язык

Әнкәйгә

Әгәр дә сез тыңларга әзер һәм чыннан да минем турыда нидер белергә телсез икән, миңа, мөгаен, кайда туганлыгым, үземнең мәгънәсез балачагымны кайда үткәргәнлегем, мин туганчы эти-әниемнең ни белән шөгыйльләнгәнлеген, гомумән алганда, Чарльз Диккенсның Дэвид Копперфилд эсәрендәге кебек бер мәгънәсез сүзләр сөйләүдән башларга кирәк булыр. Ләкин, дәрәсән генә әйткәндә, минем моның белән һич кенә дә маташасым килми. Беренчедән – бу минем үземә кызыксыз, икенчедән – әгәр эти-әнием турында берәр ялгыш ычкындырсам, аларның башларына ике кат рәттән кан савачак. Алар аның ишене йөрәкләренә бик якин алалар, бигрәк тә этием, һич кенә дә күтәрә алмый. Бер сүз юк, алар үзләре искиткеч яхшы кешеләр, тик менә күңелләре кыл кебек нечкә үзләренә, бигрәк тә этиемнеке. Шулай ук мин сезгә үземнең автобиографиямне сөйләргә дә жыенмыйм. Үткәнемдә казынырга бер дә яратмыйм, тик менә узган раштуада авырып китүем, һәм мине монда дәваланырга китерүләре турында берничә сүз әйтеп китми ярамас. Мин әле абыем Д.Б. га да шуннан арысын сөйләмәдем. Ул үзе бу таушалып беткән жирдән бик ерак тормый, атна саен килеп йөри. Шифаханәдән чыгар вакыт житү белән өйгә дә кайтарып куям дигән булган иде. «Ягуары» бар аның – сәгатенә 300 километр тирәсенә баса ала торган зәхәр машина. Кесәсен дә 4000 долларга юкартты ул машина. Аның акчасы күп хәзер, ияләнеп кенә бетә алмый, бахыр. Өйдә торганда, гап-гади язучы гына иде ул. Үзенә эллә нинди сәер хикәяләрен язып тик ята иде, күргәнегез дә бардыр әле «Серле алтын балык» дип атала жыентыгы. Бер карап торган эсәре шул «Серле алтын балык» та инде аның бөтен бер китабына. Үзе эшләп тапкан акчага сатып алынган балыгын беркемгә дә күрсәтми тота торган бер кечкенә малай турында ул эсәр. Егылып үләсеңмени! Д.Б. хәзер Голливудта. Бер аумакай булып йөри шунда. Бар сөймәгәнем кино минем, исемә генә төшерә күмәгез фильмнарны!

Ләкин минем сөйлесе килгәнем башкачарак, Пенси мәктәбеннән башлана. Бу Пенсильвания штаты, Агерстон жирлегендә урнашкан

башлангыч мәктәп турында ишеткәнегез яки, һичюгы, рекламаларын күргәнегез бардыр әле. Меңәрлэгән журнал битендә чыгалар алар. Көяз генә атка атланган малайлар рәсеме, әйтерсең, бертуктамый поло гына уйнап яталар! Минем ул мәктәп тирәсендә атның «а» хәрефен дә күргәнем юк бит ләбаса. Рәсем астындагы язулары да шыр ялган бит аның, имеш: «1988 нче елдан башлап без малайлардан житкән егетләр коябыз». Нинди егетләр кою. Анда да, башка мәктәпләрдә дә юк ул. Минем анда, гомумән, бер юньле егет күргәнем юк. Бәлки шул бер-ике бардыр инде, чыра яндырып эзләсәң. Алары да аның Пэнсига килгәнче үк егет булып килгәннәре генә.

Сексон Хилл командасына каршы футбол уйный торган, шимбә көн иде бу. Пэнси өчен бик әһәмиятле булып, әлеге ярыш елның соңгы уены иде. Безнекеләр жиңмәсә, асылынганга да аптырамаслар иде, мөгаен. Менә шул көнне көндөзгә өчләр тирәсендә Томсон тавында бер алла язмаган ирек өчен көрәш заманыннан калган пушка янында басып тора идем. Тик моннан ике як команданың футбол кыры буйлап берсен берсе чаптырып йөртүләре шәп күренә. Трибуналарны күреп бетермәсәм дә, безнекеләрнең кычкырган тавышларын таныдым анысы. Саксон Холл трибуналары сыеграк, үзләре белән бер дә жанатарларын йөртмиләр инде алар.

Бу уеннарда кызлар бик сирәк була. Бар гаеп шул ахмак кагыйдәләрдә – бары тик югары класслар гына кызларын алып килә алалар шул. Ни генә әйтсәң дә, сәер мәктәп бу. Мин үзем кызлар әйләнәсендә булырга яратам. Миңа димәгәе, борыннарын тартып, кашынып, кеткелдәп яки башка бернәрсә кыланып тормыйлар, алар белән булу кулаерак. Мәсәлән, безнең директорыбызның кызы-Шелма Тэрмер, әлеге уеннарда бик еш күренгәли. Рәвеше ярыйсы гына булса да, ис китәрлек үк түгел инде ул үзе. Тик күңелемә якын – бервакыт автобуста кара-каршы туры килеп, сөйләшеп тә алганыбыз булды. Тырнагын ашый-ашый канатып бетергән, хикмәт зур борынлы бичара кыз, күкрәкләрен зуррак күрсәтергә теләп гел ни дә булса кыстырып йөри торган иде. Тик күңелдә уелып калаганы шул: ул бервакытта да атасының директор булуы белән мактанмый. Бәлки инде әтисенең буш куык булуын үзе дә аңлый торган булгандыр.

Аста уен баруга карамастан, Томсон Хиллда ялгызым басып торуымың сәбәбе яңа гына фехтование ярышыннан кайтуым аркасында иде. Шул ярамаган шпажистлар командасының капитаны мин. Кем әйтмешли – түрә. Тик менә Нью Йоркның Мак Берни

командасына каршы уйнап карап булмады , барлык ярыш кирәк-яракларын: рапира һәм каскаларны метрода онытып калдырганмын. Уйлап карасаң, минем генә дә гаеп түгел инде ләбаса, шул метро картасыннан кайда төшәсен карап, һич күзләремне ала алмадым. Шулай итеп, төшкә ашка кайтасы урынга, Пэнсига өченче яртыда гына кайтып егылдык. Юл буе бөтен команда белән миннән көлеп кайттылар.

Уен карарга бармавымның икенче сәбәбе – тарих укытучысы Спэнсер карт белән сабуллашырга теләгәнлектән иде. Ул грипп йоктырып өйдә ята, барып килмәсәң, раштуага кадәр укытырга да чыкмавы бар. Өстәвенә, эле ул миңа чакырып записка да язып жибергән, Пэнсига кире кайтмаячагымны сизенгәндер инде, күрәсең.

Ә, әйтергә онытып торам икән, мине бит типтеләр аннан. Минем инде бирегә раштуа каникулларыннан соң кайтмачагым көн кебек ачык – укуны бөтенләй ташладым, дүрт фәнем ябылмаган килеш калды. Өти-әнием, семестр урталарында, карт Тернер янына жыелышка килеп киткәннән соң мине берәз кисәткәләп караганныр иде, файдасы гына тимәде. Менә шулай куып та чыгардылар. Малайларны гел кугалап торалар моннан. Монда таләпләр бик югары шул, чыннан да югары.

Котып шикелле салкын, тау башында бигрәк тә өшетә, ни дисән дә декабрь ае шул инде. Перчаткаларым булса да, юк шул, ике катлы курткадан гына утырам. Бер атна элек кенә кесәсендәге перчаткалары белән бергә дөя йоныннан эшләнгән пальтоны бүлмәмнән селтәделәр бит. Кабахәтләр белән тулган иде шул Пэнси. Бай гаиләләрдән килүчеләр азрак иде шул биредә, ә караклар белән буа буарлык. Шунны әйтәсем килә: мәктәп никадәр затлы – шулкадәр караклары күбрәк, бер ялгансыз, дөресе шул. Шул сәер пушка янында дер калтырап аста барган уенны күзәтеп тордым инде. Уенны гына юньләп карамадым. Күңелемнән генә шушы жир белән сабуллашырга тырыша идем мин югыйсә. Кайсы жирдән генә китсәм дә, мине сагыну хисе, аерылышу газаплары бер дә борчымый торган иде. Яратмыйм мин андыйны. Яхшы итепме, начар итепме, сабуллашырга да, вакытында китәргә кирәк инде ул, китәсе булгач. Китми каласың икән инде, тагы да начаррак хис итәм үземне.

Бәхетле мин үзе, кинәт кенә исемә килеп төшкән бер нәрсә минем моннан чыннан да китәчәгемне кисәтте. Кайчандыр октябрь аенда Роберт Тичнер һәм Пол Кэмпбел белән уку йорты тирәсендә туп

типкэлэп йөргән исемә килеп төште. Әйбәт егетләр иде алар, бигрәк тә Тичнер. Төшке аш алдыннан гына булса да, караңгы төшөп килә иде инде. Аңа да карамастан, без һаман уйный бирдек. Торган саен караңгылана барып, тупны күрмәс хәлгә житсәк тә, уенны һич кенә дә туктатасы килмәде. Тик озакламый туктарга туры килде. Биология укытучысы Замбези ага тәрәзәдән башын тыгып: «тулай торакка кайтып, төшке ашка эзерләнегез», – дип кычкырды. Алай искә төшкәч, сабуллашу берни тормый инде ул, кирәк икән, рәхәтләнөп сабуллашам. Шул хәлләр исемә төшүгә, таудан түбәнгә, Спэнсер картларның өенә таба йөгөрдөм. Ул мәктәп кампусында торуга караганда, Антони Вейн урамында торуны кулай күрдө.

Капкага тикле йөгөрдөм, аннары туктап, берәз тын алырга булдым. Бик күп тартам мин тәмәкене, шунлыктан үпкәләрем начар эшли. Бердәнбер чынлап торып эшләгән эшем шул тарту инде минем. Алай дисәң, монда санаторийда ташлаттылар үзе. Үткән ел 19 сантиметрлап үсөп тә киттем, бәлки шул тәмәке аркасындадыр туберкулез белән авырып, бу ярамаган жиргә эләктем, чиксез тикшерүләр, дөвалаулар – туйдырып бетерде инде.

Ничек кирәк алай тын алгач, Роут трассасын йөгөрөп чыктым. Бозда нигә абына сөртөнә чабуымны да аңламадым, йөрәк шулай кушкандыр, күрәсең. Юлны йөгөрөп чыгу белән, үземне эреп киткән кебек хис иттем. Шундый кояшсыз, салкын, әллә нинди сәер көн, юлны йөгөрөп чыккан саен эреп юкка чыгарсың сыман тоела.

Ну малай, звоночка басып та карадым, чыннын да бик нык туңган идем шул: колакларым сызлый, бармакларымны, гомумән, селкетә алмыйм. «Әйдә инде, ачыгыз. Әйдә инде», – дидем мин хәйран гына яңгыравыклы иттереп, – «үлеп беттегезме әллә анда». Ниһаять, Мисс Спенсер ишекне ачты. Алар ишекне гел үзләре ачалар, бер дә асрау тотмый торганнар иде. Акчалары житеп бетмәгәндер инде күрәсең.

“О-о-о Холден. Сине күрүемә бик шатмын”, – диде мисс Спенсер, ярата иде шул ул мине, әллә мин генә шулай уйладым микән. “Кер жаным тизрәк, катып беткәнсең түгелме соң инде?”

Атылдым гына өй эченә. “Ни хәлләрегез бар мисс Спенсер? Мистер Спенсер ничегрәк?”

Ул минем мистер Спенсер турында сораганымны, гомумән, ишетмәде дә. Колакка катырак иде ул. “Кая пәлтәңне салыйк”, – дип миңа булышырга ашыкты.

Мин кулларым белән чәчләремне сыпыргалап алган арада, ул пәлтәмне ишек катындагы шкапка урнаштырып куйды. Чәчләрем кыска минем, солдатларча кыска чәч белән йөрергә яратам, шуңа да тарап маташасы да юк. Мин соравымны кычкырыбрак кабатладым: “Ни хәлләрегез бар дим, мисс Спенсер?”

“Барысы да яхшы, үскәнем” – дип җаваплады мисс Спенсер. Шкаф ишеген япкач ул: “Үзең соң ничегрәк?”, – дип миңа карады. Аның интонациясеннән үк мистер Спенсерның минем мәктәптән куылуым турында сөйләгәннен аңладым.

“Яхшы!” – дип кырт кистем. “Мистер Спенсер ничегрәк соң? Гриппны жиндеме әле?”

“Белмәссең аныкын. Соңгы вакытта әллә ничек үтә тәртипле тота башлады әле үзен. Вакыты белән сәерсенеп тә куям. Бар, акыллым, түргә уз, ул үз бүлмәсендә”.

Научное издание

**Муллагалиев Наркиз Камилевич
Хисамова Венера Нафиковна**

**АНГЛО-АМЕРИКАНСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В ПЕРЕВОДЕ НА ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК**

Сопоставительное изучение модальности английского
и татарского языков на базе переводных произведений
англо-американских авторов на татарский язык